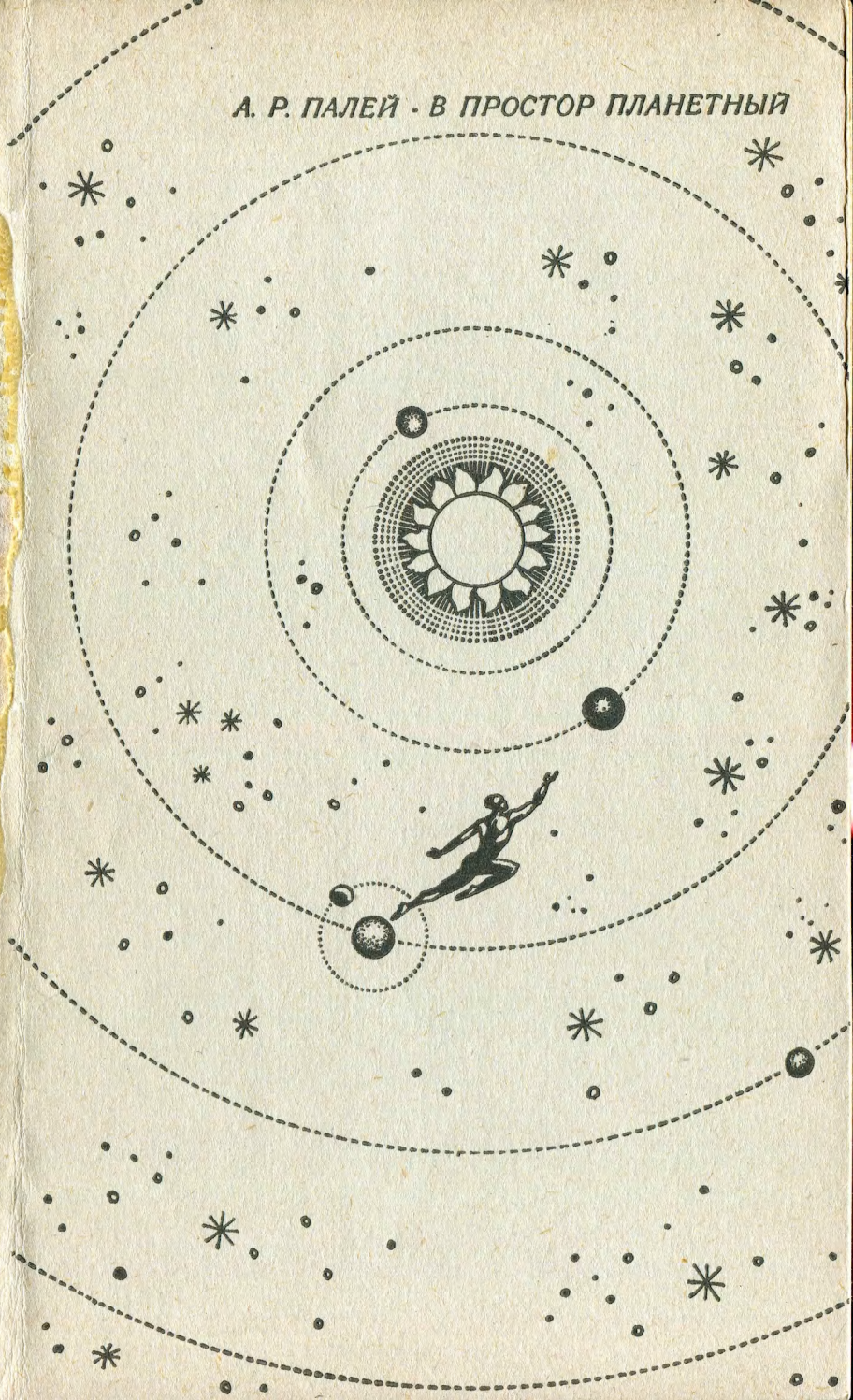

А. Р. ПАЛЕЙ
В ПРОСТОР ПЛАНЕТНЫЙ

А. Р. ПАЛЕЙ · В ПРОСТОР ПЛАНЕТНЫЙ

*ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА • 1968*

А. Р. ПАЛЕЙ
В ПРОСТОР ПЛАНЕТНЫЙ

Р 2
П 14

*ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

ПРЕДИСЛОВИЕ И. А. ЕФРЕМОВА

7-3-2
228-67

ХУДОЖНИК Б. А. ЛАВРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман А. Р. Палея, написанный в динамической конструкции, представляет собой научную фантастику в ее классическом, наиболее любимом мною виде утопии, пронизанной верой в светлое будущее человечества. Этим роман «В простор планетный» выгодно отличается от ставших за последнее время модными многочисленных произведений научной фантастики, в которых рассматриваются мрачные последствия развития науки, техники или некоторых тенденций в современных общественных отношениях. Множество научно-фантастических «предупреждений», иногда не совсем верно называемых антиутопиями, появилось за последние двадцать лет в зарубежной литературе и оттуда повлияло и на советскую фантастику. Естественно, что люди, не подготовленные философски или мало образованные исторически, не владеющие диалектическим методом мышления, постоянно впадают в тупики, которыми так изобилует однолинейное формальное мышление. Однако литература страны, первой из всех идущей путями научного социализма, должна обладать более далеким видением будущего и верить в неизбежную преодолимость великих затруднений исторического развития. Поэтому мне думается, что типичными для советской научной фантастики будут произведения оптимистические, убеждающие в торжестве разума и гуманизма, верящие в естественность доброго в человеке.

Роман А. Р. Палея продолжает эту важную, добрую традицию.

Показывая великие изменения в жизни нашей планеты, происшедшие после объединения человечества в одну коммунистическую семью, автор ведет параллельный рассказ о труднейшей работе по преобразованию целой планеты Венеры, с ее негодными для земной жизни физическими условиями, во «вторую Землю». Роман насыщен

интересными предположениями и научно-техническими допущениями автора. Может быть, читатели не согласятся с некоторыми из них или найдут отдельные данные устарелыми по сравнению с так быстро стремящимся вперед современным научным исследованием. Но нет сомнения, что этот фон всеобщей занятости наукой и всецеловеческого интереса к ней придает роману достоверный колорит будущего. Яркая фантазия А. Р. Палея расцвечивает этот фон картинами жизни на Венере, борьбы людей и против опасных порождений биосферы неистовой планеты, и против бешеной стихии ее неусмиренных недр.

По данным советских и американских межпланетных автоматических станций, Венера — еще более негостеприимная планета, чем она показана в романе А. Р. Палея. Мне думается, что это не мешает читателю принять обстановку такой, как она показана автором. Планета в конце концов может быть любая, важны те люди будущего, которые действуют на ней.

Перед глазами читателя проходит галерея людей, может быть обрисованных неровно, с разной степенью мастерства в образах и характерах. Но к чести автора надо сказать, что большинство персонажей несет в себе явные черты людей будущего как в личных, так и в общественных отношениях.

Главной из этих черт можно назвать добрую заботу о человечестве в целом, так же как и друг о друге, представляющую по существу проекцию в будущее коммунистического гуманизма, достижение которого поставлено в нашей стране основным стержнем общественных отношений.

Позволю себе высказать надежду, что роман А. Р. Палея будет хорошо встречен читателями всех возрастов, и особенно юношеством.

И. А. Ефремов

*Памяти друга,
работника книги*
МАРИИ ПЕТРОВНЫ КОРОВИНОЙ

*Царям над жизнью, нам, селить
просторы
Иных миров, иных планет!*
В а л е р и й Б р ю с о в

Глава первая.
С ЗЕМЛИ ВСЕ ВИДНО

С Земли все видно и слышно. Только с запозданием — пока дойдут электромагнитные волны. Венера сейчас в ближайшем расстоянии от Земли, и все же путь волн в обе стороны — около четырех с половиной минут.

Хотя запасы энергии у межпланетного корабля ограничены — человечество должно воочию видеть эти первые шаги своего величайшего предприятия. Теле Мирового Совета принимает передачу и транслирует ее по всей Земле.

Торжествует гордый замысел человечества!

Пьер Мерсье у себя. На столе — таблицы, графики, расчеты. Они сделали свое дело.

Пьер смотрит и слушает. Его лицо напряжено, внимательно. Оно очень бледно от волнения, и оттого черные, как тушь, волосы кажутся еще чернее.

Все, что происходит сначала внутри корабля, а затем на маленьком участке далекой планеты, доступно наблюдению.

— Спокойствие, друзья!

Грозные громовые раскаты, хотя и ослабленные звукоизоляцией, заглушают следующие слова Петра Горячева.

Выражение лица командира уверенно и твердо. Его широкий покаты́й лоб и мощная фигура отчетливо вырисовываются в непрерывающемся блеске фиолетовых молний.

Гром неистовствует. Раскаты, еще усилившись, слились в устрашающий рев. Слепящий блеск молний пронизывает прозрачную кабину, временами становится нестерпимым. А временами — меркнет, теряется в клубах, вихрях, дымах, смерчами налетающих, несомых, видимо, мощным ветром. Свиристые тучи вздымаются с самой поверхности планеты, мчатся откуда-то со стороны. И когда

прерывается на мгновение гром — неизвестно, что страшнее: рев его, вдруг замолкающий, или ужасающий свист пылевых вихрей, смерчей. Мерсье знает эти дикие грозы, эти песчаные вихри — он наблюдал такую подавляющую картину не раз во время своих посещений Венеры с предварительными экспедициями. И Горячев, конечно, знает: он ведь тоже участник нескольких экспедиций.

И все же Пьеру беспокойно. Не из-за Горячева. Из-за тех молодых, кому все это внове. Да, правда, они все это видели, слушали по записи. Но другое дело — на месте...

Грохот, вой, визг, ослепительный, гаснущий и вновь вспыхивающий блеск.

Надо поберечь нервы высадившихся на Венеру. Горячев повернул рычажок, и прозрачность стен и палубы уменьшилась наполовину. Блеск молний потускнел, стал как бы размытым, однако трудно смотреть на происходящее снаружи. Молнии не просто сверкают сверху, они бьют из низко нависших туч прямо в поверхность планеты. Словно кто-то пытается сшить огненными нитями небо и землю. Небо? Вместо него непроницаемая гуща облаков. Земля? Не Земля, а Венера. К этому надо привыкнуть. И не к названию только.

Электромагнитное поле космического корабля отклоняет молнии, и ни одна из них не ударяет ближе, чем в десяти метрах. Пылевые вихри опадают на таком же расстоянии. А если бы не это — несомые ими камни гремели бы об обшивку корабля. Они, конечно, не пробивали бы ее — и метеоры не пробивают.

Гроза и вихри прекратились внезапно.

Электричество пылевых туч и вихрей над планетой, как и электричество высотных облаков, еще мало исследовано и никак не подчинено власти человека, даже неизвестны закономерности его взрывов и затиханий.

Мутный свет залил каюту. Горячев повернул рычажок до полной прозрачности. Но дневной свет — унылый, гнетущий.

Горячев скомандовал:

— Надеть скафандры!

Уже в течение многих поколений никто не слышал командного тона. Однако участники Большой Экспедиции привыкли к нему за время долгих тренировок. Они быстро выполнили приказ.

Оставив двоих в корабле для наблюдения за приборами и связи с Землей, руководитель направился к выходу, остальные — за ним.

Пьер неотрывно следит за всем происходящим. Его рука машинально протягивается к передатчику: как хочется в этот момент крикнуть слова ободрения! Он делает над собой усилие и отдергивает руку. Это оказывается очень трудным — будто сдвигаешь непомерную тяжесть. Но говорить с экспедицией сейчас нельзя: ее аппаратура не настроена на прием. Да и пока слова дойдут — люди уже будут на поверхности планеты.

Горячеву местность знакома. А сорок семь человек, один за другим миновав камеру воздушного шлюза, вышли на поверхность планеты впервые. Вышли и остановились, озираясь. Открывшийся им новый мир выглядит мрачно. Тусклый желтоватый дневной свет. Ни малейшего проблеска солнца. Это создает безотчетно-тревожное настроение. Чувствуется: атмосфера до предела насыщена электричеством. Вот блеснул колеблющийся, словно призрачный, неуловимо и беспрерывно меняющий форму огонек на вершине скалы. Поблестел — бледный в дневном свете — и исчез. Но тут же в другом месте появился новый. И третий, четвертый... Они извиваются, вытягиваясь и сокращаясь, беспрерывно меняя очертания, словно горящее на ветру газовое пламя.

По бугристой равнине разбросаны холмы то с округлыми, то с заостренными вершинами. Кое-где торчат голые скалы. Горизонта — такого, как на Земле, — нет. Кажется, будто стоишь на дне огромной чаши. С одной стороны вдаль желтеет кайма леса, с другой — возвышается конусообразная гора. А в остальных направлениях — сколько можно видеть — желтая каменистая даль. Вверху ползут плотные, громоздящиеся друг на друга тучи.

Кому, как не Пьеру, знать всю сложность и опасность грандиозного предприятия! Сколько было споров о возможности освоить Венеру! Невероятно высокие температура и давление!

Ну так что же! Предварительные экспедиции ведь работали в этих условиях! Скафандры выдержали, и еще в них оказался, как и было предусмотрено, большой запас прочности. А можно ли изменить эти ничего общего с земными не имеющие условия? Но ведь предварительные экспедиции и начали это делать. Однако они только чуть тронули планету. А хватит ли для полного ее пре-

образования энергетических возможностей? Хватит ли выдержки, силы воли, самопожертвования у людей?

Но сторонники заселения Венеры в конце концов победили. В этом большая доля его, Мерсье, усилий, его знаний, таланта, настойчивости, экспансивности. Не вечно же человечеству жить на одной Земле! Кто прикажет Человеку замкнуться навсегда на старой планете?

Именно эту местность, где высадилась группа Горячева, наметил Пьер для сборки первого дома. С ним согласились: он больше других работал над изучением Венеры и всех условий работы Большой Экспедиции.

Опасно? На Венере везде опасно. Но это место, по расчетам, одно из самых спокойных. Сравнительно, конечно. И самых прохладных. Тоже, конечно, относительно.

Не температура решает. Для скафандров она безразлична. Для людей имеет значение чисто психологическое — они не почувствуют разницы в несколько десятков градусов. Они поймут, глядя на показания скафандровых термометров: температура здесь не стабильна, она изменяется в зависимости от условий местности. Но это надо будет учесть в дальнейшем, при ее искусственном изменении.

Пьер завидует Горячеву и его спутникам. Мировой Совет не разрешил ему участвовать в Большой Экспедиции. Здесь, на Земле, надо координировать все дела, связанные с постройкой серии межпланетных кораблей нового типа, с отбором и тренировкой участников, с отправкой на Венеру их и всего необходимого для жизни и работы там... Объем всей этой деятельности так велик, что для руководства ею создан специальный Совет Освоения Венеры. На самой планете будет Штаб Освоения, а Совет, чтобы охватить все, должен находиться на Земле. И без Пьера Мерсье тут не обойтись, ведь он — душа этого предприятия.

Пьер понимает, что иначе и быть не могло. И все же он завидует... И смотрит, слушает, весь ушел в зрение и слух — он как бы присутствует там.

Жан Тэн внимательно смотрел на друзей, ступивших вместе с ним на поверхность незнакомой планеты. Вот они стоят замершие, сосредоточенные, но, видно, ничуть не угнетенные раскрывшимся перед ними невеселым пейзажем. Они полны бодрости, жадного любопытства, нетерпеливого стремления поскорее начать трудную и опасную схватку с неприветливой природой. Скафандры при-

дают их фигурам некоторое однообразие, но сквозь прозрачную ткань каждый отчетливо виден.

За время полета Жан успел близко познакомиться с некоторыми из сорока девяти своих спутников.

Вот бенгалец Шотиш Дотто, подтянутый, сухощавый.

Рядом с Жаном Ванда Апресян, невысокая блондинка, с быстрыми, даже порывистыми движениями, стремительной речью и пришепетывающим, но приятного, бархатистого тембра голосом.

А там — самая крайняя — Герда Лагерлеф. Ее он хорошо знал на Земле. Она вулканолог. Он рад, что Герда здесь, ему было приятно, когда он узнал, что она летит в одном с ним корабле... Эта невысокая полная девушка, со слегка переваливающейся походкой и немного запинаящейся иногда речью (особенно когда волнуется), кажется ему ближе других спутников, может быть, потому, что ему уже довелось на Земле работать и учиться у Мерсье вместе с ней. Ему кажется — она больше, чем кто другой, связывает его с родной планетой...

Люди разных национальностей прибыли сюда, и будь это в двадцатом, скажем, веке, — пожалуй, не обошлось бы без переводчиков. Но теперь, когда каждый владеет по меньшей мере четырьмя-пятью языками, это не требуется. А если б оказался человек, не знающий языков, на которых говорят присутствующие, то ведь существует индивидуальная портативная переводная машина.

Вот если б еще с ними был Сергей Костров!

Но Сергей — в числе противников освоения Венеры. Здесь, в эту минуту, особенно остро вспоминается их последний спор.

— ...А потом? Ну, Большая Экспедиция закончится. Что дальше?

— Освоение Венеры продолжится. Часть человечества туда перейдет.

— Будто на Земле так уж тесно?

— Пока еще не очень. Но население растет. Не так ли?

— Конечно, так. Но очень медленно. Так зачем же сейчас забираться на бешеный шар?

Жан не ответил. Встал и быстро прошелся по комнате, залитой ярким, но не знойным светом дня. Остановился у прозрачной стены, отчетливо выделяясь на ее фоне, как темный силуэт на белом бумажном листе: высокий, худощавый, очень смуглый. Черные волосы, черные глаза — резкий контраст с Сергеем, светло-сероглазым, русым до

белизны. «Негатив и позитив», — шутя называли их знакомые. Друзья, впрочем, различались не только внешнею, но и темпераментами: быстрый, вспыльчивый Жан так непохож на уравновешенного, обстоятельного Сергея. Не только друзья, но и товарищи по искусству: Сергей — живописец, Жан — скульптор. А тут между ними вспыхнул резкий спор. И не удивительно: речь шла о судьбах человечества. Кто к этому может быть равнодушным?

Жан чувствовал, что вот-вот взорвется. И чтобы погасить сильное волнение, устремил взгляд на хорошо знакомое, но неизменно привлекательное для него зрелище.

Просторный тихий город. Только ближайшие здания можно отчетливо рассмотреть, остальные тонут в зелени, озаренной солнечными лучами. А между теми, что поближе, попеременно с зеленью деревьев и кустов, сияют цветочные ковры, подобранные в тщательно продуманную гармонию красок. В комнату через вентиляторы льется аромат цветов — единое целое, в котором трудно различить отдельные запахи, но это не смесь, а сложный аромат. Так из разных цветов солнечного спектра слит единый цельный цвет. Запах новый, такого еще не было. Садовники конструируют запахи каждую декаду, и сегодняшний ощутимо отличается от предыдущего. Лучше ли он? Об этом скажет жюри, но он хорош уж тем, что новый. Однако есть в нем что-то и от прежнего, как в следующем за ним будут элементы нынешнего. Ибо во всем — и в истории человечества, и в его развитии, и во всех деталях жизни и быта — сегодняшнее растет из вчерашнего, а завтрашнее рождается из сегодняшнего.

Дома разной высоты — от гигантских до двух- и одноэтажных. Чем выше здания, тем большие промежутки их разделяют.

Дома поднимаются амфитеатром по мере удаления от центральной площади, окружая ее. Людей на площади мало, их фигуры не затевают ее, и потому на ней отчетливо выделяется симфония красок, разыгрываемая солнечными лучами.

Стены и крыши зданий свободно пропускают рассеянный свет, но изнутри, по желанию, можно уменьшить прозрачность до любой степени, хоть до нуля.

Стены невысоких зданий, глядящих непосредственно на площадь, изобилуют призмами и причудливыми выступами и гранями. Они отражают солнечные лучи, дробят их на узкие длинные радужные полосы. Многократно пересекаясь и соприкасаясь, лучи, подчиненные за-

мысли архитектора и цветокомпозитора, создают музыку красок. В одних местах, где цвета бледнее, она звучит тихо, порой едва слышно, почти погасая. В других — гремит торжествующими аккордами. Местами преобладают спокойные цвета — синий, фиолетовый, голубой. Местами ярко полыхают алый, оранжевый, желтый. Неуловимые многообразные переливы, переходы между цветами объединяют их в одно стройное целое. По мере того, как на небесном своде солнце изменяет свое положение, одни цвета и оттенки переливаются в другие, каждое мгновение создает новые, и беззвучная музыка продолжается в солнечные дни от восхода до заката, начинаясь на мажорных, радостных тонах утра и кончаясь утомленно-примиренными вечерними нотами.

На минуту отвлечшись от беседы, Жан молча созерцал непрерывающуюся игру оттенков цвета. Она не всегда одинакова. Как садовники меняют симфонии запахов, так цветокомпозиторы создают новые симфонии цвета. И обе эти композиции сливаются в одно целое.

Сейчас, перед полуднем, расцветал самый пышный, самый торжественный аккорд цветовой симфонии, и, как всегда в этот час, внимая ему, Жан ощутил высокий душевный подъем.

Он поднял голову, устремил взгляд вдаль. Там, за крайними, самыми высокими зданиями города, густая зелень городских и приморских садов сливается с глубокой синевой лесной опушки. А еще дальше смутно синее море, перебиваемая белеющими всплесками мелких волн.

Местность сохранила старое название — Сахара. Как она выглядела раньше, можно увидеть на снимках и макетах в Историческом музее.

— Напрасно любишься! — сердито сказал Сергей. — Тебе ведь это все ни к чему. Ты же хочешь, чтобы люди покинули Землю и бросились в дикие края!

Жан отошел от стены и стал против собеседника, глядя ему прямо в глаза. Ямочка на подбородке придавала лицу Сергея мягкое, чуточку нерешительное выражение, взгляд был внимателен, вдумчив.

— Ведь на Земле еще дел по горло, — продолжал Сергей. — Вот скоро примемся вплотную за льды Арктики и Антарктики.

— Мировой Совет отверг эту абсурдную идею, — возразил Жан, — не так ли?

— Во-первых, отверг пока не окончательно. А во-вторых, почему абсурдную? Что, она более абсурдна, чем переделка Венеры?

— Азбука! Тысячу раз говорили! Океан поднимется на десятки метров. Большие пространства суши будут залиты, а вовсе не освободятся.

— Да ведь одновременно будут строиться громадные плотины...

— Разве только в плотинах дело! Обо всем этом писали еще двести лет назад!

— Ну да, наизусть могу повторить! Испарение в Арктике увеличится, большие снегопады приведут к новому оледенению. Растопим льды Антарктики — течение всех рек замедлится, повысится уровень грунтовых вод, разольются огромные болота. Увеличится облачность — и в Антарктиде тоже начнется новое оледенение...

— Значит, тебе все ясно, не так ли?

— Мне неясно только одно, — уже зло сказал Сергей, — почему надо слепо принимать на веру сказанное двести лет назад? И почему, прежде чем закончится освоение Земли, надо начать переселяться на другую планету и тратить на нее те силы, которые нужны здесь?

— Работы на обеих планетах надо вести одновременно, — категорическим тоном заявил Жан, — сил для этого хватит.

— Неверно! Сначала надо закончить с Землей!

— Ты проповедуешь бескрылость, вот что!

— А ты — опасный риск!

— Котон... И мы, его сторонники...

— Твой Котон — просто реакционер!

— А твой Мерсье — авантюрист!

...Воспоминание Жана было прервано приказанием Горячева.

Спустя минуты слова его дошли до слуха Мерсье.

— Прежде всего — выгрузка и сборка дома! — неторопливо и четко произнес Горячев. Его голос прозвучал неожиданно громко: люди еще не привыкли к тому, что плотная атмосфера резко усиливает звуковые волны.

Они вытянулись в цепочку и стали передавать из рук в руки баллоны со сжиженным воздухом и части здания. Баллоны не тяжелы: они из упругой синтетической газовой жароустойчивой пленки, выдерживающей очень сильное давление. Части же дома и того легче: просто пакеты с такой же упругой и тонкой пленкой. Тяжелы толь-

ко части будущего фундамента, но и они несколько легче, чем на Земле: сила тяжести на Венере меньше.

До сих пор Жан лишь в исторических фильмах видел ручную выгрузку. Вскоре он почувствовал усталость. Взглянув на Ванду, заметил, что у нее дрожат руки.

— Тебе тяжело? — спросил он.

— Нет, ничего, — ответила она.

Повернув голову влево, Жан заметил, что не все заняты выгрузкой. Некоторые уже собирали здание.

Горячев и двое юношей вынесли из корабля большой туго скатанный рулон; положили его наземь и раскатали. Получился широкий, плоский, тонкий, очень прочный круг. К нему присоединили провод от аккумулятора. Бесшумно заработала искусственная мышца. Незримо вибрируя с огромной частотой, круг стал въедаться в почву. Медленно, но неуклонно он опускался, а у краев круга вырастали отвалы, окаймляя его невысокой круглой грядой.

Когда круг достаточно углубился, он стал основанием фундамента, погруженного в котлован. И поверх круга Горячев и его помощники уложили плиты фундамента.

Выгрузили арки-трубы. Они так легки, что один человек шутя справляется с каждой. Только что труба была пакетом пленки, но в нее впустили сжатый воздух, и она быстро приобрела нужную форму. Из этих труб собирают каркас дома, на него натягивают пленку. Входить и выходить придется, как в корабле, через шлюзовую камеру. Очень не скоро на поверхности планеты можно будет находиться без скафандров.

Фундамент и крепление к нему всех составных частей дома рассчитаны на самые сильные ураганы.

Интерес, с которым Жан, не отрываясь от работы, наблюдал за сборкой дома, помогал ему преодолевать усталость.

Вот уже на дом легла крыша — широкий купол из той же пленки.

Красивое, легкое круглое здание. Первая постройка человека на Венере!

Жан продолжал ритмично, автоматически поворачиваться то вправо, то влево, принимая и передавая груз. Теперь пошли контейнеры с внутренним оборудованием для дома, с пищей и другими припасами.

Через некоторое время Горячев крикнул:

— Отдых! Перерыв! В корабль!

Последним вошел он сам.

Пьер оторвался от экрана.

Сколько раз он в воображении представлял эту картину! И именно так!

Нет, не совсем так. Он ведь мечтал быть в числе участников высадки. Но мечта тем и отличается от действительности, что, как бы она ни была реальна, в ней всегда есть доля неосуществимого, хотя и желанного.

— Ну как? — спросил Горячев. — Отдохнули? Продолжим работу?

Молодежь ответила утвердительными, нетерпеливыми возгласами. Скупая улыбка преобразила его замкнутое лицо — на мгновение оно стало открытым, приветливым.

— Выходим! — сказал он, и люди, надевая на ходу скафандры, потянулись к шлюзу. Одной из первых вышла Ванда Апресян. За ней еще человек десять. Горячев тоже направился к выходу. Жан за ним.

Вдруг каюту залил густо-багровый свет. Ужасающий грохот ударил в уши. По внешней оболочке корабля загремели удары, но на фоне этого грохота они казались не очень громкими. Пурпурный блеск не гас, он был так ярок, что веки непроизвольно смыкались. Опять гроза?

Но то, что Жан увидел сквозь прозрачную стену, было настолько страшно, что он не сразу понял, в чем дело. Нет, не гроза.

Дома не было. На его месте зияла огромная воронка. Оттуда исходил этот нестерпимый красный свет. Из глаз потекли обильные слезы. Через их дрожащую радужную пелену Жан видел, как бушует бездна. Оттуда, как снаряды, вылетали огненные комья, огненная река медленно, но неуклонно шла к кораблю. Над ней вздымался красный пар. Или дым? Тучи вверх сверкали пурпуром. Бездна ширилась с каждым мгновением, свет не мерк, грохот не смолкал.

Жан отошел от стены.

У двери стояли двое юношей — только вошли. Их скафандры покоробились.

— Таблетки! — крикнул Горячев. Юноши сразу поняли — вынули и проглотили по дезинфицирующей таблетке.

— Одни вы? — резко спросил Горячев.

Ему не ответили. Он больше не спрашивал.

Еще секунда страшного молчания.

— Пилот! — крикнул Горячев. — Подъем!

Грохот усилился, град вулканических бомб загредел по обшивке корабля.

Мгновенно заработавшего двигателя почти не слышно было за грохотом. Толчок. Ракета быстро пошла вверх и врезалась в облака.

Все произошло на глазах у земного человечества.

Мерсье не отрываясь смотрел на опустевший экран. Страшная картина не сразу дошла до его сознания. А когда дошла — он почувствовал себя опустошенным, пришибленным.

Страшно видеть своими глазами гибель людей и быть бессильным спасти их. Но самым ужасным ему кажется то, что это удар по идее освоения Венеры — делу всей его жизни.

Багровый туман заволоч окна корабля, включилось освещение. Люминесцентный свет смешался с блеском кроваво-красного тумана и принял незнакомый, таинственный оттенок. Слышнее стал рокот двигателя: слабее доносился гром извержения, смягченный расстоянием.

— Прекратить подъем! — сказал Горячев. Голос его был так не похож на обычный, что Жан невольно оглянулся.

Горячев стоял неподалеку от него. Всегда невозмутимое лицо командира было искажено выражением мучительной боли, зубы стиснуты так, что казалось — сломается челюсть. Мгновенным усилием воли он вернул своему лицу обычное выражение. Взглянув на справочник, ровным, как бы бесстрастным голосом сообщил пилоту координаты нового места назначения. Затем обратился к радистке:

— Свяжись с Землей.

— Связи нет, — сказала она, не поднимая головы от аппарата.

Горячев подошел к ней и тоже склонился над аппаратом.

Он в полной исправности. Так в чем же дело?

В наушниках хаос разнообразных звуков. Треск, шум, прерывистый визг. Ни намека на человеческий голос.

— Услышат хотя бы они нас? — спросил Горячев.

— Вряд ли. Ионосфера...

Горячев задумался. Во время прежних экспедиций такого перерыва сообщения не случалось. Но яростная планета грозит всякими неожиданностями...

«Как теперь быть? Положение, похоже, безвыходное.

Дом погиб. И другой собрать не из чего: все выгружено. Вынесены основные запасы пищи, материала для синтеза воды и воздуха, для очистки его. В корабле остались лишь небольшие аварийные запасы. Хватит их очень ненадолго, а когда может прийти помощь? Очевидно, не получая в течение суток или более сообщений, с Земли пошлют спасательную ракету. Но пока она придет! И где сядет? Надо полагать, ее направят туда, где мы сначала высадились. Этого нельзя допустить! Но как предупредить?

И если даже они опустятся благополучно, мы не сможем, вероятно, передать им наши координаты. Правда, они тщательно обыщут всю планету и не успокоятся, пока не найдут нас; но сколько на это потребуется времени? А если их локаторы тоже здесь выйдут из строя?

Вернуться на Землю? Горючего и других аварийных запасов для этого может хватить. Но возвращаться не следует. Послать большую группу людей на Венеру со всем необходимым — очень сложное дело. Нам дано определенное задание. Имеем ли мы право вернуться, не выполнив его — даже при таких трагических обстоятельствах? Конечно, противники освоения планеты ухватятся за эту ужасную катастрофу. И возвращение ни с чем очень поможет им».

О погибших людях Горячев запретил себе думать. Он не имел на это права.

Он выглянул наружу. Ничего не видно — густой туман заволок все. Машина идет внутри облачного слоя. Стрелка альтиметра колеблется около четырнадцати километров: этого достаточно, чтобы не наткнуться на самые высокие горы планеты.

Горячев обернулся. Рядом с ним стоял Жан. Руководителю экспедиции нравился этот черноволосый худощавый юноша, быстрый в движениях, с высоким, иногда срывающимся, как у подростка, голосом. Горячев знал, что он талантливый вулканолог, один из лучших учеников Мерсье и в то же время даровитый скульптор.

Сейчас лицо молодого человека было горестно. Он ссутулился, опустил плечи.

В каюте царила гнетущая тишина.

Эти погибшие молодые друзья. Ванда... Жан видел ее так отчетливо. Вот она стоит возле него в цепи и, сияя молодостью и восторгом, побеждающими усталое выражение лица, передает ему пакеты, баллоны, трубы... А

теперь от нее не осталось даже горсточки пепла! Как и от восьми других...

Горячев, глядя на висевшую перед ним карту, где автотурман прокладывал трассу полета, скомандовал:

— Спуск!

Глава вторая.
«ТЫ — УБИЙЦА!»

— Уже больше двух часов!

Радист Еритомо Ниягава, не отрываясь от аппарата, взглянул на противоположную стену, где сменялись цифры минут.

— Да, Сергей. Два часа и десять минут нет связи.

Он неустанно посылал позывные и слушал, слушал...

Как точно ни настраивай аппарат, полностью изолироваться от других волн, как при связи в пределах Земли, нельзя. Приходят волны из глубин космического пространства, приносят с собой глухие потрескивания, маленькие взрывы, прерывистые шорохи...

Нет, не слышно хорошо знакомого голоса радистки космического корабля Нины Розелли. Его уж ни с кем не спутаешь: Нина обладает способностью высыпать чуть не десяток слов в секунду. Это совсем неплохо, когда время для передачи строго ограничено.

Но сейчас — ни одного слова. Уже два часа пятнадцать минут прошло с того момента, как Нина скороговоркой, без всяких промежутков между словами, но вполне спокойно доложила в последний раз:

— Дом закончен, смонтированы шлюзы, внутри нормальное давление, собрана очистка воздуха, охлаждение, перенесены еда, питье...

Тут раздался сильный треск и наступило молчание. Сверкнуло что-то красное, а затем... все, все увидели ужасающее зрелище. И Еритомо, и Сергей, и стоявший рядом с Еритомо председатель Мирового Совета Олег Маслаков, высокий, стройный, седой человек лет восьмидесяти, по прежним понятиям глубокий старик. Однако ничего в нем не было старческого, хотя резкие продольные морщины пересекали лоб над переносицей. Сергей с отчаянием смотрел на него. Маслаков положил руку на его плечо, но продолжал молчать. Сергей с запозданием объяснил свое присутствие в помещении пункта межпланетной связи:

— Там мой лучший друг, Жан Тэн,— сказал он очень тихо. Маслаков кивнул.

— Понимаю,— сказал он тоже совсем тихо, но, как всегда, удивительно отчетливо, чеканя каждый звук, и оттого речь его казалась громче, чем была на самом деле.

Внезапно Еритомо скинул наушники и перевел аппарат на громкую речь:

— Слушайте!

Раздался глуховатый голос Горячева:

— Говорит Венера.

— Слышим, слышим,— торопливо, задыхаясь, ответил радист.

Мучительно тянулись минуты. Сергею всерьез показалось, что часы остановились. Но вот цифра сменилась.

И опять — без конца...

Еще минута...

Ожидание продолжается.

Наконец, наконец-то.

На экране появилось неясное изображение внутренней ракетной каюты. На переднем плане лицо Горячева, покатый купол головы, резко выдающиеся надбровные дуги, скорбный взгляд.

— Не посылайте спасательный корабль на прежнее место,— быстро проговорил Горячев,— мы не там.

Сергей сел поодаль, пристально глядя на экран.

Горячев продолжал:

— Погибли девять (перечислил имена). Выгрузили все, кроме аварийных запасов. Хотим продолжать работу.

Затем он назвал координаты нового местонахождения корабля.

— Спасательную ракету отправим немедленно,— сказал Маслаков,— будьте тверды.

Корабль отключился.

Маслаков обернулся к Сергею:

— Теперь связи долго не будет, разве в крайнем случае. Им придется жестко экономить энергию.

Помолчав секунду:

— Итак, там твой лучший друг.

— Да. Мы спорили...

— Приходи на экстренное заседание Мирового Совета. Через час.

— Говорил и повторяю. Авантюра. И никому это не нужно.

Сергей внимательно смотрел на говорившего. Это был невысокий, плотный человек с рыжеватыми волосами, несколько грузной фигурой. Он говорил, встав со своего места в одном из задних рядов, почти не жестикулируя, и стоял так неподвижно, словно его ноги были врыты в землю. Голос звучал монотонно, составляя контраст с резкостью выражений.

Огромный светлый ступенчатый зал был полон: кроме членов Совета сюда пришли многие. Сергей знал, что аудитория заседания этим далеко не ограничивается. Большинство населения земного шара следило за обсуждением волнующего всех вопроса.

Лица были сосредоточены, некоторые нахмурены. Говоривший продолжал:

— Если бы нас послушали, не было бы этих жертв. Кто-то возразил из середины зала:

— Борьбы без жертв не бывает!

Говоривший отпаривал:

— А зачем эта борьба? На Земле еще немало дел. И она так хорошо теперь уже устроена — зачем нам другие планеты?

Высокая, совершенно седая женщина — член Мирового Совета — поднялась со своего места за столом.

— Думаю, ты неправ, Симон Котон, — сказала она. — Людям понадобятся новые просторы. Человечество будет властителем не одной Земли, но всей Солнечной системы.

По тихому одобрительному гулу Сергей уловил: многие из собравшихся согласны с ней. А из дальних рядов донесся чей-то звонкий девический голос:

— Не только Солнечной!

Женщина села, а Котон остался стоять с упрямым выражением лица. Он продолжал:

— Ну, может быть, планеты когда-нибудь и понадобятся, но разве только через несколько поколений. А сейчас незачем ими заниматься.

Он сел.

Теперь заговорил Маслаков. Голос его звучал по-обычному отчетливо, но печально:

— Мы считали, что достаточно знаем о Венере. Превенные экспедиции собрали большой материал. Вулканическая деятельность на этой планете очень сильна, но не везде одинаково. Геологи, участвовавшие в экспедициях, вместе с другими специалистами тщательно обработали полученные сведения. Нашли, что место, выбранное для посадки первого большого корабля, — самое безопасное.

— Если так,— подал реплику с места Котон,— значит, переселение надо не отложить, а вообще исключить. А кто ответит за девять жизней?

— Я отвечу!

Это сказал один из членов Совета, сидевших за столом. Сергей никогда не встречался с Мерсье, но хорошо знал его по всемирным выступлениям. Лицо с длинными черными ресницами, густыми бровями, темно-кариими глазами, крупным с горбинкой носом и полными яркими губами, голова с черными, вьющимися надо лбом волосами были знакомы почти всем обитателям Земли. Пьер много раз выступал со страстными, убежденными речами, настойчиво и доказательно утверждая необходимость и полную возможность освоения Венеры. Его слушали неизменно с захватывающим вниманием даже те, кто не соглашался с ним.

— Да,— сказал, вновь вставая с места Котон,— ты ответишь. Ты настаивал на этой авантюре. Ты — убийца!

Сергей вздрогнул, услышав это страшное, такое неприличное для последних поколений слово. Будто удар тока пронизал всех.

Мерсье ничего не ответил. Все напряженно следили за ними. Противники стояли, издалека глядя друг другу прямо в глаза. Лицо Мерсье, всегда поражавшее быстрой сменой выражений, выдавало сильнейшее душевное смятение.

Но тут вмешался Маслаков:

— Не один Мерсье — все мы отвечаем за гибель участников экспедиции. Выводы о состоянии недр Венеры будут срочно пересмотрены.

Глава третья. **ТЯЖКИЙ ПРИГОВОР**

Котон не унимался. Он вел настойчивую агитацию против освоения Венеры. Но дело было, конечно, не только в Котоне.

Вообще разногласия между Советом переустройства Земли и Советом освоения Венеры возникли уже давно — с тех пор, как был создан последний.

Людам свойственно переоценивать любимое дело. Совет переустройства Земли сделал уже так много, что участники этих работ законно могли гордиться результатами своего труда. И в то же время они считали: предсто-

ит сделать еще столько, что незачем отвлекать силы на другие планеты. Освоение их — вопрос далекого будущего, утверждали они. А пока надо завершить покорение Земли, в первую очередь уничтожить гигантские ледяные покровы на значительной ее части. Но как справиться с последствиями уничтожения льдов, было еще не вполне ясно. Над этим работали физико-географы, гляциологи, метеорологи, энергетики, биологи.

Мировой Совет — главный координирующий центр всех человеческих усилий — счел, что уже можно приступить к широкому освоению Венеры, это не помешает ведущимся на Земле работам: в распоряжении человечества имеются вполне достаточные энергетические ресурсы.

Чем больше знаний о Венере накапливали направляемые туда экспедиции, тем более реальной оказывалась возможность заселения планеты, хотя всем была ясна необычайная сложность этого дела. По мере того как проект получал все более солидное научное обоснование и число его сторонников увеличивалось, противники активизировались. Сначала они утверждали, что слишком мало данных для принятия столь важного решения. Затем, когда сведений накопилось достаточно, стали брать под сомнение их достоверность. Ну, а теперь-то уж, после происшедшего...

Сергей не раз ожесточенно спорил с Жаном. Но как бы ни были запальчивы, остры их споры, они всегда оставались лучшими друзьями. Котон вовсе не был авторитетом для Сергея, которому было неприятно его тупое, прямолинейное упорство. Мерсье импонировал ему широким, острым умом, громадными знаниями, целенаправленностью. Это была настойчивость творческой убежденности. Но цель-то казалась Сергею недостаточно обоснованной.

Правда, в личности Мерсье было нечто смущавшее Сергея.

Он не вполне мог отдать себе отчет — что именно. Мерсье очень много делал для освоения планет и всячески пропагандировал эту идею, приводил неопровержимые, казалось бы, доводы. Упоминал об атмосфере, состоянии недр и других условиях Венеры, называл цифры нужной затраты энергии, говорил о способах добывания ее. Намечал, сколько людей и каких специальностей понадобится на первое время...

Но о людях Мерсье упоминал словно о безликой массе. Живых, конкретных людей не чувствовалось за его

цифрами. Иногда даже начинало казаться, будто они только орудия для выполнения дерзких замыслов. Мелочь, но характерная: рекомендуя в одном из своих выступлений состав экипажа первой ракеты Большой Экспедиции, Мерсье скороговоркой назвал людей по именам, перечислил их специальности, но ничего не сказал об их характерах, индивидуальных особенностях. А так хотелось это услышать! Ведь это существенно важно для тех сложных и трудных условий!

Быть может, даже неодобрительное отношение Сергея к освоению планет в какой-то мере было связано с этим его ощущением, что Мерсье недостаточно внимателен к людям. Такова человеческая психология — иной раз любовь или антипатию к идее невольно связываешь со своим отношением к ее носителю.

Мировой Совет назначил комиссию для новой проверки и оценки сведений о Венере. С нетерпением Сергей, как и все человечество, ждал выводов. Каждое утро в определенный час самолет ближних перевозок доставлял его в лабораторию по переработке планктона. Привычная работа не мешала следить за текущими сообщениями и размышлять. Как и его немногочисленные товарищи по лаборатории, Сергей напряженно слушал передачи. О Жаконе и его спутниках ничего не сообщалось.

Что они там делают? И как им мучительно тяжело: горе из-за гибели друзей, неопределенность ближайшего будущего.

По всемирному теле сообщили, что через несколько минут будут передаваться заново систематизированные выводы относительно Венеры.

В лаборатории наступила полная тишина. Конечно, по всей Земле с таким же напряженным вниманием слушали это сообщение. Его делала та самая седая женщина, которая возражала Котону на экстренном заседании Мирового Совета.

Выводы мало отличались от прежних. Да, Венера очень трудна для освоения, но не более, чем предполагалось раньше.

Венерианские сутки весьма длительны: они равны двумстам тридцати земным. Такое резкое отличие хотя и сильно осложняет дело, но на Земле уже давно научились побеждать темноту, превращать ночь в день.

Температура атмосферы планеты чрезвычайно высока: до трехсот градусов Цельсия. Это объясняется не только большей близостью Венеры к Солнцу. Виноваты в этом и обилие углекислоты в атмосфере, и постоянный густой облачный покров, который создает парниковый эффект — мешает теплу уходить в космос. Когда мы уменьшим количество углекислого газа и водяных паров в верхних слоях атмосферы, то и температура понизится.

Состав венерианской атмосферы известен: там очень мало азота, всего около полутора процента кислорода и до девяноста процентов углекислоты. Жизнедеятельность растений постепенно уменьшит количество углекислоты и увеличит процент кислорода, как и произошло на Земле.

— Но,— продолжила докладчица,— мы не намерены ждать миллионы лет, а средства для переделки атмосферы Венеры у нас имеются.

На Венере свирепствуют страшные сухие грозы, пыльные бури и смерчи. Безусловно, человечество сумеет укротить стихии планеты, в том числе и ее яростные недра.

— Мы все стоим на том, что Венеру надо осваивать раньше других планет,— говорит докладчица,— но когда? Мировой Совет считал, что это надо начать делать, когда все будет рассчитано и подготовлено.

Она поправилась:

— Простите, я выразилась не совсем точно. Конечно, решительно все рассчитать заранее невозможно. Человечество всегда в нужных случаях шло на оправданный риск, на неизбежные жертвы. Подчеркиваю — неизбежные. Но были ли необходимы эти жертвы сейчас? Или можно было обойтись без них?

Невозможно было рассчитать, что именно в определенном месте и в этот момент произойдет катастрофическое извержение. Так почему же это место так категорически было признано самым безопасным? Очевидно, кое-кто о деле думал больше, чем о людях.

К выражению скорби на ее лице присоединился оттенок гнева.

— Мировой Совет, как и большинство человечества, считал, что откладывать освоение Венеры дольше незачем. На быстрейшем начале работ больше всех настаивал Мерсье. Своей запальчивостью, страстностью, горением он увлекал нас всех.

Призванный после катастрофы на суд Мирового Совета и пересмотрев все расчеты, Мерсье нашел, как и другие: надо было еще подождать. Не вся поверхность пла-

неты достаточно исследована. Он признал, что можно было найти менее опасное место для высадки.

Докладчица замолчала, перевела дух.

— В конце концов,— сказала она,— виновен в этом не один Мерсье. Однако он не должен был забывать, что ему очень верят, что он — подлинный любимец человечества.. И потому, что мы все его любим, он должен был учитывать, что его голос влиятельнее всех других. Но все же не за это мы его осудили.

Он, я уже сказала, признал, что не все рассчитал как следует и увлек своей настойчивостью других. Но, несмотря на возражения противников освоения Венеры, Мировой Совет не счел нужным отложить начало работ. Слишком много уже сделано: подготовлена серия космических кораблей нового типа, продолжают тренироваться новые группы участников Большой Экспедиции, начаты работы на планете, а главное — созданал всеобщий большой подъем в этом деле, и охлаждать это настроение Совет считает себя не вправе. Все необходимые коррективы будем вносить одновременно с продолжением работ.

Докладчица опять перевела дыхание. Сергею показалось, что она как бы невольно оттягивает окончание своей речи.

— Обсуждая все это, члены Мирового Совета были в тяжелом, подавленном состоянии. Как говорили в старину, над нами витали тени погибших друзей. Нас мучило сознание, что, может быть, они могли остаться в живых. Конечно, Мерсье тоже огорчился из-за катастрофы, но мы видели, что, жалея погибших, он все же главным образом страдает из-за боязни, как бы не сорвалось его любимое дело. Все мы в этом ему сочувствуем, конечно, но ни на минуту не забываем, что люди — прежде всего. Теперь мы вспоминаем, что кое-что в этом роде замечалось у Мерсье и раньше. То, что мы в свое время не придали этому нужного значения, уже наша вина. Но от того не легче. Теперь мы долго беседовали с Мерсье и пришли к страшному выводу — он недостаточно любит людей!

Признать это тяжело, но приходится,— продолжала докладчица.— Он весь горит, когда речь идет о деле. Но никакое дело, а тем более такое важное, нельзя делать без достаточно сильной любви к людям. Без любви к людям нельзя даже управлять машинами районной мойки посуды.

Все это до сознания Мерсье еще как следует не дошло. Он никак не может осознать, что болен тяжелейшей

и, к счастью, очень редкой теперь болезнью — невниманием к людям. А если не признаешь своей болезни, то, значит, и не можешь лечить ее.

Совет решил, что ни к какому делу, даже к самому малому, нельзя допускать того, кто не умеет как следует любить людей. И потому Совет пришел к тяжелейшему решению, которое счел единственно правильным...

Пауза.

Мерсье лишается права работать до полного излечения.

Глава четвертая. **ПЫЛАЮЩИЕ НЕДРА**

Сергей оглянулся.

Его товарищи по работе, не отрываясь от пультов и приборов, были погружены в сосредоточенное, скорбное раздумье. Все были поражены суровостью кары.

Сергей вспомнил ясное, открытое лицо Мерсье, живо отражающее каждую мысль, каждое переживание. Какую боль оно, наверно, сейчас выражает!

Докладчица правильно назвала Мерсье всеобщим любимцем. И такая тяжелая кара!

В памяти Сергея всплыли слова Пушкина:

*Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье!*

Не работать!

Конечно, никто не мешает Мерсье наслаждаться духовными богатствами, накопленными человечеством. Он может читать, посещать театры, музеи. Может путешествовать. Может общаться с друзьями, никому и в голову не придет отказать ему в дружбе. И все же — какое убогое существование предстоит ему! Только брать, ничего не давая, не обогащать человечество ничем!

Представляя себе состояние Мерсье, глубоко ему сочувствуя, Сергей и забыл совсем, как резко расходятся они друг с другом в вопросе об освоении Венеры.

— Ты довольна этой работой, Герда?

Девушка неторопливо повернулась к Жану:

— Да! Как же. Для молодого вулканолога! Что может быть...

Здесь, на Венере, она, ученица Мерсье, стоит у вулканической установки. С тех пор как пришло еще не-

сколько транспортных космических кораблей, такие установки уже работают в разных местах планеты, их обслуживают ученики Мерсье. А сам он, кому по праву следовало бы руководить всеми этими людьми и теми, кто там, на Земле, готовится пополнить ряды завоевателей планеты...

Места этих установок Пьер наметил задолго до начала Большой Экспедиции. Они находятся и у постоянно действующих вулканов, и в тех местах, где только недавно прорывалась лава.

Выпустить на поверхность раскаленную магму до того, как она сама катастрофически вырвется, дать ей излиться спокойно и плавно, направить течение в нужную сторону — такова цель создания искусственных вулканов. Пока еще таких вулканов считанные единицы, но их будет много, они помогут усмирить бунтующие недра планеты.

Установка, на которой они работают сейчас, действует с периодичностью гейзера.

Жану и Герде поручено выполнить смелый план. Поток лавы направляется так, чтобы из него, когда он застынет, получилась мощная дамба. Она должна перегородить обширную долину, освобожденную одной из предварительных экспедиций от хаотического нагромождения скал. Когда на Венере будут создавать моря, одно из них займет эту долину. Но не всю: именно ту ее часть, которая намечена планом освоения планеты.

Пульт управления вулканом находится в домике, построенном вблизи него. Приборы следят за ним на расстоянии и выдают готовые цифры.

Домик антисейсмичен и оборудован всем необходимым для жизни и работы. Приближаться к вулкану вплотную строго запрещено.

Жан взглянул на часы. В этот момент в недрах вулкана раздался грозный гул. Но он не страшил, как не страшит рев льва в клетке. Извержение начиналось в точно определенное время — секунда в секунду.

— По нему хоть часы проверяй, — улыбнулся Жан.

Гул нарастал. Они увидели сквозь прозрачную стену, как из кратера вырвалось клубящееся, расплывающееся облако пара, за ним другое. Затем пар пошел непрерывной тучей, сначала алой, словно от просвечивающего изнутри ее пламени. В туче замелькали взлетающие высоко тени — камни, вулканические бомбы. Потом она стала чернеть — к ней примешивался обильный пепел.

Жан и Герда пристально следили за ходом извержения.

Камней и пепла оказалось немного. Ослепительно белый блеск заставил отшатнуться. Широким потоком пошла лава.

В свое время вычислительная машина рассчитала указанные автоматическими измерителями уклоны местности вплоть до самых незначительных. Русло лавового потока было заранее в точности определено. Теперь, получив новое пополнение, новый толчок, огненный поток задвигался быстрее. Над ним поднимались клочья дыма и пара. А пар, еще вырывавшийся из кратера, но уже с меньшей силой, поднялся до облаков и смешался с ними. Лава сверкала белизной у выхода из кратера и краснела в отдалении от него.

Жан на секунду отвлекся, задумался. Мерсье не у дел! Герда и он, Жан, выполняют задание Пьера. А сам Мерсье...

И еще...

Вновь перед глазами Жана разверзлась пылающая чудовищная воронка... Он увидел живую Ванду, ее быстрые, порывистые движения, даже услышал ее бархатный, пришепетывающий голос...

...Но работа Большой Экспедиции идет успешно. Собран новый пленочный дом. Начальное ядро человеческого поселения на Венере. Легкие колонны, легкий купол. Это небольшое сооружение из тончайших пленок и воздуха почти невесомо. Кажется, дунь ветерок — и унесет его. Но прочный фундамент и скрепы цепко держат его, и оно свободно сопротивляется ураганым ветрам.

Пленка много прочнее стали. Поэтому очень высокое наружное давление не в силах вдавить ее внутрь дома, где поддерживается нормальное земное давление, температура и состав воздуха.

Эта постройка и горстка земных людей, обитающая в ней, могут на первый взгляд показаться беспомощными среди яростных стихий планеты. Однако за ними — все земное человечество.

Герда, глядевшая на указатели, сказала:

— Смотри!

Жан увидел: стрелка шкалы вязкости медленно, но безостановочно ползла вправо — вязкость лавы увеличивалась. На Земле ему приходилось не раз встречаться с этим, на Венере — впервые.

— Лава быстрее стала остывать, не так ли? — предположил Жан.

— Не думаю, — возразила Герда.

В самом деле, температурная стрелка лишь незначительно изменила свое положение.

— Значит, пошла более тугоплавкая порода, — заметил Жан.

— Очевидно.

Герда вся подобралась и с волнением продолжала следить за указателем вязкости.

— Нам же очень важно... — она, торопясь, проглатывала слова, — иной состав, значит, могут... редкие металлы...

Она быстро отошла от пульта, схватила темные очки-бинокль.

Прежде чем Жан понял, что Герда хочет сделать, она одним движением набросила скафандр, взяла спектрограф-анализатор (стены дома пропускают не все лучи) и устремилась к шлюзу.

— Счетчик! — машинально крикнул Жан, не успев сообразить, что должен во что бы то ни стало остановить ее.

Герда, не замедляя бега, сделала зигзаг, схватила счетчик радиоактивности. Жан не успел опомниться — она уже миновала шлюз и выбежала наружу.

— Обратно! — изо всех сил крикнул Жан.

Но Герда не слышала.

Такая уж девушка: по внешности увалень, а чуть что — мгновенно загорается. Как Мерсье. Недаром же она его любимая ученица.

Пока Жан колебался — броситься вслед за Гердой или хоть самому не нарушать запрета не выходить наружу, — раздался глухой рокот, сначала тихий, потом, все нарастая, он стал низким, грозным. Вздрыгнула и сильно заколебалась почва.

Вдруг гораздо ближе к домику, чем раньше, вместе со свистящим облаком пара вырвалась новая широкая струя лавы и устремилась в том же направлении, что и прежняя.

Горсточка раскаленного пепла упала на плечо Герды, скафандр в этом месте мгновенно почернел. Жан накинул свой скафандр. Ему показались бесконечными минуты в шлюзе. Только он очутился снаружи и бросился на помощь Герде, как почувствовал нестерпимую боль в руке.

Глава пятая.
НАСТОЙЧИВОЕ ТРЕБОВАНИЕ

И опять мучительный диалог, на этот раз уже с пятиминутными паузами: Земля и Венера дальше разошлись на своих орбитах.

— Как это случилось?

Голос Маслакова тревожен, сдавлен. Глубоко западали карие глаза. Он не отводит глаз от часов. Цифра упорно не меняется.

Но вот на экране появилась куполообразная голова Горячева, зазвучал его твердый, спокойный голос:

— Сначала шло удачно. Мало пепла, бомб. Лава хорошей текучести. Двигалась точно. Герда нарушила инструкцию, вышла наружу. Жан — на помощь. Внезапный взрыв. Жаростойкость скафандра не беспредельна, у Герды сильный ожог, у Жана — легкий. Сделали прививку с гормоном — стимулятором регенерации. Опасности нет. В лаве редкие элементы...

Горячев запнулся, потом сказал:

— Данные о вулкане лучше всех расшифровал бы Мерсье...

— О Мерсье говорить не будем! — мягко, но решительно возразил Маслаков.

Мерсье жадно следил за известиями с Венеры. Он не мог держать связь с ней через радиостанцию Мирового Совета: это было бы частью его работы. А права работы он лишен. Ему можно только, как всем, следить за теле постоянных сообщений.

Он знал, что первые искусственные вулканы на Венере вскрыты мастерски, ими умело управляют. Он гордился своими учениками. Герда и Жан подготовят новых умельцев, а те — следующих.

Его глубоко встревожило состояние Герды. С облегчением узнал он вскоре, что она выздоравливает.

Пьер в это время жил в Швейцарии. Так по старой памяти называлась местность, хотя государств уже не было. На земном шаре в основном сохранились этнический состав населения и языки. Здесь, в окрестностях Женевского озера, как и раньше, больше всего в ходу был французский. Но большинство населения владело также немецким, итальянским, русским и английским.

В этот день Пьер долго сидел один. Наконец забылся в полудреме, ему почудилось, что он опустился на дно

озера, в терем мифического водяного царя, куда не доходят звуки и волнения человеческой жизни.

Мучительное безделье угнетало его, хотя он еще не успел в полной мере почувствовать тяжесть вступившего в силу наказания.

Опять и опять он задавал себе вопрос — можно ли было обойтись без тех жертв?

О состоянии недр Венеры был собран богатый материал. Все данные занесли в соответствующие отделы Мирового Информационного Центра, затем передали вычислительной машине. Пьер возвращается мыслями к тому недавнему, но, как теперь ему кажется, такому далекому вечеру, воскрешает в себе тогдашнее настроение.

Он сидел перед цифрами и знаками сводок; испещренный ими лист бумаги радовал, как радуется поэта переписанный набело последний — быть может, сотый — вариант стихотворения, наконец удовлетворяющий самым придирчивым его требованиям.

Надо было выбрать то место на поверхности планеты, где целесообразнее всего начать работу, разбить первый лагерь Большой Экспедиции. Значит, там, где хоть немного прохладнее и в то же время меньше оснований ждать внезапного извержения. Машина уже все подсчитала, она предложила немало решений — выбор нетруден. Нетруден? Это сгоряча показалось.

Так же сидел он тогда в бездонной тиши своего кабинета. Но та тишина была полна творческой радости и великой гордости: начинается новый этап человеческой истории... Та тишина отнюдь не говорила об одиночестве: за стенами дома он чувствовал неизмеримый океан человечества, живущий одной жизнью с ним.

Но достаточно ли отчетливо он думал о том, что покорение Венеры должно служить счастьем людей? Не увлекся ли величественным замыслом настолько, что стал видеть в нем самоцель? Не оттого ли так легко отмахнулся он от весьма важного факта: ведь множественность решений вычислительной машины говорила как раз о том, что нет одного наиболее верного. А его нет потому, что в машину заложена недостаточная информация. Много, очень много, но все же недостаточно.

Это становится Пьеру ясно теперь, когда, поневоле очутившись в стороне от грандиозного предприятия, он вдумывается в детали. А тогда он весь горел, и мысль, что придется отложить Большую Экспедицию — и кто

знает, на сколько времени! — казалась ему непереносимой.

А его огонь зажег многих...

Не всех, правда.

Если бы противники, не отрицая надобности заселения Венеры, потребовали только продолжения обследования планеты, быть может, это убедило бы Пьера или хотя бы его единомышленников. А они, возможно, и его охладили бы.

Он сам себя обманул. Сам себя убедил, что выбрал наиболее верный вариант из предложенных машиной.

Тогда все варианты были опубликованы. Противники утверждали, что все они равноценны. А ведь, пожалуй, так и было.

Но Пьер бросил на весы весь свой авторитет, всю любовь к нему людей.

В тот вечер он, в который уже раз, набрал на приемно-передаточном кольце (такое кольцо на пальце носили, как когда-то простые кольца) индекс космодрома на искусственном спутнике Земли, откуда стартуют межпланетные корабли. Он опять любовался кораблем необычных до сих пор размеров. Корабль уже в основном был собран, но на нем еще трудились монтажники, электрики, отделочники. Еще не было таких многолюдных межпланетных экспедиций. Знакомое чувство гордости за человечество охватило Пьера.

За человечество в целом. А думал ли он о людях в отдельности?

Но нельзя же думать о каждом из восемнадцати миллиардов!

Однако в этом первом корабле Большой Экспедиции должны были отправиться не восемнадцать миллиардов, а несколько десятков человек. И он всех их знает. Герду и Жана — больше других. Но представлял ли он себе их переживания, настроения? Они должны были расстаться с близкими. Может быть, очень надолго. Или... навсегда... Они должны были выйти на почву неведомой им планеты — неведомой всем им, кроме Горячева, и с ходу включиться в опасную борьбу с ее стихиями. Представлял ли он себе, как каждый из них, сообразно своему характеру, будет на это реагировать? Да что он знал об их характерах? Он и не думал об этом. А должен был бы: характер человека определяет его поведение, и особенно в необычных условиях. И в этом его равнодушии (да, равнодушии! Как ни тяжело, приходится в этом сознаться) к участи-

кам экспедиции не проявилось ли его недостаточное внимание к людям вообще?

Человечества нет без людей. Нельзя любить человечество, не любя живых, конкретных людей. Вот сейчас эта мысль, кажется, начинает доходить до его сознания. Но какой горькой ценой!

Очень убедительно было сказано на Мировом Совете: даже управлять моечными машинами нельзя без любви к людям.

В этих тягостных думах Пьер потерял представление о течении времени. Незаметно прозрачные сумерки сгустились в тьму, и тотчас же снаружи полился свет искусственного дня. Но он показался слишком ярким.

Пьер повернул регулятор освещения до отметки «светло-лунный». Свет ночного электрического солнца сменился нежным серебристым сиянием, словно от невидимой луны.

В соседней комнате раздался свежий, энергичный голос Ольги:

— Ты дома, Пьер?

Не дожидаясь ответа, она вошла быстрыми, легкими шагами. Повеяло знакомым, едва уловимым ароматом. Он встал ей навстречу, и ее гибкие руки обвили его шею.

Ольга участливо заглянула в глаза Пьеру. Этот взгляд смутил его: так смотрят на тяжелобольного, желая ободрить его и в то же время не умея скрыть тревогу.

— Ты сегодня задержалась, Ольга.

— Как всегда, — улыбаясь, ответила она.

Основная специальность Ольги — химия. Она работала на заводе синтеза пищевых продуктов. Ольга выходила из дому в девять утра и освобождалась большей частью в полдень по швейцарскому времени. После работы она иногда навещала своих родных в Москве — мать и двух братьев. Иногда отправлялась на лекцию, в театр, на концерт или к кому-нибудь из друзей. Но особенно много времени проводила в Центральном историческом музее. Возвращалась домой обычно к вечеру, как и Пьер в последний период подготовки Большой Экспедиции. В те дни он был так занят, что редко бывал у родных и знакомых.

И вот теперь все это отпало, он сидит дома один, и время тянется, ничем не заполненное.

— Ты сегодня не говорила с Анной? — тоскливо спросил Пьер.

— Говорила,— ответила Ольга,— она скоро будет здесь.

Анна, их дочь, работала на одном из островков вблизи экватора, на пульте управления трубопровода, подающего воду для отопления полярных областей. У родителей она бывала редко, но почти каждый день виделась и разговаривала с ними издали — чаще с матерью: Ольгу было легче застать в определенные часы на заводе, отец же бывал в самых различных местах, за ним не утонишься.

— Она уже здесь,— сказала Ольга, прислушиваясь.

В самом деле, издали слышался сперва еле уловимый напев веселой песенки. Он приближался, нарастал, казалось Пьеру, с быстротой урагана. Анна бросилась к отцу, сжала его в объятиях, и, как ни приятна была Пьеру встреча с ней, он с горечью отметил, что она бросилась к нему первому — не к матери: значит, в первую очередь тоже хочет проявить к нему внимание, утешить...

Уловив, как тяжело Пьеру это невольно подчеркнутое сочувствие, Ольга ласково остановила дочь:

— Ну, раз мы все вместе сегодня, давайте и закусим по-семейному.

Ольга, как рачительная хозяйка, заботливо нажимала кнопки заказа. Откинулась заслонка в стене — и конвейер стал подавать на выдвижной столик любимые кушанья Пьера.

Едва уселись, Анна разом выпалила то, в чем, как видно, состояла цель ее приезда:

— Слушай, отец, ты ведь давно хотел посмотреть наши трубопроводы и все никак не мог собраться. А почему бы тебе завтра утром не полететь туда со мной?

Пьер не сразу разобрал смысл предложения: он любовался ее милым лицом, звонким голосом. Давно уже он так не сидел среди своих близких, никуда не торопясь, ничем не отвлекаясь. Иногда даже мечтал о такой возможности. Но как тяжело она осуществилась!

Когда сказанное Анной дошло до сознания Пьера, он радостно кивнул: да, конечно, это отчасти заполнит невыносимую пустоту...

Подшло время передачи известий. Ольга включила теле.

Появился Котон. Почти не двигая мускулами лица, бесцветным, лишенным живых интонаций голосом он произнес:

— Требую внимания человечества. Мерсье наказан по

заслугам, но преступная авантюра не прервана. Мировой Совет не отозвал экспедицию, она продолжает работу. От имени миллиарда людей я требую прекратить это.

— Миллиарда! — вздрогнул Пьер.

— Преувеличивает! — возразила Анна, — катастрофа повлияла на неустойчивые умы, но их не так уж много.

— Мы, противники космической авантюры, — продолжал Котон, — требуем, чтобы Мировой Совет принял единственно правильное решение: вернуть на Землю людей с Венеры, положить конец губительному эксперименту!

Глава шестая. **ТВЕРДОЕ РЕШЕНИЕ**

— Возмутительно! — не успокаивалась Анна, — по какому праву он требует?

— По праву гражданина земного шара, — возразил Пьер, — и притом не он один. Как видно, не все люди считают мою идею правильной...

Он осекся. Где уж тут говорить о его идее! Он исключен из жизни человечества.

Пьер задумался. Ужин заканчивался в молчании.

Анна не могла долго оставаться спокойной. В то время как ее мать, пользуясь несложной системой кнопок, отправляла посуду конвейером в микрорайонную мойку, она подбежала к мультитону — клавишному многотембровому инструменту и, пройдясь сначала бегом по клавиатуре, развернула обеими руками поток бравурных звуков, от несильных, сливающихся высоких до победно гудящих низких. Потом села и в бешеном темпе повела старинную тарантеллу. Наслаждаясь музыкой, Пьер продолжал любоваться дочерью: матовое лицо, белокурые волосы, голубые глаза — внешностью вся в мать, а некротимым темпераментом — в него. Оборвав музыку на высокой, звенящей, медленно замирающей ноте, Анна внезапно резко повернулась к отцу:

— Ну, так как? Летим утром?

— Да, конечно.

Ольга внимательно взглянула на Пьера, ласковая улыбка тронула ее полные губы.

Затерянный в океанской пустыне островок, где работала Анна, лежал в стороне от больших мировых дорог,

трассы дальних ракет не проходили мимо него. Чтобы добраться к нему, надо было сделать две пересадки.

Утром, впервые за много времени, вся семья вышла из дому вместе. Синее озеро лежало ровной гладью. В синем небе медленно плыло несколько бесформенных тучек. Снежные вершины в чистом воздухе казались призрачными. Они походили на белые облака, которые вот-вотрастают.

По побережью и склонам гор в живописном беспорядке были разбросаны здания — от больших, многоэтажных до маленьких, индивидуальных из различных материалов — горного камня, легких пластмасс, металлических сплавов, тонких, звуконепроницаемых пленок.

Через десять минут пешей прогулки Мерсье с женой и дочерью были уже на станции ближних вертолетов.

Машина шла невысоко, и отчетливо были видны мелькающие снежные вершины, зеленые склоны и долины, синие осколки озер, синеватые и зеленоватые ленты рек. Здесь, в Альпах, климат оставили без изменения, и сюда по-прежнему со всего мира стекались туристы любоваться нетронутыми красотоми природы, наслаждаться горным спортом.

Вот и Париж, мало похожий на тот, каким был двести — триста лет назад. Город-спрут, город-левиафан — так называли гигантские города прошлого с их контрастами роскоши и нищеты, с пышными дворцами и убогими жилищами бедняков, с гнездами порока и преступлений. Но лучшие из старых зданий сохранили, бережно поддерживают.

Мерсье не раз бывал здесь. Пролетая над городом, он узнал величественный Лувр, невысокое круглое здание Пантеона, мощные арки остроконечной Эйфелевой башни, усеченные башни собора Нотр-Дам, дворцы и парки Версаля.

Больше всего сохранился центр Парижа с его прекрасными архитектурными ансамблями, созданными еще в восемнадцатом и девятнадцатом веках. В Париже, как и в других бывших гигантских столицах, жило гораздо меньше людей, чем раньше. Легкие, стройные здания всевозможных форм и размеров тонули в зелени. Не было улиц-коридоров. Над городом проносились общественные и индивидуальные самолеты, снабженные кибернетическими устройствами, исключаяющими столкновения.

Для станции дальних ракет в окрестностях Парижа была выделена просторная площадь, окруженная зеленой

стенной леса. Старт давался из расположенной вдалеке диспетчерской.

Семья Мерсье прибыла сюда за четверть часа до отлета Восточной кругосветной ракеты. Маршрут ракеты был зигзагообразный. Первую остановку она делала недалеко от Токио, а отсюда ее путь шел в Северную Америку.

В Токио, пожалуй, можно было бы пересест в Австралийскую ракету средней дальности, но она отправлялась лишь через два часа. Мерсье мог бы и подождать — спешить ему некуда. Однако Анна должна вовремя поспеть к месту работы. А до него еще около пяти тысяч километров почти прямо к югу с небольшим уклоном на запад. Рейсовый самолет за два часа доставил их из Токио на мыс Северный в Новой Гвинее. Здесь в общественном гараже они взяли микросамолет и еще через час достигли острова, где жила и работала Анна. В общем с момента выхода из дому на дорогу ушло немногим больше четырех часов. Это считалось довольно сложным и долгим путешествием.

Пьер только диву давался, видя, как сдержанна дочь, всегда такая стремительная, порывистая. А ей и вправду немногого труда стоило не болтать с отцом. Она боялась невольно коснуться больного места.

Конечно, она не могла усидеть совершенно спокойно. То в книжку заглянет, то перекинется вполголоса несколькими фразами с кем-либо из попутчиков. Временами задумается, словно к чему-то прислушиваясь, и делает быстрые заметки в блокнотике. Порой бросала украдкой взгляд на отца. Ей казалось — она догадывается, чем он поглощен. Вот угрюмо сдвинулись густые брови, омрачилось лицо, словно на него легла тень ужасной катастрофы...

Пьера ничто не отвлекало от его мыслей. Хотя стены герметической кабины прозрачны — что разберешь с этой высоты и при такой скорости? А пассажиры все знали его в лицо, знали о его трагедии и старались не тревожить.

Мерсье с дочерью прибыли на остров немногим ранее полуночи. Для Анны вскоре настало время очередного дежурства у пульта трубопровода. А Пьер, сделав над собой большое усилие, занялся чтением мемуаров первооткрывателей Луны, которые нашел на столе у Анны.

Она вернулась незадолго до восхода солнца.

— Ты устала, хочешь отдохнуть? — спросил Мерсье, откладывая книгу.

— Ничуть,— весело возразила Анна,— но хочу есть. Позавтракав, они вышли на берег.

Красный, как луна на восходе, громадный и неяркий солнечный диск только что отделился от горизонта. Он уменьшался, поднимаясь, и скоро на него уже нельзя было смотреть. Даль все больше наливалась светом.

Необозримый простор неба и моря, глубокая синева вверху и внизу успокаивали. Мерсье почувствовал, что погружается в бездну пространства и тишины. Легонький ветерок шевелил волосы, нежно касался лица.

Но тут же Пьер вернулся к тревожащей его мысли:

— Что передавали по всеобщим известиям?

Анна набрала на перстеньке-приемнике индекс Информационного Центра и сказала:

— Повторение последней передачи известий! Раздел о Большой Экспедиции!

И оба услышали:

«Мировой Совет обсудил требование противников освоения Венеры. Выяснилось, что подавляющее большинство населения Земли не согласно с ними. Мировой Совет подтверждает свое прежнее решение — продолжить работы по освоению Венеры».

Глава седьмая. **НЕМНОГО МУЗЫКИ**

Анна увидела, как мгновенно осветилось радостью лицо отца и тотчас же омрачилось мучительной тоской. Она привыкла к быстрой, внезапной смене выражений его лица. И все же была поражена резкостью контраста.

«Да, конечно, победа,— думал Пьер,— только не для меня. Я отключен от радостей и горестей человечества, я вне его. Да, вне, хотя у меня есть родные, друзья, хотя я вижу, что почти все мне сочувствуют. Без труда нет жизни.

Эту простую истину знали все. Но испытать справедливость ее на себе — совсем другое. Не пожелаю этого никому».

Да, вот в таком тяжелом испытании Пьер, быть может впервые, подумал о других так же остро, как о самом себе, и еще не почувствовал, что это проблеск выздоровления от тяжелой болезни — недостаточной любви к людям.

Анна тихонько притронулась к его плечу. Он быстро обернулся и увидел возле дочери невысокую, очень смуг-

лую девушку с черными глазами и с пунцовой розой в черных волосах. Слегка выдвинутая вперед нижняя губа придавала ее лицу оживленное и немного насмешливое выражение.

Пьер и не заметил, как она подошла.

— Ну вот, отец, мне пора. Инесса тебе все покажет.

Инесса обычно была весьма самоуверенна, но сейчас она несколько смущалась: перед ней был сам знаменитый Мерсье, да к тому же подавленный тяжелой личной трагедией.

— Хочешь посмотреть наши трубы? — спросила она.

— Да, пожалуйста.

Они подошли к берегу, к тому месту, где он крутым мысом вдается в океан.

— Только здесь да еще в немногих местах их и можно увидеть, — сказала Инесса, — потому что почти везде они проходят под водой на глубине нескольких десятков метров. Вот там, поодаль, холодная арктическая вода изливается в море — это происходит внизу. Тут кончается северное, арктическое полукольцо трубопровода. С противоположной стороны острова, тоже на глубине, отдает свою воду южное, антарктическое. И здесь же начинаются оба экваториальных полукольца, что несут теплые воды нашей широты в полярные области.

Инесса подвела Мерсье туда, где прямо в воду опускался изгиб трубы. Где-то, невидимый, работал насос огромной силы. Труба сосала воду непрерывно и жадно. Только подойдя к ней вплотную, Пьер смог оценить ее размеры. Она имела в поперечнике метров двадцать. Потом Инесса указала рукой вдаль, и он увидел, что на небольших расстояниях такие же трубы прильнули тупыми короткими зевами к воде и неумоимо сосут ее с негромким ровным гулом. На мгновение они показались ему живыми пастьми неведомых тварей.

Эти чудовища могут выпить весь океан! Нет, не могут, потому что другие трубы так же беспрерывно и быстро изливают воду с севера и юга. Вечный круговорот, созданный руками человека в дополнение к созданному природой круговороту океанских течений.

И сколько этих труб! Пьер насчитал многие десятки. Их опущенные вниз, широко раскрытые раструбы шли друг за другом ровными рядами и терялись вдаль.

— Ты, конечно, знаешь, — сказала Инесса, — трубопроводы рассчитаны так, чтобы согревать полярные области, но не растапливать основные массивы льдов. Когда

будут решены все сложные вопросы, связанные с уничтожением льдов, количество труб можно будет увеличить. А теперь пойдем в пункт управления, — предложила она.

Они подошли к небольшому, очень легкому на вид зданию из розового материала, четко выделявшемуся на фоне небесной и морской лазури и пышной зелени травы, кустов и деревьев. Строение было немного изогнуто наподобие паруса, какими когда-то оснащали суда.

— Центральное бюро погоды, — пояснила Инесса, — по временам направляет отсюда сильные ветры по обе стороны экватора для перемешивания воздушных масс в обоих полушариях Земли. Оттуда, разумеется, идут обратные воздушные потоки. Представляешь, какое давление выдерживает здание? Оно и сделано из особо прочного материала, а эта форма усиливает сопротивление напору ветра.

Войдя внутрь, Мерсье увидел, что во всю длину одной из стен протянулась доска с многочисленными шкалами, миниатюрными лампочками, вспыхивающими и гаснущими цифрами. Перед ней стояло удобное кресло, но дежурная — это была Анна — не могла усидеть на месте, хотя кнопки и рубильники находились прямо над креслом. Она беспрерывно прохаживалась взад и вперед. Увидев отца, Анна издала улыбку.

— Трубы очень велики, — заметил Мерсье, — трудно даже представить, сколько воды они высасывают в секунду.

— Много, конечно, — отозвалась Инесса, — но все же меньше, чем может показаться на первый взгляд. Вот посмотри.

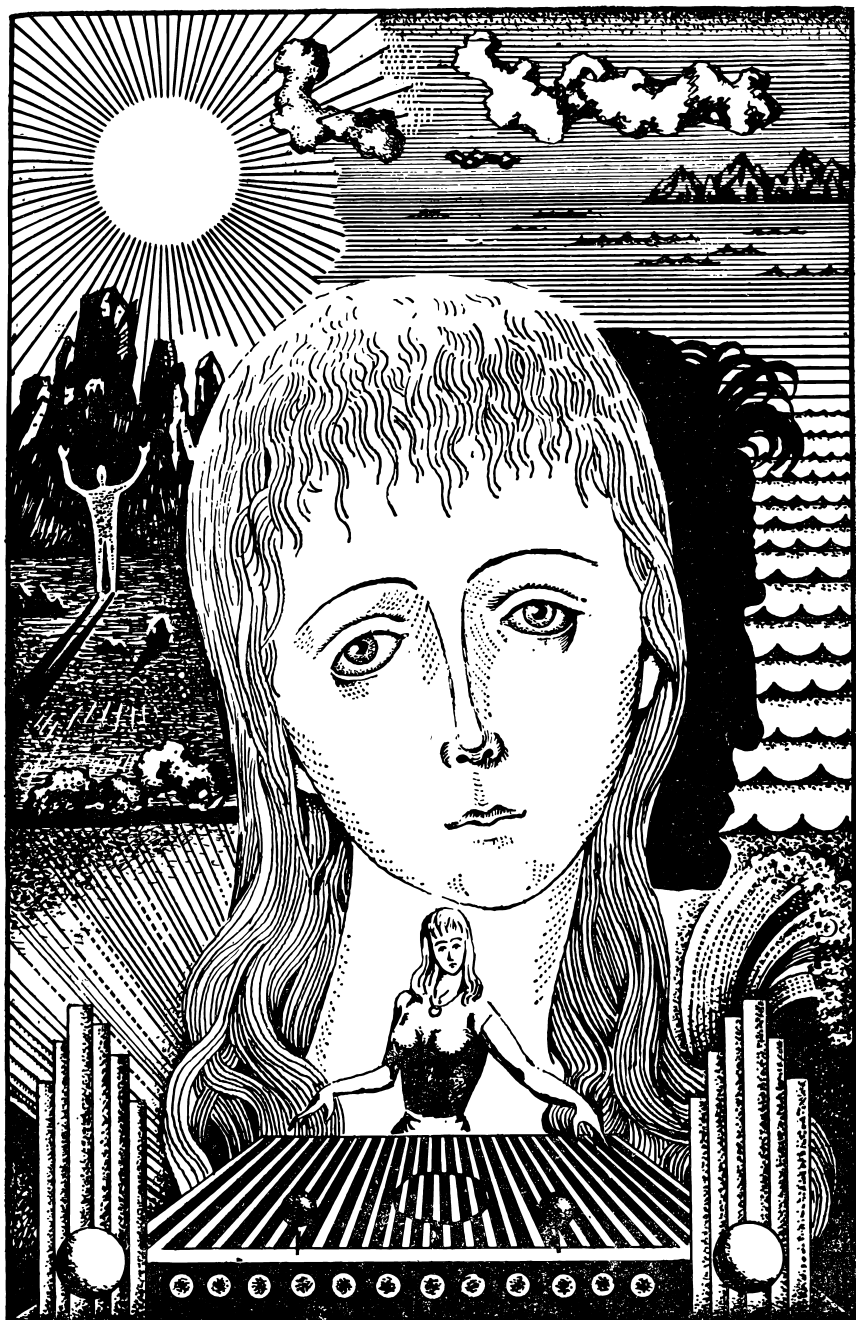
Она подвела его к схеме на противоположной стене, и Пьер увидел трубу в разрезе.

— Видишь, — сказала Инесса, — сама труба не так толста, она окружена очень мощным слоем изоляции из вакуумной пены. Поэтому на всем своем пути вода теряет лишь немного тепла, а на обратном только чуть нагревается.

Мерсье, внимательно слушавший, тем временем наблюдал за Анной. Он сказал:

— Зная характер своей дочери, думаю, что ей трудновато часами так сосредоточиваться.

— Не часами, — отвечала Инесса. — Мы дежурируем только по одному часу в сутки — ведь это довольно скучная работа. И скучнее всего то, что и сосредоточиваться

почти не приходится. Все процессы на головном сооружении и полукольцах регулируются автоматически. Здесь единственный наблюдательный пункт для всего сооружения. За всем, что происходит на нем в обоих полушариях, следит один человек. Случись где авария, тотчас сообщит звуковая и световая сигнализация.

— Сколько же людей работает здесь? — спросил Пьер.

— Двадцать четыре, по числу часов в сутках.

— И это вся ваша обязательная нагрузка?

— Нет, не вся. Ты обратил внимание на отводы от насосных труб? Перед тем как вода поступает в полукольцо, она процеживается через грубые фильтры. Они задерживают крупный и средний планктон, богатый белками, жирами, углеводами, витаминами, и подают прямо отсюда на химико-биологический пищевой завод. Этот завод и есть наша вторая нагрузка. Ну, мы варьируем свою работу по договоренности, как кому удобно. Вот Анна дежурила на пульте ночью, а теперь уже опять здесь. На эти сутки она изменила порядок своих занятий.

— Из-за чего же?

Как бы не расслышав вопроса, Инесса продолжала:

— Профильтрованная вода идет дальше. Планктон по отводам выдувается сжатым воздухом прямо в заводские лаборатории.

— А микроскопический планктон?

— Здесь пропускать воду через очень тонкие фильтры нет смысла — сильно замедлится ее продвижение. Микропланктон отбирается уже в полярных областях после выпуска воды из труб. У них там еще более расширенные устья, и вода проходит через тончайшие фильтры на гораздо более широкой площади, так что циркуляция не замедляется.

— Неужели же Анна остальную часть ночи дежурила на заводе? А потом так скоро опять сюда?

— Ну что ты! В такой перегрузке нет никакой надобности. Завод отнимает часа полтора в сутки. Но нынче ночью Анна занималась совсем другим. Она сама тебе скажет. А теперь не хочешь ли посмотреть завод?

— Нет, спасибо, сейчас не хочется.

Пьер уже был знаком с подобным заводом, на котором работала Ольга. А главное, он чувствовал, что больше не в состоянии смотреть на чужую работу.

Подошла Анна, взяла отца под руку. Ее комната находилась в нескольких сотнях метров. Они молча прошли туда. Анна с трудом согласовала свой шаг с неторопли-

вым, даже вялым шагом отца. Обычно он ходил совсем иначе.

Комната Анны была невелика, ведь в ее распоряжении все общие помещения дома — холлы, гостиная, библиотека, гардеробная, столовая, музыкальный салон, просмотровые телезалы.

В одном углу стоял мультитон.

Пьер с удивлением смотрел на дочь; она продолжала сосредоточенно молчать.

Но, войдя в комнату, она выпустила его руку и стремительно бросилась к инструменту. Еще стоя, взяла первые аккорды, а затем села и уже не отрывалась от клавиш.

Изумленно слушал Мерсье. Страстная жажда звучала в музыке.

Углубляются, растут звуки. Это — жажда движения, деятельности. Вперед, вперед, творить, дерзать!

Он слушал. Весь мир исчез, кроме этой музыки.

И вдруг... Препятствие, стена, глухая стена. Сломать ее, уничтожить, победно стремиться дальше!

Но нет, стена неодолима. Звуки бьются о нее, рассыпаются в пыль. Так разбивается в пену и брызги морская вода об угрюмый утес.

Куда идти? Назад — нет волне дороги. В стороны — нельзя, там другие, параллельные ей волны. И вперед нет пути!

Недвжим мрачный утес. Вдребезги разбиваются волны. Разбиваются и рыдают — в тоске, в безысходном отчаянии, в могучем, но бессильном гневе!

И на этом ищущем и не находящем выхода, полном отчаяния аккорде внезапно оборвалась мелодия.

Наступила глубокая, страшная тишина.

Пьер знал свою дочь как отличную исполнительницу, знал, что она упражнялась в композиции.

И все же был удивлен и тронут: как она проникла в самую глубину его переживаний!

Анна подошла и взяла его за руку:

— Это только первый набросок. Но может быть, получится стоящая вещь. Над ней надо серьезно поработать.

— Этим ты и занималась ночью?

— Да.

Взбудораженный музыкой, Мерсье решился. Его некротимая натура требовала действия. Хотя разве можно назвать действием то, что пришло ему в голову? И зачем это нужно? На такой вопрос Пьер вряд ли сумел бы ответить.

Чтобы связаться с любым человеком, надо было, вызвав по приемо-передаточному кольцу Информационный Центр, назвать ему основные сведения об этом человеке. Центр автоматически находил его индекс и производил вызов легким электрическим покалыванием пальца.

Мерсье вызвал Центр, назвал Симо́на Котона и прибавил ряд признаков: место работы — одна из приливных станций, возраст — около сорока лет, средний рост, серые глаза.

Мину́ты через две раздался знакомый бесцветный голос:

— Слушаю.

— Котон,— сказал Пьер,— это Мерсье. Мне нужно с тобой поговорить.

Короткое молчание, потом ответ, равнодушный, без малейшего признака удивления:

— Ну что же?

— Но я хочу говорить не издали.

Вероятно, Котон все же удивился, но голос его по-прежнему был лишен всякого выражения.

— Хочешь приехать ко мне?

— Да.

— Что же? Хочешь сегодня?

— Если не возражаешь.

— Можно. Через сколько времени?

— Точно не могу рассчитать.

— Ну неважно. Я буду на станции или дома — очень близко отсюда.

Анна изумленно смотрела на отца, с трудом удерживаясь от вопроса — зачем ему это? Вместо того сказала:

— Я тебя доставлю до Новой Гвинеи в микросамолете.

— Время тебе позволяет?

— Позволяет.

Изумление Анны не ускользнуло от отца. И в самом деле, зачем ему Котон? Разве в Котоне дело?

Но все-таки интересно: что за человек? Почему он так враждебен к величайшему предприятию человечества?

Будь Пьер занят хотя бы самым небольшим делом, стал бы он на это тратить время?

Прибыв через час на Новую Гвинею, он должен был прождать около получаса до отправления реактивного самолета в Токио. Затем простился с Анной, и она возвратилась к себе. Пьеру же предстояла еще долгая дорога.

С воздушного вокзала у Белого моря он позвонил Котону. Тот был дома.

— Что же, — сказал Котон, — приходи. Минут двадцать пешком от вокзала. Или возьми микросамолет.

Мерсье предпочел пройти пешком. Ему казалось, за это время он соберется с мыслями. Но мысли так и оставались разбросанными, неопределенными.

Извилистая дорожка вела через лес к одиноко стоящему домику, напоминающему старинные коттеджи. Солнечные лучи пронизывали зеленую листву и синеватую хвою. Цветы пахли свежо, чуть пьяняще. Птицы пересвистывались, перезванивались радостными, бойкими голосами. И все эти бодрящие лучи, цвета, запахи и звуки резко контрастировали с уже притупившейся, но ничуть не ослабшей душевной болью Пьера.

Ему почти никто не встретился, лишь два мальчика лет по десяти-одиннадцати. Оживленно переговариваясь и хохоча, они внезапно выскочили из-за поворота тропинки и, увидев его, смолкли, чинно поздоровались. Узнали ли они знакомое многим лицо или их поразили грустный вид случайного встречного? Застигнутый врасплох, Мерсье улыбнулся, но улыбка вышла — он почувствовал — натянутой. Они тихо прошли мимо него, а затем он услышал позади дружный быстрый топот и веселые голоса, но не обернулся.

Котон сидел на скамейке в маленьком цветнике перед домиком. «По-видимому, он живет здесь один», — подумал Пьер.

Котон скованным, деревянным движением поднялся ему навстречу и пригласил войти. Разговор не сразу наладился. Мерсье с любопытством осматривал жилище Котона. В нем не было ничего примечательного, кроме полки со старинными книгами — громоздкими бумажными томами в толстых переплетах. Мерсье достаточно наводился этих томов в Историческом музее. Они казались нелепыми по сравнению с современными книгами, напечатанными на несокрушимо прочной пленке толщиной всего в пять десятитысячных миллиметра. Шрифт, уменьшенный вдесятеро против обычного старинного, легко

читается через подвешенную к обложке линзу. Объем новых книг примерно в две тысячи раз меньше старых наиболее распространенного формата. Мерсье собрал большую библиотеку по геологии и вулканологии, и вся она умещалась на десятисантиметровой полочке над его рабочим столом. А тут всего какой-нибудь десяток томов!

Он подошел к полке и снял одну из книг. Его приятно удивило — это оказался том лирики Пушкина. Он раскрыл наудачу:

*Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...*

Он вполголоса, с волнением прочел эти строки. Котон невозмутимо слушал. Мерсье осторожно поставил книгу на место — он не мог отделаться от впечатления, будто книги и полка покрыты густой пылью, хотя пневматические установки полностью очищают от нее все помещения.

— Разве у тебя нет Пушкина в современном издании? — спросил Пьер.

— Я не любитель стихов, — последовал ответ.

— Но... тогда зачем ты держишь это?

— Так как-то... когда-то взял и привык, как к мебели...

— Станция у тебя много отнимает времени?

— Совсем мало, — ответил Котон. — На моей памяти никаких происшествий не было. А если б что и случилось — сигнализация проведена не только на пульт и ко мне домой, но еще к двоим энергетикам и в дежурную Мирового Энергетического Центра.

— Чем же ты занят в основном?

— У меня есть любимое дело, я им много занимаюсь.

Любимое? Это выставляло Котона в неожиданном свете. Мерсье даже почувствовал расположение к нему. Но ничто не дрогнуло в неподвижном лице Котона при этом признании.

Пьеру страшно захотелось расспросить его. Но удобно ли это?

Однако Котон сам пошел ему навстречу. Все тем же монотонным, лишенным интонаций голосом он пояснил:

— Я уже давно занимаюсь историей.

Историей? Это особенно приятно. Значит, у Котона какие-то общие интересы с Ольгой?

Котон продолжал:

— Я просматриваю историю человечества под определенным углом зрения.

— Каким же?

Теперь на лице Котона даже появилось какое-то оживление, правда слабое.

— Хочу показать, что авантюры никогда не приводили к добру.

— Какие авантюры? — насторожился Мерсье.

— Всекие. Вот межпланетные сообщения. Пока посылали ракеты без людей — хорошо. Потом послали с людьми.

— Но ведь уже после того, как сделали все, чтобы обезопасить полеты.

— Да. В первое время жертв и не было. А потом... Да ты ведь и сам знаешь.

— Знаю, конечно. Мучительно тяжело было нашим предкам терять самых отважных друзей. Да какой же подвиг в истории человечества можно гарантировать от жертв? — горячо возразил Мерсье. И вдруг его словно в сердце кольнуло — вспомнил тех...

А Котон прищурил один глаз — так когда-то щурились охотники, выцеливая добычу. И нанес безжалостный удар:

— Значит, ты сознательно принес в жертву тех девяти-терых?

Удар точно попал в цель. Мерсье ощутил страшную душевную боль. В бессилии он сел. Всякому другому тяжело было бы смотреть на страдальчески дрогнувшие черты его лица, но если что и можно было прочесть в малоподвижном лице Котона, то разве только удовлетворение.

Как ни больно было в этот момент Пьеру, он с любопытством смотрел на Котона: что это за человек, которому доставляет удовольствие причинить страдание другому и даже любоваться этим страданием?

— Положим, о полной безопасности не могло быть и речи, — несколько успокоившись, сказал Пьер.

Котон утвердительно кивнул.

— Но ведь, — продолжал Мерсье, — когда-нибудь понадобится же людям заселять планеты. Как ты думаешь?

— Я в это не вдаюсь, — вяло промолвил Котон.

— А кто об этом должен думать?

— Те, кого это непосредственно коснется. Будущие поколения, — упрямо сказал Котон. И, глядя на него, Мерсье почувствовал тяжелую, непробиваемую стену.

В сущности, спорить было больше не о чем. То, для

чего он сюда явился, Мерсье выяснил с предельной четкостью. Облик Котона стал ему вполне понятен: тупая косность, неумение, а потому и нежелание смотреть вперед, упорная неприязнь ко всему смелому, решительному, связанному, если необходимо, с риском.

Неужели есть еще такие люди?

Да, вот такой человек и сидит перед Пьером. И не один он боится риска, дерзаний. В спорах последних дней это четко выяснилось.

Пьеру захотелось узнать, как живет Котон. Есть ли у него близкие, друзья? Но не задавать же такой вопрос человеку, с которым нет никаких точек соприкосновения.

Подавленный, не в силах сосредоточиться на какой-либо мысли, Пьер вышел от Котона.

Теперь дорожка, которая привела его сюда, была оживленна. Избегая встречных, Пьер шел невядалеке от нее по чаще, следуя изгибам тропинки, но оставаясь невидимым для встречных.

Неожиданно набрел он на стоявшую среди густой зелени скамейку, на ней сидели двое. Юноша бережно держал в обеих руках загорелую руку девушки и не отрываясь смотрел в ее глаза, устремленные на него с безмолвной лаской. Столько нежности было в выражении их лиц, в каждой черте обеих фигур, что казались они совершенным творением неведомого скульптора, изваявшего чудесную группу, имя которой — любовь.

Мерсье быстро свернул в сторону, но уже было поздно: его заметили, узнали. Он услышал позади себя свое имя, произнесенное юношей вполголоса с оттенком почти-тельности и сочувствия.

— Как он здесь очутился? — удивленно, так же тихо спросила девушка.

Пьер ускорил шаг, не услышал ответа юноши.

Внезапно пришла ему мысль о возможности еще одной необычной встречи.

В это время резиденция Мирового Совета находилась недалеко от Парижа. Это его устраивало: предпринять снова какое-нибудь сложное путешествие при его нынешнем угнетенном состоянии было бы тяжело. Теперь ему предстояло только проделать в обратном направлении часть вчерашнего пути, да притом по дороге домой.

Работа членов Мирового Совета никак не укладывалась в определенные часы. В отличие от подавляющего большинства населения Земли они были перегружены. Председатель Совета Олег Маслаков был так занят, что

только в самых крайних случаях к нему решался кто-либо обращаться лично. Но Мерсье он принял тотчас же.

Маслаков сидел, казалось, спокойно, откинувшись на спинку кресла, словно инстинктивно стараясь использовать короткие минуты вынужденного отдыха. Хорошо, когда есть от чего отдыхать!

Взгляд его глубоко запавших карих глаз был тверд и в то же время внимателен, доброжелателен. Однако не следовало злоупотреблять его временем. Мерсье начал без всякого предисловия:

— Мне надо поговорить об очень важном для меня...

Маслаков молчал. Взгляд его стал почти отечески заботливым.

— Но... — прерывисто дыша, добавил Пьер, — мне трудно об этом говорить...

Маслаков кивнул:

— Понимаю. Продолжай.

Внезапно у Пьера вырвался возглас отчаяния!

— Я не могу так... без дела!

Председатель все так же молча глядел на него.

Долгая пауза.

Решившись, Мерсье разом произнес:

— Я хочу просить отменить постановление Мирowego Совета.

И с очень слабой тенью надежды поглядел на Маслакова.

Тот молчал.

Пьер потупился.

— Я понимаю, — сказал он, — что Совет вряд ли сможет сделать это.

— Почему? — спросил Маслаков.

— Потому что... ничего не изменилось.

Опять пауза, на этот раз очень короткая.

— Итак, — сказал Маслаков, встав и невольно бросив взгляд на часы, где уже успело смениться несколько цифр, — ты сам ответил на свой вопрос. Мне добавить нечего.

Простившись с Пьером глубоко сочувственным взглядом, он быстро, решительной походкой вышел из комнаты — прямой, высокий, неуклонный.

«Что же мне остается?» — промолвил про себя Мерсье, выйдя из здания, где помещался Совет, в пронизанный солнечными лучами парк.

И вдруг пришла мысль...

«Да! Этого-то у меня никто не отнимет».

С того дня он наглухо замкнулся в своей комнате и много дней почти не выходил из нее. Одна Ольга знала, чем он занят, но ни с кем об этом не говорила, даже с дочерью.

Глава девятая. **ЛЕСНОЙ СЮРПРИЗ**

Жан Тэн вместе с Гердой Лагерлеф продолжал трудиться над созданием вулканов. Одновременно они учили этому делу других. Чтобы усмирить буйные венерианские недра, таких специалистов потребуется немало.

Сейсмографы беспрерывно отмечают сильнейшие сотрясения в разных местах. Чудовищны извержения старых и беспрерывно возникающих новых естественных вулканов.

Спустя некоторое время Жан и Герда стали работать порознь: каждый из них уже мог действовать самостоятельно, каждый получил свою группу помощников-учеников.

Работы непочатый край. Жан был предельно занят. Тут уже не уложишься в земные два-три часа в сутки обязательной работы. Да и как делить ее на обязательную и необязательную?

Жана тяготило, что пришлось оставить ваение. Ничего не поделаешь: все силы и время надо отдавать текущей работе.

Сейчас закладывался новый учебно-производственный вулкан вблизи большого пленочного дома и недалеко от опушки дремучего леса. Недавно здесь было обнаружено сравнительно неглубоко залегающее значительное озеро расплавленной массы. Из-за близости к жилью этот искусственный вулкан был включен в число первоочередных. Конечно, дом можно бы и перенести. Но пожалуй, овчинка выделки не стоит: пока еще очень трудно найти на Венере место, за которое можно поручиться, что и под ним не будет обнаружено скопление магмы. И в конце концов все такие скопления надо вычерпать.

Поблизости от большого поставили маленький пленочный дом, где жили Жан и практиканты вулкана и находилась аппаратура управления на расстоянии широким огненным буром.

Поручив группу наиболее опытному из своих помощников, Панайту, чернявому, очень молодому человеку с не по летам серьезным выражением узкого лица, Жан

направился к лесу, чтобы детальнее ознакомиться с местностью. На микросамолете (специальной конструкции для тяжелой плотной венерианской атмосферы) он добрался туда за несколько минут и, оставив машину у опушки, вступил в чащу.

Жан, конечно, знал, что представляют собой венерианские леса. Он видел их неоднократно на Земле — в записях. Но одно дело — видеть запись, а другое — войти в этот лес, очутиться внутри него, прикасаться к деревьям.

Когда было установлено, что на Венере царит неимоверная жара, что в нижних слоях атмосферы мало кислорода и нет водяных паров, то решили, что там не могут существовать высшие растения. Но неизмерима сила приспособляемости организмов!

Высокие, почти одинаковые столбообразные стволы стояли густо, плотно. Их редкие, причудливо изогнутые ветви были зеленоваты, но совершенно безлиственны. Как и стволы, они были покрыты прозрачной жарозащитной коркой, более прочной, чем самые крепкие полимеры. В лесу было немногим темнее, чем на открытых местах, — ветви почти не давали тени.

Жан знал, что фотосинтез идет при помощи ветвей. Они медленно обогащают атмосферу кислородом. Может быть, когда-то такая картина была и на Земле? Он знал также, что корни этих деревьев уходят в необычайную глубину, находя и высасывая потаенные скопления ювенильных вод.

Он притронулся к дереву. Скафандр не давал ощущения жара, но пальцы почувствовали плотную, почти отталкивающую гладкость брони. Закрыв глаза, можно было подумать, что прикасаешься к идеально отшлифованному металлу.

В чаще было так душно, что пришлось усилить подачу воздуха из резервуара скафандра.

Мертвая тишина господствовала в лесу: ни птичьих голосов, ни жужжанья насекомых, ни малейшего шороха. Впрочем, нет! Какой-то скрип слышался вверху. Жан поднял голову. Голые ветви зашевелились, — видно, от пронесшегося вверху ветра.

С трудом протискиваясь между стволами, он вдруг увидел, что они расступились. Еще сотня шагов — и он очутился на довольно просторной полянке.

И остановился в изумлении: у противоположного ее края, разбросанные в беспорядке, стояли... грибы. Да, это были грибы, и очень похожие на земные — но размеры!

Самые меньшие достигали примерно половины человеческого роста!

Но было и другое отличие от земных грибов: как и деревья, эти были покрыты гладкой, прозрачной броней, — наверно, столь же плотной.

Жан глядел на них издали. Ему стало не по себе. Сердце сильно забилося.

Он почувствовал внезапную слабость и головокружение.

Сделал над собой усилие и шагнул обратно.

Головокружение прекратилось.

Вполоборота оглянулся.

Ему показалось, что грибы чуть-чуть приблизились. Но это, конечно, обман зрения!

Он сделал шаг по направлению к ним.

Головокружение и слабость возобновились и резко усилились. Он решительно зашагал назад, но ноги стали подгибаться, он упал навзничь. Попытался подняться — не смог. Это походило на кошмарный сон. Сделав еще огромное усилие, повернулся на бок и опять оказался лицом к гигантским грибам.

Теперь уже нет никакого сомнения: они ближе, еще ближе!

Необъяснимое ощущение овладело им. Ему казалось, что он чувствует какие-то неслышимые волны, перекрещивающиеся, пронизывающие его... какие-то токи...

Грибы приближались. Он не видел их передвижения, как мы не замечаем движения часовой стрелки. Но передние вышли уже за край поляны. Они не больше как в метре от него.

Жан стал делать отчаянные усилия, чтобы подняться. С огромным трудом ему удалось пошевелинуться, но от этого его положение только ухудшилось: он опять оказался на спине. И вдруг вскрикнул от ужасной боли в левой ноге.

Он увидел гриб прямо над собой. Снизу гриб был огромен и страшен. Его шляпка казалась плоским зонтом. Под шляпой — перегородки, толстые и длинные, как дранки, а между ними — черные зерна величиной с яблочные семена, отчетливо видные сквозь идеально прозрачную тонкую броню. Жан заметил еще, что ножка гриба никак не прикреплена к почве. Она даже чуть приподнята над почвой и опирается на низенькие бугорки, расположенные, как показалось Жану, в шахматном порядке.

Нестерпимая боль и отчаяние придали ему силы. Напрягшись до предела, он вскочил на ноги. Но не мог сделать ни шагу. Обе ноги были как бы связаны. Левая продолжала болеть, и вдруг такая же сильнейшая боль ударила и в правую. Прислонившись к древесному стволу, чтобы снова не упасть, он взглянул вниз.

Действительно, обе ноги были стянуты. От ножки гриба у самой почвы вылезли длинные щупальца, охватившие ноги. Еще несколько грибов были уже в двух шагах от него.

Он снова закричал — не только от боли, но и от ужаса. И тут же, вспомнив наконец о вмонтированном в шлем радиоаппарате, громко, задыхаясь, позвал на помощь. Затем с силой, удесятенной чувством смертельной опасности, вырвал правую ногу из цепких пут и стал бить ею по щупальцам, державшим левую. Они соскользнули, и он попытался бежать к своей машине. Но, едва сделав несколько шагов, снова ощутил боль в ногах — теперь уже тупую, ноющую. Она поднималась все выше. Внезапно его пронзила такая острая боль, что он потерял сознание.

Очнувшись, Жан не сразу понял, где находится. Он лежал в постели. Через полупрозрачные стены в маленькую комнату проникал какой-то странный свет. Жан долго вглядывался в него, пока наконец разобрал, что это тусклый дневной венерианский свет, окрашенный розоватым оттенком. Откуда-то издалека доносился ровный гул. Вдруг раздался взрыв.

Взрыв повторился — сильнее. Потом пошла целая серия взрывов со все нарастающей силой. Розовый свет сменился багровым, стал беспокойным, колеблющимся. Жан вскочил на ноги — и вдруг его испугало воспоминание о давешней боли. Но нет, все прошло бесследно. Он подбежал к прозрачной стене. Снаружи творилось что-то катастрофическое.

На фоне бледного дня и всегдашних мрачных туч пылало чудовищное зарево. Что это за комната? В той стороне, наверно, лес, где грибы... Что это за огненный свет? От времени до времени гремят взрывы. Пылающие глыбы высоко взлетают и падают.

Он увидел: оттуда плывет гигантская огненная змея.

Позабыв о скафандре, Жан вне себя бросился к выходу.

— Стой! Куда ты?

Его остановила молодая женщина в плотной белой одежде. Лицо ее показалось знакомым. Да, она была в числе его спутников в межпланетном корабле.

— Что это за пламя? — крикнул Жан.

— Какое пламя? — удивилась женщина. Голос у нее был чуть хрипловатый, а лицо — нежное, похожее на детское.

Жан остановился. Женщина — имени ее он не помнил — сказала:

— Это не пламя. Это вулкан.

— Какой вулкан?

— Искусственный.

— Но где же это я?

— Во временной больнице.

— А ты...

— Врач.

— Когда же я сюда попал?

— Ты здесь четверо с половиной земных суток.

— Не может быть!

— А ты помнишь, что с тобой было?

— Да... движущиеся грибы... потом... дальше не помню...

Врач улыбнулась, ее лицо на мгновение стало взрослым.

— Твой помощник Панаит все время держит с нами связь по теле. И он просил передать тебе: вулкан вскрыт, все идет нормально.

Панаит! Его узкое, не по летам серьезное лицо, черные волосы, угольно-черные глаза — весь его так хорошо уже знакомый, глубоко симпатичный облик встал в живом воображении Жана. Его, Жана, и Герды ученики — это уже второе поколение учеников Мерсье!

— Мне можно вернуться к работе? — спросил Жан.

— Да, ты уже здоров. Отдохнешь еще часа три, и больше тебя задерживать не буду.

Глава десятая. **ДВОЙНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ**

Получив разрешение покинуть больницу, Жан взял скафандр и оружие, с которым не расставались на Венере все, кто путешествовал и работал вне дома, — электронож и лучевой пистолет и быстро миновал воздушный шлюз.

Багровое зарево от лавы даже издали казалось очень ярким, оно озаряло окрестность, словно и не было обычного дневного света. Лавовая река текла где-то вдали. У небольшого здания больницы Жан нашел свой микро-самолет, на котором четверо с половиной земных суток назад его доставили сюда без сознания, и направился к вулкану.

Панайт стоял в маленьком домике у пульта управления и сосредоточенно наблюдал за шкалой. Еще трое юношей, окружив его, слушали пояснения. Взглянув на шкалу, а затем оглядев широко и ровно льющуюся лаву, Жан отметил, что вулкан пробурен мастерски. Осмотрев внимательно равномерно действующий вулкан и пункт управления им, Жан пришел к выводу, что сам он здесь уже, пожалуй, не нужен. Панайт со своими учениками-помощниками великолепно справляется с делом. Очень может быть, что и руководство Панайта этим юношам больше не понадобится.

Жан предложил своему помощнику пройти с ним, чтобы побеседовать об этом, а кстати, оставить учеников Панайта одних — проверить их самостоятельность и заодно укрепить их уверенность в себе.

Но едва отошли с полкилометра, как послышался гул — сначала негромкий, потом все усиливающийся. Задрожала почва под ногами. Гул перешел в дикий вой. Он становился все громче и наконец превратился в невыносимый рев. Громовой удар. Почва заколебалась со страшной силой. Опять удар — прямо под ногами, — и вдруг Панайт, стоявший неподалеку, исчез.

«Как сквозь землю провалился!» — подумал Жан, бросаясь к месту, где только что стоял его ученик.

Панайт и вправду провалился. В почве зияла огромная трещина, обнажившая подземную пещеру. Юноша — видно, оглушенный — лежал на дне ее, метрах в пяти внизу.

Края трещины были неровными, и Жан с большим трудом, цепляясь за выступы каменистой породы, быстро спустился вниз. Прежде всего — цел ли скафандр Панайта?

Панайт пошевелился.

— Ничего, я даже не ушибся, — сказал он.

«Говорит, — значит, скафандр цел», — отметил Жан.

В тот же момент наступила кромешная тьма. И тотчас же вспыхнул свет: Панайт включил свой фонарик.

Оба стали озиаться — Панайт уже стоял на ногах рядом с Жаном.

Они находились в узкой пещере. Почва колебалась, но слабее. Подземный гул медленно затихал.

Трещина, по-видимому, закрылась.

Скафандровые радиоаппараты позволяют вызвать помощь. Но запас ультрасжатого воздуха рассчитан по меньшей мере на земные сутки. Сначала надо посмотреть, не удастся ли выбраться самостоятельно.

Они двинулись вдоль подземелья. Идти пришлось сильно согнувшись. Но вот пещера еще сузилась и вдобавок стала очень низкой. Дальше пришлось пробираться ползком.

Коридор пошел под уклон. Жан заколебался — продолжать ли двигаться?

Щупая лезвием света пространство впереди, Панаит сказал:

— Ну, еще хоть немного продвинемся.

Прислушались: что наверху?

Почва не колебалась. Было тихо.

Глухой взрыв загредел над головами. Это уже что-то другое — не подземный гром.

— Бесится планета, не так ли? — сказал Жан.

— Ну и пусть ее! — решительно ответил Панаит. — Все равно возьмем в руки.

Новый глухой гром и раскаты.

— Знаешь, — сообразил Жан, — да ведь это наверху началась гроза.

Они проползли еще немного вперед — и вдруг стало просторно. Фонарь Панаита уже не смог осветить все пространство, и Жан включил также свой.

Оказывается, они очутились в большом зале. Вода во все стороны лучами фонарей-прожекторов, убедились, что зал представляет собой неправильный куб. Тишина. То ли сюда не доходят наружные звуки, то ли гроза кончилась.

Странное чувство овладело Жаном. Рука не тянулась к кнопке радио. Усталость? Сонливость? Покорность судьбе? Да, и то, и другое, и третье. Что-то знакомое...

— Не понимаю, что со мной, — удивленно, вялым голосом сказал Панаит.

Жан вспомнил: то же чувство беспомощности было при встрече с грибами. Значит, и здесь грибы! Но как они могли оказаться в этом подземелье? Впрочем, почему бы и нет? О них ведь, в сущности, ничего еще неизвестно.

Их не видно, но, может быть, они где-то там, впереди, в густой тьме, которую не может рассеять свет двух

маленьких прожекторов. Идти навстречу им опасно. Но отступать по узким ходам тоже рискованно — придется опять ползти. И за это время грибы, при всей своей медлительности, настигнут...

А стоять на месте — грибы еще раньше доберутся до них.

Остается одно: идти вперед. Что будет...

Все эти мысли мгновенно пронесли в мозг Жана. Ясно, что и Панаиту ничто другое не могло бы прийти в голову — единственный в данном случае логический ход. И Жан произнес одно слово:

— Пошли!

Затем, с трудом преодолевая охватившую его вялость, вызвал дежурного по штабу, коротко, отрывисто сказал, что с ними случилось.

— Сейчас же направляю помощь! — взволнованно крикнул дежурный, забыв, что шлемофоны дают достаточно громкий звук.

Жан и Панаит опять двинулись вперед. Вернее, сделали один шаг и, как сговорившись, замерли на месте, прислушиваясь к своим ощущениям: не усиливаются ли?

Кажется, нет.

Еще шаг...

Как будто усиливаются...

Жан инстинктивно взглянул под ноги: в нем ярко ожило воспоминание о щупальцах грибов и причиненной ими тогда боли.

Нет, внизу ничего нет.

Сделали еще шаг. Совсем короткий.

Жан привел в готовность оружие: наполовину выдвинул из ножен электронож, взял в руку висевший на поясе лучевой пистолет.

Панаит в точности повторил его движения.

Но стало страшно: смогут ли они пустить оружие в ход? Мышцы вялы, воля слабеет. Будто их кто гипнотизирует!

— Напряги всю волю! — прошептал Жан.

Еще шагок вперед — прислушиваясь, осторожно, очень медленно.

И тут вдали — или совсем недалеко? — при этом слабом свете трудно оценить расстояние — показалось что-то темное, с округленными формами.

— Прямо туда свет, — едва шевеля губами, прошептал Жан, — попробуем ослепить.

Два лезвия прожекторов, пронизывая тьму, устремились вперед, скрестились в одной точке.

Двигаются ли эти таинственные жители Венеры на встречу или стоят неподвижно? Неизвестно, не видно. Но чувство подавленности, безволия усиливается. Ждать больше нельзя.

— Пока я один стреляю,— едва слышно прошептал Жан. И тронул кнопку пистолета.

Ни звука, ни вспышки света не дает выстрел лучевого оружия. Но ощущение гипноза, скованности разом исчезло. Стало легко и свободно — до того даже, что Панайт непроизвольно шумно вздохнул:

— Уф-ф!

Сделали — осторожно, осторожно, с паузами — несколько коротких шажков. Ничего.

Подошли еще ближе. И вот прожекторы выхватили из тьмы какое-то крупное тело. Оно лежало неподвижно.

Еще приблизились, обшаривая лучами страшное существо. Оно было очень велико — с добрую корову, но обликом своим походило одновременно и на черепаху и на спрута. Роговой клюв, громадные щупальца, оканчивающиеся острыми крепкими когтями. Щупальца подобно лучам окружали неправильно шарообразной формы туловище. Жан и Панайт невольно отшатнулись от них. Но они были неподвижны. Житель подземелья был мертв.

Пока подоспеет помощь, лучше подождать, чем самим начать вскрывать кровлю: надо быть начеку. Кто знает, какие еще сюрпризы может преподнести подземелье? Да хотя бы вот такие же чудовища — разве можно поручиться, что оно было в единственном экземпляре?

Этими мыслями Жан хотел поделиться с Панайтом. Но не успел сказать ни слова: раздался оглушительный грохот. Когда он смолк, Жан увидел, что Панайта возле него нет.

Глава одиннадцатая.

ПЛАНЕТА ОБРУШИВАЕТ УДАР ЗА УДАРОМ

Жан направил пучок света вниз: не открылась ли на этот раз трещина внутри самого подземелья? Не очутился ли Панайт в нижнем отделе уже двухэтажной пещеры?

Нет, пол подземелья был невредим. Жан бросил было взгляд на убитое им чудовище.

Но чудовища не было. Оно тоже исчезло — как приснилось!

Было от чего прийти в крайнее недоумение!

Водя во все стороны лучом, Жан стал напряженно всматриваться, но ничего не увидел. Ни Панаита, ни чудища.

Размеры подземного зала резко уменьшились. Потолок навис еще ниже, почти касаясь головы. Там, где только что стоял Панаит, — неровная черная стена. С той стороны, где было убитое животное, — такая же стена. Жан замурован в земляном мешке. А Панаит?

Поразмыслив, Жан понял, что произошло: очевидно, обвал. И притом с двух сторон. Надо связаться с Панаитом. Но прежде всего необходимо экономить запасенную в аккумуляторах скафандра энергию: хотя помощь должна прийти вот-вот, но ведь не пришла еще...

Он погасил фонарь и остался в угнетающей тьме.

Позвал Панаита. Раз, другой и третий. Молчание.

Он стал стучать в стену — с той стороны, где должен быть юноша.

Но камень или другая твердая порода отзывается едва слышным звуком.

А Панаиту, возможно, нужна срочная помощь!

Жан яростно заколотил в стену. Но тут же убедился, что это ни к чему. Никто его не слышит, никто не отвечает!

Прошло еще несколько мучительных минут, и он услышал голоса.

Панаит?

Нет. Это те, кто идет на помощь. Голоса слышны с разных сторон. И они говорят: «Мы близко!»

Вскоре над головой раздался шум. Отбрасываемая аккумуляторными заступами порода стала осыпаться. Жан отошел в сторону, насколько позволяла теснота сузившегося подземелья, плотно прижался к стене. Не всегда удается увернуться от тяжелых комьев, стучающих по голове. Но вот в крошечную тьму врезалась узкая полоса света. Унылый дневной свет Венеры, но теперь он так радует!

— Скорей, скорей! — кричит Жан спускающимся к нему людям, — там Панаит. — Он показывает рукой, старается помочь своим электроножом их сильным электрозаступам. Стена быстро расступается.

— Панаит!

Но он не отзывается. Он без сознания и полустоит-полулежит, упершись в поддерживающую его стену тесного земляного мешка.

Дышит?

Среди спасателей врач — немолодой мужчина. И он, конечно, в первую очередь задал себе такой вопрос.

Дышит. В баллоне еще большой запас воздуха.

Тем временем отверстие в почве расширили настолько, что обоих замурованных смогли вывести на поверхность. Панаита вытащили под руки и сразу же уложили на носилки.

А что это блесит внизу?

Это фонарик Панаита. Он, видимо, уронил его, когда был оглушен обвалом.

А пещерное чудовище? Оно здесь, близко. Но прежде всего — эвакуировать Панаита.

В больнице неподвижного, безмолвного Панаита и Жана встретили уже знакомая Жану врач, другие врачи и их помощники. По теле уже знали о последнем происшествии. Жана немедленно осмотрели и нашли вполне здоровым.

— Ну, а мой друг? Панаит? — нетерпеливо спросил он.

— Его сейчас обследуют.

— Однако, вижу, предстоит еще работа,— сказала врач, заметив снижающийся самолет. Едва машина остановилась, из нее выскочила девушка-пилот и, крикнув: «Принимайте больных!» — бросилась помогать вышедшим навстречу санитарам. Глазам Жана представилось тягостное зрелище.

Сначала два санитары вывели под руки молодого человека. Он весь был какой-то дряблый, руки бессильно опущены, ноги подгибались, его чуть не волоком волокли. Глаза из-под прозрачной маски глядели тупо, безразлично.

За ним трое санитаров с трудом вывели из машины молодую невысокую худощавую женщину. Потрясенный Жан увидел: она была связана крепкими бинтами по рукам и ногам. Спеша и волнуясь, санитары тотчас освободили ее. Но она тут же проявила невероятную силу, пытаясь вырваться из державших ее рук. То была полная противоположность предыдущему больному. Она дико выкрикивала бессвязные, бессмысленные слова. Глаза ее были совсем белые: зрачки закатились. На несколько секунд ей все-таки удалось вырваться. Она было дернулась бежать, но тотчас же бросилась ничком на траву и пыталась сорвать с себя скафандр. Ее схватили и втащили в помещение.

Вывели еще двух бредящих женщин. Они жестикулировали и кричали. Затем самостоятельно вышел мужчина средних лет, но за ним по пятам следовал один из санитаров. Это удивило Жана: больной казался вполне спокойным. Однако, взглядевшись внимательно, Жан увидел, что он очень странно ведет себя: он шел преувеличенно спокойным, размеренным шагом и так же размеренно повторял ритмическое сочетание слогов без всякого содержания — та-та-та, та-та-та, та-та-та с ударением на третьем слоге, раз за разом, без передышки, в такт своим шагам и легким подпрыгиванием отмечал каждое окончание стопы. Не обращая внимания на Жана, оказавшегося на его пути и грустно вглядывавшегося в него, человек обошел Жана, как обходят неодушевленный предмет, и скрылся за дверью.

Состояние этого последнего больного особенно поразило Жана.

Но что же это за болезнь? На Земле он не слышал ни о чем подобном. Он решил разузнать у врача.

Глава двенадцатая. **СЛОЖНЫЕ ЗАГАДКИ ВЕНЕРЫ**

Жан нашел врача в палате. Все койки были заняты. Три женщины лежали тихо, ровно дышали во сне или в забытии.

Возле молодого человека сидела врач и, наклонившись к нему, держала наготове шприц. Рядом стоял санитар — высокий черноволосый юноша. Чуть поодаль, вперив в потолок безразличный взгляд, лежал мужчина, который последним вышел из самолета.

Врач подняла глаза на Жана и тотчас вновь повернулась к больному. Сосредоточенное, серьезное выражение ее лица странно контрастировало с детским обликом. Она деловито сказала Жану:

— Понаблюдай за тем больным. На всякий случай...

Жан тотчас подошел к больному и стал внимательно рассматривать его. Несмотря на совершенно апатичное состояние этого человека, в нем было что-то необъяснимо привлекательное.

Через четверть минуты после впрыскивания взгляд молодого человека стал осмысленнее, но веки тотчас сомкнулись, едва заметное до того дыхание стало отчетливым, глубоким, ровным, он погрузился в сон.

— Он выздоровеет? — вполголоса спросил Жан.

— Да, и очень скоро, — ответила врач, — как и остальные.

— Но что это за странная болезнь?

Врач сделала ему знак следовать за собой и вышла из палаты, оставив больных на попечении санитаров. В маленьком кабинете она указала Жану на стул и села на другой, облокотившись о столик. Взгляд ее выдавал сильную усталость. Она достала из шкафа коробочку с пилюлями, проглотила одну и протянула коробку Жану:

— От утомления. И тебе не мешает.

И правда, после всего пережитого Жан чувствовал себя усталым. Проглотив пилюлю, он взглянул на врача и вдруг неожиданно для себя улыбнулся.

— Чему ты? — спросила она с невольной ответной улыбкой.

— А ведь я не знаю, как тебя зовут, — сказал Жан.

— Ли, — ответила она и, помолчав, напомнила: — ты хотел знать, что это за болезнь?

— Да, да... И еще...

— Такое заболевание, — сказала врач, — правда единичное, было здесь уже раньше. Заболел один из участников предыдущей экспедиции. Тогда же нашли и болезнетворное начало — вирус, яд которого поражает центральную нервную систему.

— Что-то вроде старинного бешенства?

— Да, пожалуй, тут есть некоторое сходство. Но инкубационный период очень короток.

— И где же гнездится этот вирус?

— Его находили в пробах атмосферы планеты, правда очень редко и в небольших количествах. Надеюсь, и сейчас дело ограничится маленькой эпидемией.

— А как вы лечите?

— Как видишь, просто. Тогда же наши вирусологи вместе с химиками нашли состав, который одновременно убивает вирус в организме и нейтрализует яд. Важно только не упустить время. Хорошо, что больных быстро доставили.

— А если б опоздали?

Ли нахмурилась:

— Опаздывать в этих случаях нельзя.

В кабинете имелся телеаппарат. На Земле это была привычная вещь, а на Венере — еще редкость, здесь большей частью приходилось пользоваться простыми экранами: их устройство проще, чем объемное теле.

И вот внезапно рядом с Жаном очутился русоволосый улыбающийся...

— Сергей!

Появление друга было так неожиданно и радостно, что Жан и не подумал о теле и бросился к Сергею, намереваясь сжать его в объятиях, но обнял, конечно, пустоту. Ли весело засмеялась, ласково усмехнулся и Сергей, ямочка на его подбородке заиграла. Жан смущенно опустил руки, вглядываясь в лицо Сергея, которое он никак не чаял увидеть так скоро... и здесь!

— Ты на Земле? — вдруг пришло ему в голову.

— Это невозможно, — возразил Сергей, — межпланетной объемной связи пока не существует. Я здесь, на Венере!

— Но как же? — продолжал радостно недоумевать Жан, — ты ведь против, не так ли?

— Да, был против. А теперь... Ну, у нас еще будет время поговорить.

Пожалуй, только теперь Жан понял, как ему не доставало Сергея.

Жан внимательно смотрел на друга. Сергей в чем-то изменился за сравнительно короткий промежуток времени, что они не виделись. Но в чем же? Да, черты его, речь, жестикуляция стали как бы тверже, целеустремленнее.

— Мы отвлеклись, — сказал Сергей. — Знаешь, зачем я тебя вызвал?

— А разве не для того, чтобы увидеться со мной?

— Конечно, для этого. Но кроме того, я должен поговорить о деле. Мы хотим предложить тебе новую работу.

— Кто это мы? — удивленно спросил Жан и подумал: «Как угадали!»

— Штаб Освоения Венеры, Меня избрали здесь в члены штаба. Мы ждем тебя.

Сергей кивнул и исчез, словно растворился в воздухе.

...Итак, Сергей здесь! И даже член Штаба Освоения. Как это получилось? И как бы ни было — это еще одна победа сторонников освоения. Ведь незаурядный человек — Сергей. Он — замечательный, широко известный художник. Пейзажист, изъездил чуть не все уголки Земли. На его полотнах, выставленных во многих музеях, — заповедники, где сохранены образы прежней земной жизни: тропический лес Южной Америки, песчаная пустыня Сахары, глухая тайга Сибири. На его полотнах — океанские просторы, сады, парки, леса, города. В поис-

ках сюжетов для своих картин он немало попутешествовал и по Солнечной системе. В музеях выставлены мастерски написанные им с натуры своеобразные пейзажи Луны, Марса, Венеры и даже крошечной Цереры.

Как хорошо, что он здесь! Многие перестанут колебаться, когда узнают, что этот противник освоения Венеры сам стал его участником. Хорошо, отлично это и для него самого — как расширится круг его интересов! А для своей живописи — сколько он найдет здесь нового, увлекательного материала!

...Наступил момент, когда из штаба передают текущие известия с Земли. Раздался звучный юношеский голос:

— Кампания против освоения Венеры продолжается. Противники его утверждают, что вполне возможно повторение мозговых заболеваний, и притом в массовом количестве. Они считают, что неизбежны и другие, гораздо более страшные эпидемии.

Жан задумался: так просто от этого не отмахнешься. Враги освоения говорят о вполне реальной опасности. Все дело в том, как ее преодолеть, — а преодолеем мы ее безусловно, как и все другие препятствия!

В том числе и грибы.

Да ну, грибы — это, конечно, мелочь в сравнении со всеми стихиями этой бешеной планеты. Но и они тоже... А тут еще это ужасное глубинное животное!

Да, так вот, значит, есть и животные! Это неожиданность! И конечно, раз они есть, то только в глубине и могут жить: на поверхности планеты они не могли бы существовать при такой температуре.

Ну, а чем они дышат? Ведь кислорода и в глубине, наверно, не больше, чем на поверхности.

А чем питаются?

Вот еще загадка Венеры!

Жан оглянулся. Ли все еще сидела здесь: наслаждалась передышкой от напряженной работы.

— Каждый раз что-нибудь перебивает, — сказал Жан, — с самого моего пробуждения хочу спросить тебя: что-нибудь удалось выяснить насчет этих грибов?

— Нет, — ответила Ли, — после того как тебя обезопасили от их яда, несколько человек... я в том числе... отправились на ту поляну... Конечно, с оружием.

— И что же?

— Мы их не нашли.

— Заблудились, не так ли?

— Да нет. Пришли на то самое место. Они исчезли. Мы побродили по лесу в разных направлениях... Нигде не нашли никаких следов.

— Ну, а животное?

— Какое животное? — поразилась Ли.

— Ах, ты еще не знаешь! А что с Панайтом?

Но на этот вопрос Ли тоже еще не могла ответить.

Глава тринадцатая. **ЗАВЕРШАЮЩИЙ АККОРД**

Впервые в своей пока еще короткой жизни Анна готовилась выступить с авторским концертом. Есть ли художник в любой области искусства, который не волновался бы перед публичным, а тем более всемирным выступлением? Анна, конечно, не была исключением — только ремесленник может в таких случаях оставаться спокойным. Но если ее охватывало волнение перед исполнительскими концертами — насколько же сильнее оно было теперь!

Трудно было бы заранее сказать, сколько людей будет ее слушать. Но наверно, много: она знала, что пользуется расположением любителей музыки, живущих в разных местах земного шара. Однако больше всего она хотела, чтобы ее слушал тот, чьими душевными переживаниями была вызвана к жизни ее соната: ее отец, любимый и так тяжело наказанный человечеством Пьер Мерсье.

Слушает ли он ее?

Но она не смогла поговорить с ним: добровольное затворничество Мерсье продолжалось. В своей комнате он был отрешен от всего мира. А что, если он отключил у себя и радио? Тогда ему неизвестны день и час концерта.

Однако он слушал.

Всем другим инструментам Анна предпочитала мультитон. Она любила его за богатство почти неуловимо переходящих друг в друга тонов, за бесконечное разнообразие тембров. Отчасти он напоминал старинный орган, но звуки были мягче, гибче, а главное, он был гораздо многозвучнее, не говоря уже о том, что не подавлял устрашающей громоздкостью, как его старинный предшественник. Правда, и овладеть мультитоном было труднее, чем любым другим инструментом.

Студий для всемирных передач было много. Концерт Анны передавался из помещения на Гавайских островах,

в десять часов утра по тамошнему времени. Место не имело особого значения: на концерте, как на любом спектакле, лекции, собрании, можно было присутствовать, находясь в любой точке земной поверхности.

Анна сидит у инструмента. Ее длинные, одушевленные пальцы уже протянуты к клавиатуре. Она одна, но чувствует присутствие миллионов слушателей и зрителей. Какое сильное волнение отражается на ее лице!

Но вот ее руки решительно коснулись клавиш. Ударять по ним, как в старину, не надо, достаточно легкого прикосновения. И сразу исчезло волнение с ее лица и заменилось выражением глубокой сосредоточенности. Затем смена выражений стала гармонировать со звуками. Звуки полились — полные, отчетливые, нарастающие. Сначала ровный ропот, затем — гулкие удары, грозный рев, словно тысячи Ниагар низвергаются в бездну, разбиваясь в пену и пыль.

Пьер смотрит и слушает. Тонкие пальцы пробегают, несясь по клавишам. Звуки нарастают. Теперь Пьер ясно видит и слышит. Нескончаемые ряды волн идут на приступ береговых утесов. С громом ударяются они о скалы. Им нельзя отступать, за ними идут следующие. Они сокрушат скалы — должны сокрушить! И тогда перед ними откроется бесконечный путь.

Но скалы стоят невредимо.

Ряд за рядом. Волна за волной.

Но вот к победному грохоту начинают примешиваться иные звуки. Волны сдают?

Нет! Они не должны сдавать. Им подобает победа! Сам не замечая этого, Пьер поднялся во весь рост. Анна сидит лицом к нему, он смотрит ей прямо в глаза. Она его не видит.

Лицо Анны как бы аккомпанирует музыке: оно торжественно и скорбно.

Волны бегут на приступ. Не ослабела их мощь, не уменьшилась воля к победе. Но теперь уже ясно — не пробить скалы. Вдребезги разбиваются волны — ряд за рядом. Глубочайшее горе в их почти человеческих столах. Страстной жаждой победы и болью от сознания недостижимости ее звучит последний, завершающий аккорд. Завершающий? Нет, в нем — невозможность примириться с недостигнутым счастьем, с недоступностью победного пути вперед. И отчаяние!

Анна встала. Пьер не заметил, что прошло уже несколько минут, как кончилась соната.

Анна исчезла.

Тихо ступая, вошла Ольга. Взглянула в глаза мужа и положила руку на его плечо.

Еритомо Ниягава не впервые слушал музыкальное выступление Анны Мерсье. Он всегда любил музыку и еще в детском городе хорошо играл на скрипке. Все же настоящий музыкант из него не вышел: не было главного, что отличает мастера в любой области искусства, — отчетливо выраженной творческой индивидуальности. Это не мешало ему наслаждаться исполнением любимых произведений, но только для себя, в своей комнате. Зажав скрипку между плечом и подбородком, внимая нежному и тонкому, порой вздрагивающему пению смычка, Еритомо слушал не свое исполнение, а мелодию, созданную композитором.

В игре Анны Мерсье он ценил как раз то, чего не доставало ему самому и что было дорого многочисленным поклонникам ее дарования, — ярко выраженную исполнительскую индивидуальность. При своем хорошо развитом музыкальном слухе он мог бы, даже не зная, кто играет, различить ее исполнение любого произведения. Так мы отличаем знакомый голос среди многих разговаривающих, не видя их.

Однако то, что Анна выступает как композитор, было неожиданностью для Еритомо.

И вот он сидит в своей комнате перед экраном. Он не включает его до самой минуты начала концерта: ему не хочется отвлекаться никакими другими зрительными и слуховыми впечатлениями. Он даже закрыл глаза — и тотчас в его представлении возник образ Анны — ее подвижная фигура, белокурая голова, голубые глаза, полные улыбающиеся губы, ее лицо, на котором выражения настроений сменяются неуловимо, как меняются формы легких облаков, озаренных сиянием заката...

Еще не открывая глаз, он почувствовал — время настало.

Да, очень точно.

Еритомо долго находился под впечатлением от концерта Анны. Странное, двойственное чувство владело им: глубокое наслаждение своеобразной, совершенной, как ему показалось, музыкой и томящая, действительно требующая выхода незавершенность, такая неудовлетворенность, такое горячее и почти безнадежное стремление к

счастьем, которое прозвучало в заключительных аккордах сонаты.

Как не вяжется страдание со всем обликом Анны! Представление о ней неизменно связывалось с чем-то ярким, бурным, стремительным, счастливым. Не случайно связывалось: она всегда выбирала для своих исполнительских выступлений мажорные, радостные вещи — будь то произведения старых или современных композиторов. Всегда порыв, взлет, достижение! И вот первая же вещь, которую она создала сама и которая началась тоже стремительным взлетом, завершается падением в бездну скорби, неутолимой тоской по недостижимому счастью.

Почти машинально Еритомо набрал индекс Информационного Центра и дал заказ: Анна Мерсье, музыкантша-исполнительница на мультитоне, возраст около двадцати лет, невысокая, звонкий голос, энергичные движения, белокурые волосы, голубые глаза, полные губы, быстрая смена выражений лица, тонкие руки, длинные пальцы. Он перечислил все это без запинки — так отчетливо видел перед собой Анну. Надо было бы еще указать, где она живет, где работает. Но этого он не знал.

Признаков было мало, притом они были часто повторяющиеся. Поэтому Информационный Центр не сразу соединил его. Юноша ощутил сигнал соединения — он еще не был уверен, что это именно та Анна Мерсье.

Но о чем, собственно, он хочет с ней говорить?

Он отключил кольцо-телефон.

Концерт Анны неожиданно для нее вызвал много взволнованных откликов. Сыгранное ею произведение вновь привлекло внимание большинства человечества к трагической судьбе Пьера Мерсье. Анна вовсе не рассчитывала на это, по крайней мере сознательно. Она выразила в сонате свои чувства, которые естественным образом отразили переживания дорогого ей человека. Страдание отца стало ее страданием.

О Пьере говорили, писали, спорили. Ему глубоко сочувствовали, но подавляющее большинство считало, что он наказан справедливо. Приговор Мирового Совета был, по существу, приговором человечества. Да, пожалуй, если и Анну спросить, и она признала бы это решение правильным...

И сам Пьер...

О нем было известно очень мало. Знали только, что он замкнулся в глубоком уединении.

Анна во время одного из своих редких посещений жилища родителей решила спросить мать. Но Ольга очень ласково уклонилась от ответа, только сказала, нежно проведя рукой по ее гладкой прическе:

— Не тревожься...

В этой бессодержательной фразе было одновременно что-то успокаивающее и запрещающее расспросы.

И больше о том разговора не было.

Только через два дня Еритомо, убедившись, что впечатление от концерта не тускнеет, а, наоборот, становится с течением времени все ярче, решил вызвать Анну. Автомат-секретарь, непременная принадлежность каждого квартирного телефона, отозвался:

— Анны Мерсье нет дома. Скажи, кто спрашивает.

— Это бесполезно,— сказал Еритомо,— она меня не знает. Но мне надо побеседовать с ней.

Не замечая того, он говорил с автоматом, словно с разумным существом, тогда как это была всего лишь кибернетическая машина, способная только задавать те вопросы и произносить те ответы, которые в нее заложены. На этот раз не было вопроса и не требовалось ответа — и секретарь молчал. Спыхватившись, Еритомо спросил:

— А когда она будет?

— Через три дня,— тотчас ответил секретарь.

Еритомо спросил еще:

— Где ее можно найти?

Очевидно, этот вопрос не был предусмотрен. Машина порылась в своей памяти и ответила совершенно не впопад:

— Скажи твой индекс!

Еритомо отключился с досадой и облегчением: он уступил неодолимой потребности и все же не знал, о чем стал бы говорить с Анной.

Анна после концерта договорилась с товарищами по работе о замене, чтобы отдохнуть пять дней и большую часть этого времени провести с матерью. Работа над композицией стоила ей сильного нервного напряжения. Случалось, она по десять часов подряд не отходила от мультитона. А после выступления почувствовала сильнейшую усталость.

Кроме того, она понимала, что мать, несмотря на свой обычный спокойный вид, тяжело переживает трагедию Пьера. Надо побыть с ней.

Анна всячески старалась ласковым участием смягчить горе матери. Но пожалуй, Ольга, более сдержанная, лучше владеющая собой, больше помогла дочери, чем та ей.

В те часы, когда Ольга работала, Анна много читала. Но нигде не бывала, не слушала музыки, избегала встреч с друзьями и знакомыми. С отцом почти не виделась. Он редко выходил из своей комнаты. Это могло бы встревожить. Однако в те два-три раза, когда Анне удалось ненадолго повидаться с ним, он не произвел на нее особо тяжелого впечатления. Был озабочен, очень рассеян — и только. Казался даже более спокойным, чем до своего добровольного заточения. Это приводило Анну в недоумение, но она чувствовала, что ни о чем допытываться не надо.

Расставшись с матерью к исходу пятого дня, она вернулась к себе. Пустив ленту телефонного секретаря, узнала, что ей звонили многие: друзья, знакомые и вовсе незнакомые люди.

Раздался короткий звонок. Анна оглянулась и увидела невысокого юношу с блестящими, черными, словно смазанными маслом волосами. Глуховатый, но с отчетливой дикцией голос произнес:

— Здравствуй, Анна.

— Добрый день, — приветливо ответила она, — кто ты?

— Меня зовут Еритомо Ниягава. Я один из радистов Мирового Совета. Я о твоём концерте.

Они внимательно, молча смотрели друг на друга. Еритомо видел ее живое, яркое лицо, основной тон которого — радость, полнота жизни. Как это сочетается с тем беспредельным отчаянием? Сочетается. Не все просто и последовательно в человеке. Да нет, ему, кажется, ясно. Эти счастье и горе — из одного источника. Страстная жажда жизни, светлых достижений — и неодолимая преграда, неукротимое стремление разрушить ее во что бы то ни стало! Удастся ли? Прозвучит ли когда-нибудь разрешающий аккорд? Все нахлынувшие на него мысли и чувства он хотел и не мог выразить словами.

Еритомо снял со стены скрипку. Приложил ее к плечу и взял смычок.

Анна узнала мелодию своей сонаты: страстный рокот пенящихся волн, их яростную борьбу — и поражение, поражение... Недвижны скалы. Но волны бьют в них — еще и еще. И вот...

Они прорвали преграду! Они торжествуют! Звучит радостный завершительный аккорд!

С досадой слушал Еритомо свою музыку. Это был бледный пересказ того, что так взволновало его и многих других. Только конец найден им самостоятельно, но прозвучал так бледно по сравнению с блестящей музыкой Анны!

Он отложил скрипку, с тоской взглянул на Анну. Нет, он не сумел выразить то, что ему хотелось!

Однако лицо ее озарилось радостной улыбкой. Она смотрела на него, как солнце смотрит в чистую воду реки, одновременно пронизывая ее своим светом и отражаясь в ней.

Она поняла, поняла его!

Глава четырнадцатая. **КОМПЛЕКС**

— Разве ты меня не слышишь, Панаит?

Панаит, несомненно, слышал, — это было видно по выражению его лица. Он напряженно вслушивался в вопросы сидевших против него пожилого врача и его молодой помощницы. Но по-видимому, смысл вопросов до него не доходил.

— Я к тебе обращаюсь, Панаит!

Юноша не реагировал даже на свое имя. Но, немного помолчав, он отчетливо произнес несколько слов на непонятном языке. Слова сопровождались резкими повышениями и понижениями голоса и перемежались короткими быстрыми придыханиями.

Но ведь врач говорил с ним по-французски, зная, что на этом языке Панаит все время объяснялся с Жаном. Ну что ж: врач повторил обращение на распространенных языках — русском, английском, немецком, испанском. Потом его помощница обратилась к Панаиту по-гречески, по-норвежски, на хинди, на суахили. Юноша только печально качал головой и виновато разводил руками, напряженно сдвинув густые брови, явно силясь и не умея понять обращенную к нему речь.

— Аналитико-диагностическая машина, — сказал врач, — установила небольшие, очень тонкие изменения в мозгу. Но разобраться в них мы здесь не умеем. Придется отправить пленку на Землю, в Институт комплексной медицины.

Панаит вдруг, сильно волнуясь, произнес несколько фраз. Понять их было невозможно. По-видимому, он говорил на том же языке, что и вначале. Но что это за язык?

— Мы не лингвисты,— сказала помощница,— что будем делать?

— Ничего тут нет сложного,— уверенно ответил врач,— сейчас попробуем все выяснить.

Он вызвал по теле Штаб Освоения. На экране появился дежурный.

— Я из второй больницы,— сказал врач,— пытаемся объясниться с Панайтом. Это тот юноша, которого засыпало.

— Вулканолог? Разве уж так трудно с ним сговориться? Он, кажется, владеет добрым десятком языков.

— Ни на один не откликается.

— Слух потерял? Или голос?

— Ни то ни другое.

— Не понимаю.

— Говорит на каком-то непонятном нам языке.

— Странно, но не страшно. Попросите его сказать мне что-нибудь, мы запишем и заложим в кибернетический переводчик.

Врач знаками показал Панайту, что от него требуется. Тот повернулся так, чтобы быть в поле зрения штабного теле, и на вопрос дежурного стал отвечать — быстро, отчетливо, непонятно и довольно продолжительно. По жестам и мимике можно было догадаться, что он чему-то удивляется.

— Ну, вот и все,— сказал дежурный.— Перевод сообщим вам немедленно.

Наступила глубокая венерианская ночь. Она будет длиться сто пятнадцать земных суток. Ни одной звезды. Тяжелый покров туч не виделся, но угадывался сверху. Однако тьма прерывалась отблесками зарниц. Они беззвучно бушевали где-то за горизонтом, и при каждой вспышке тучи озарялись размытым пламенем, а потом тьма становилась еще гуще, еще мрачнее. Жан сидел рядом с Сергеем в Штабе Освоения Венеры.

Всего полчаса назад отгрохотала гроза, продолжавшаяся без перерыва больше земных суток.

Сергей выключил звукоизоляцию стен.

— Не возражаешь? — спросил он.

— Да нет. Надоело, как, верно, и тебе, быть отрезанным от внешнего мира. Пусть чувствуется дыхание планеты.

— Чувствуется! — усмехнулся Сергей.

В самом деле, что-то загрохотало.

Опять гроза?

Нет, гул шел снизу. Затряслась, загремела почва, ходуном пошел небольшой пленочный дом. Жан взглянул на стрелку, укрепленную на стене и дублировавшую показания сейсмографа.

— Ого!

Старинной земной двенадцатибалльной шкалы здесь не хватало. Стрелка дрожала около пятнадцати. Но дом только поднимался и опускался на рессорах, как корабль на волнах.

Однако к таким вещам уже постепенно привыкали.

Без всякого перехода ночь сменилась днем. И это не был ставший уже привычным венерианский унылый, мрачноватый дневной свет. Похоже было, будто настоящее солнце взошло над планетой, властно пробившись через немыслимую толщу туч. Его сияние залило комнату. Сквозь прозрачные стены стали видны желтовато-красные просторы — каменистая пустыня, окрашенная окислами железа.

— Все не могу привыкнуть, — сказал Жан, — что электрическое солнце включают так внезапно.

— Какая тут может быть постепенность? — возразил Сергей. — Не восходит же оно на востоке. Правда, на Земле сохраняют сумерки, но здесь это ни к чему.

Ну, — прервал он себя, — особенно-то засиживаться не приходится. Здесь не как на Земле: там — определенные часы работы, известное время досуга, а тут пока редко от себя зависишь.

Он замолк, собираясь с мыслями. Жан заметил, как устало смотрят светлые глаза, как побелела кожа, потеряла загар. И так быстро! А Сергей тоже про себя отметил усталый вид Жана.

— Но ты, — сказал Жан, — все еще не объяснил мне, как попал сюда.

— Я только три земных дня назад прибыл на очередном корабле. И сразу же оказался невероятно занят — в штабе срочно понадобился работник, других свободных и, как мне сказали, подходящих не нашлось. Ну, а как я очутился на Венере? Когда узнал о страшной катастрофе... Пока не были названы имена погибших, с ужасом думал — а вдруг ты... Я жадно следил за известиями с Венеры. Узнал, что ты жив, работаешь над искусственными вулканами. Много думал о тебе... О Мерсье. Много читал об освоении планеты, прислушивался к дискуссиям. И постепенно пришел к мысли — Мерсье-то и его

сторонники правы, человечеству пора овладеть Солнечной системой. А раз убедился в этом — решил: мое место здесь. Обратился в Мировой Совет. Экспедиция на этот период была уже укомплектована. Но моя специальность помогла — она, оказалось, здесь очень нужна. Хотел было я отказаться от работы в Штабе Освоения — какой у меня организаторский опыт? Но сказали — надо. Я и подумал: предстоит много трудных дел, и раз уж мне выпадает такая ответственность — имею ли право уклониться от нее? А теперь... знаю, что с тобой было в последнее время: ожог, пожар в лесу, чудовищные грибы, обвал...

— Уже знаешь? — удивился Жан.

— Да нам-то все сообщают.

— Еще один вопрос, — сказал Жан. — Как с твоей живописью? Здесь обширное поле, не так ли?

Сергей потемнел:

— Живопись приходится пока оставить...

Вошел дежурный.

— Простите, друзья, прерву вашу беседу.

Он положил на стол и развернул рулончик записи:

— Язык, на котором говорит Панаит. Никто не мог понять. Из вас кто-нибудь не поймет ли?

— Какой язык? — удивился Жан. — Мы с ним все время по-французски...

— Он, видно, забыл французский. Я слышал: это может случиться от сильного удара по голове.

Дежурный тронул прикрепленный к пленке рычажок. Прозвучали фразы, сказанные несколько минут назад Панайтом. Нет, ни Сергей, ни Жан ничего не поняли.

— Ну, иду заложить в переводчик, — сказал дежурный и вышел.

— Будем надеяться, Панаита вылечат, — сказал Сергей. — А теперь продолжим наш разговор. Я вызвал тебя вот зачем: мы решили, что тебе с Гердой Лагерлеф следует возглавить руководство вулканологами в масштабе всей планеты, потому что количество искусственных вулканов уже очень велико и продолжает расти.

— Мы, наверное, справимся с этим, — ответил Жан. — Но... еще лучше это сделал бы Мерсье.

Сергей промолчал. Жан испытующе смотрел на него.

— Что ты так на меня смотришь? — сдержанно сказал Сергей. — Ты ведь знаешь, что это так же мало зависит от меня, как и от тебя.

— Чем меньше магматических очагов, — продолжал он, — тем меньше землетрясений и естественных изверже-

ний. Чтобы их не было совсем, как этого уже добились на Земле, необходимы еще многие тысячи искусственных вулканов. Ну, кроме вычерпывания магмы вы в нужных случаях направляете течение лавы, создаете из нее дамбы. И еще делаете анализы магмы, готовите материал металлургам. Но все это мелочь.

Сергей как бы поперхнулся последним словом.

— Ну, я чуть сморозил. Не мелочь, конечно, особенно тысячи вулканов. Наоборот, грандиозно. Но ведь перед вами, вулканологами, стоит еще несравненно более трудная задача.

Жан утвердительно кивнул:

— Конечно. Энергетика.

— Вот именно. Энергии для преобразования планеты требуется огромное количество. Тебе, конечно, ясно, что сейчас нам надо пользоваться прежде всего внутрипланетным теплом.

— Безусловно,— подтвердил Жан.— Если на Земле отказались от термоядерных реакций, чтобы не перегреть ее, то тем более это важно здесь. А пока над планетой такой густой облачный покров, трудно использовать прямое солнечное излучение. Есть, конечно, еще и другие крупные источники энергии — ветры, атмосферное электричество, температурный перепад в различных слоях атмосферы, не так ли?

— Верно,— сказал Сергей,— но, ставя себе на службу глубинное тепло, мы заодно еще больше умирняем бунтующие недра планеты. Та энергия, которая будет затрачена на ее преобразование, уже не будет участвовать в извержениях, сотрясениях планеты и повышении температуры ее поверхности и атмосферы.

И вот, чтобы правильно понять основную идею покорения планеты, надо усвоить сущность этой идеи. Мне кажется, правильнее всего определить эту сущность одним словом — комплекс. Мы берем энергию из недр планеты и этим способствуем успокоению Венеры. А в то же время — чем меньше будет извержений, тем меньше станет поступать в атмосферу углекислого газа.

Энергия нужна нам для всего. Для станций перемешивания атмосферы. Для электролиза и других способов добычи кислорода. Электролиз даст еще и водород для синтеза пищи. Энергия нужна и для разложения горных пород — получится сырье для одежды, построек и опять-таки для синтеза пищи.

А сколько надо энергии для добычи азота! Мы должны довести состав воздуха до земной нормы.

Перемешивание атмосферы сделает более равномерным распределение гроз. И для этого опять нужна энергия! И для того, чтобы развести хлореллу. А она — для фотосинтеза. А фотосинтез даст кислород, водород и уменьшит количество углекислоты. Меньше в атмосфере углекислоты — меньше тепла. И еще даст хлорелла белки, жиры, витамины.

Те процессы, что происходят в природе в миллионы и миллиарды лет, мы произведем за десятилетия и даже за годы! — с гордостью закончил Сергей.

Взволнованный вышел Жан из домика, где беседовал с Сергеем. Он остановился, чтобы собраться с мыслями.

Да, комплекс. Гигантский масштаб. Ну конечно, он знал, что и на Земле выполнены грандиозные работы. Но там они были начаты давно. Его поколение получило Землю в значительной мере готовой, удобной для обитания. Пищи, всяких бытовых благ вдоволь. Недра давно укрощены. Моря, атмосфера повинуются человеку. Трубопроводы и искусственные океанские и воздушные течения сгладили климатические различия. Джунгли, опасные звери — только в заповедниках. Великие работы еще продолжают, о многом еще спорят. Но теперь уже трудно охватить мыслью весь комплекс тех работ.

Иное дело здесь, на Венере. Здесь все только начинается. План еще далеко не воплотился полностью в большие дела. И потому его легче окинуть умом, обращенным в будущее. А как он величествен! Ведь здесь надо сделать еще куда больше, чем было сделано на Земле. И намечено это сделать гораздо быстрее!

Все это, конечно, Жан понимал и до беседы с Сергеем. Но на каждом очередном деле он был так сосредоточен, что не мог сразу охватить мыслью все целиком. В штабе виднее целое, общее. Но в штабе, да и вообще на Венере, Сергей всего несколько дней. Значит, все эти мысли его волновали и крепко занимали еще на Земле, наверно, еще в то время, когда он считал себя убежденным противником Мерсье, чьи идеи уже подспудно созревали в нем. А теперь — каким Сергей стал энтузиастом освоения Венеры! И как полностью вошел в курс дела!

Жан огляделся.

Если не смотреть вверх — чудесно! Солнечный день, по-земному яркий.

Но вот он поднял голову.

Как далеко еще до завершения величественного плана! Низко плывут и плывут все те же тяжеловесные, гнетущие тучи!

Глава пятнадцатая. **НЕОЖИДАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ**

Вышла книга. Сначала она попала в руки немногим, привлеченным именем автора. Каждого из них она потрясла. Каждый сказал о ней другим. Вскоре она стала известна всему населению Земли. Никто не мог читать ее без глубокого волнения.

Закончив работу над рукописью, автор обратился в одно из издательств. Там удивились неожиданному посетителю. То, что Пьер Мерсье явился в качестве автора, никак не вязалось со всем, что произошло с ним в последнее время.

— Я написал книгу, — сказал Пьер необычным для него ровным, приглушенным тоном, — можно ее выпустить?

Ответ на этот вопрос мог быть только положительный: как бы ни был Мерсье виновен перед людьми — если такой человек хочет чем-то с ними поделиться, значит, это что-то важное.

Одну минуту, правда, заведующий издательством колебался: ведь Пьеру запрещена какая бы то ни была работа...

Да, но разговаривать-то ему не запрещено. Такой запрет даже и представить немыслимо. А говорить с одним или с миллионами сразу — все равно разговор.

Работник издательства вложил в аппарат, вмонтированный в стенную панель, принесенный Пьером сверток пленки.

Как и все предназначавшееся для печати, рукопись была написана при помощи машинки, которая, впрочем, ничуть не походила на старинные пишущие машинки: она не имела ни клавиш, ни рычагов и записывала текст под диктовку невидимыми импульсами. Но слово «рукопись» сохранилось с тех времен, когда писали от руки, как слово «перо» на многие десятилетия пережило применявшиеся некогда для письма гусиные перья.

Аппарат с неуловимой быстротой прочитывал на разматывающейся ленте импульсы и на другой пленке пре-

вращал их в буквы. Не прошло и получаса, как был воспроизведен весь текст, написанный по-французски.

Затем транспортер перенес готовую запись в печатно-переводную машину. За полчаса она изготовила двадцать пять миниатюрных книжечек, напечатанных обычным крошечным шрифтом, по одной на каждом из наиболее распространенных языков.

Книжечки пошли в фотопечатные машины. Еще через полчаса был готов весь тираж. Транспортер передал книжечки в переплетную машину. Она вставила каждую книжку в тонкий, гибкий и очень прочный переплет и подвесила линзы для чтения.

В тот же день книга вышла в свет. А уже в ближайшие дни в издательство посыпались бесчисленные заказы. За несколько дней были выпущены сотни миллионов экземпляров.

В этой книге почти не было сюжета, не было действующих лиц. Было только одно лицо — сам автор. Он рассказал свою жизнь и раскрыл свои трагические переживания.

Вначале он кратко повествовал о детских и юношеских годах. Его основные интересы определились далеко не сразу. В юности он перебрасывался от одного творческого увлечения к другому, пробовал силы в литературе — поэзии и прозе, на сцене. Ему неплохо удавалось художественное чтение. Но попытки играть в пьесах оказались неудачными: он был лишен дара перевоплощения.

Свое подлинное призвание он нашел в науке. Он пристально занялся изучением Солнечной системы. Его внимание сконцентрировалось на астрономии, физике, геологии и географии — тесно взаимосвязанных отраслях знания. Живая, активная натура побуждала его к практической деятельности. Он быстро перешел к вопросам освоения планет. Да и не удивительно: эта идея носилась в воздухе, человечество созрело для ее выполнения.

Мерсье стал одним из самых энергичных пропагандистов немедленного освоения ближайших к Земле планет.

В книге рассказывалось, как Пьер изучал историю усмирения земных недр, как неоднократно посещал Венеру, производил там исследования, знакомился с результатами предшествовавших экспедиций, определял состояние магмы и горных пород, как намечал сравнительно безопасные места.

С потрясающей откровенностью, с невероятной силой искренности рассказал он о своей тяжелой болезни, из-за которой его лишили права работать.

Он проследил свою жизнь от истоков сознательности. Родители позже, чем обычно, отдали его в детский город. Может быть, они избаловали его в раннем детстве: ребенку стало казаться, что он в центре внимания окружающих. Может быть, став взрослым, он все же не вполне сумел отделаться от этого бессознательного ощущения.

Пожалуй, в этом есть доля истины. Но это не главное. Главное то, что он всегда слишком увлекался целью, самым делом и порой забывал, что всякое дело только для людей.

Не потому ли у него ничего не получилось с искусством и литературой? Там необходимо особенно знание людей и умение проникать в психику отдельного человека. Науку легче оторвать от человека, чем искусство. Ее даже можно, как это ни дико звучит, направить против людей. В старину были ученые, и даже талантливые, которые создавали средства истребления людей. Надо крепко помнить прошлое человечества!

Человечество! Как оно прожило миллион лет со времени своего появления на Земле! Сколько ему довелось бороться и страдать!

Биография человечества величественна и трагична. Героизм и страдание. Тяжкая борьба не на жизнь, а на смерть с силами природы: ураганами, наводнениями, извержениями, пожарами, эпидемиями, с дикими зверями. И себе подобными. Борьба для обороны и ради пищи.

Войны!

Невозможно в полной мере представить себе ту жестокость, с какой люди обращались с людьми. Ее необычайно трудно понять сейчас. Но понять необходимо.

Войны — с появления человека. Взаимное истребление разных племен и сражения с людьми своего же племени из-за еды, орудий труда и орудий уничтожения себе подобных.

Чудовищно жестокие истязания рабов. И еще более жестокие расправы с восставшими. Длинная дорога крестов с распятыми воинами Спартака.

Живые факелы Нерона.

Зверства Иоанна Грозного и его подражателей.

Крестоносцы! Инквизиторы! Кортес! Походы европейских и азиатских властителей! Бесконечные междоусобицы всяких феодалов и удельных князей — люди, люди,

сотни тысяч, миллионы людей гибли и страдали от ран, эпидемий, голода.

Варфоломеевская ночь!

Чингис-хан. Батый. Тамерлан, приказавший соорудить пирамиду из скрепленных между собой живых пленных и гордо взошедший на этот пьедестал из агонизирующих тел.

Истребительные войны между отдельными государствами. Мировые войны. Напалм, огнеметы, живые горящие человеческие тела. Майданек. Освенцим. Треблинка.

Атомные бомбы, мгновенно сжегшие сотни тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки!

Еврейские погромы! Армянская резня! Жестокости куклуксклановцев, суды Линча! Разве можно перечислить хоть миллионную часть человеческих страданий, причиненных людьми же!

Все это капли в необозримом океане страданий, которым люди подвергали себе подобных.

Только теперь, на вынужденном досуге, Пьер по-настоящему вник в историю. Не зная основательно историю человечества, невозможно знать как следует себя и своих современников.

Человек! Такое хрупкое создание, сочетание миллиардов клеток, чудесно дифференцированных и организованных бесчисленными поколениями. Тончайшие живые ткани с их сложнейшей симфонией химизма, микротоков. Человек — его и теперь еще преследуют болезни, подстерегают опасности, ждет неминуемая смерть. Как же его надо беречь! А в минувшие эпохи опасностей было в тысячи раз больше, болезни уносили людей массами да и вообще-то жизнь была намного короче. И все же люди сами зверски мучили, истребляли других людей.

Но во все времена существовали люди, которые любили людей всеми силами души. И победили в конце концов они, а не человеконенавистники. Почти четыреста лет назад великий человеколюбец Радищев написал: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Эти слова рядом с другими памятными изречениями выбиты на здании Пантеона Человечества. Победил Радищев, а не Нерон, не Гитлер, не Салтычиха. «А ведь сколько раз я читал эти слова и не прочувствовал их как следует! А должен был! — писал Мерсье. — Без любви к людям нет подлинной литературы и искусства. Без нее немыслимы были бы Шекспир, Гете, Чехов, Пушкин, Мопассан. «Последний день Помпеи» —

картина Брюллова... Я так часто стоял перед ней. Что интересовало меня, геолога и вулканолога? Бешеное пробуждение Везувия. Ну да, я видел на этом полотне гибнущих людей. Но почувствовал ли я их трагедию?

Теперь я понимаю, что эта картина вовсе не об извержении, а о людях. О том страшном потрясении, которое они испытали — и все вместе, и каждый в отдельности.

А ведь эта картина напоминает о всех великих потрясениях, пережитых человечеством. Художник, живший за три столетия до нас, видел каждого из изображаемых им людей. И значит, он был душевно гораздо здоровее меня.

А те, кто всходил на костер и эшафот, кто страдал на каторге и в ссылке за то, чтобы приблизить счастье человечества! Бруно, декабристы, Софья Перовская, Белоянис. Знал я все это? Знал, конечно, как и все. Вспомнил? Очень редко. Дело — да, нужное человечеству дело — заслоняло для меня эти воспоминания.

Победили борцы за счастье людей, а не рабовладельцы, не деспоты и тираны.

Сейчас по вине других людей страдают люди очень редко. Но катастрофы не исключены: достигнув одной огромной и трудной цели, человечество всегда будет ставить перед собой другую, еще более огромную и трудную. А пути в неведомое всегда трудны, опасны, могут грозить гибелью людей.

Есть и теперь мучительные страдания неразделенной любви, горечь творческих неудач, страх неизбежной смерти и тяжкая, неутолимая боль от невозвратимой потери близких.

А думал ли я о страдающих людях?

Думал, конечно. Не думать невозможно. Но думал абстрактно. Не болел болью отдельного человека. И не радовался его радостью.

Как хорошо работают моечные машины: взяли с транспортера посуду, в несколько мгновений привели ее в порядок. Сколько раз я любовался их работой. И радовался оттого, что не надо делать это руками, как когда-то. Их конструкторы с любовью думали о людях, которые будут ими пользоваться, оттого эти машины так совершенны. А вот представлял ли я себе наглядно мужчину, женщину, ребенка, которому легко, у которого отдыхают мозг, нервы, мышцы, не занятые скучным делом, чтобы сохранить силы для интересного? Нет, не представлял, это скользило мимо меня. Как верно сказано:

даже управлять моечными машинами нельзя без любви к людям. А уж тем более...

Ну, хорошо, надо, безусловно надо любить современников. А тех, которые отделены от нас столетиями и тысячелетиями прошлого и будущего? Ведь их еще или уже нет.

Неверно, они есть. Человечество — единое целое в своем прошлом, настоящем и будущем. Современники наши — лишь звено в этой неразрывной цепи. В каждое мгновение настоящее превращается в прошлое, а будущее — в настоящее. Мы всегда работаем для будущего — как можно не любить тех, для кого работаешь? Потомки — это мы в будущем.

А те, которые были до нас, — ведь мы их живое продолжение. И неверно, что от них остались только атомы, вошедшие в общий круговорот материи. От них осталась преобразенная ими Земля, весь накопленный объем знаний, произведения искусства и литературы — все, что они сделали, чем мы живем и что продолжаем. Они — это мы в прошлом.

Не любя предков и потомков, невозможно любить современников.

Но разве можно любить целиком все прошлое человечество? Разве можно любить Торквемаду, Петлюру, палачей и садистов — а их так много было!

Нет, конечно, нельзя. Но противоречия никакого нет. Надо любить людей. Но те, кто охотно причиняет страдания другим — не люди.

Далее Мерсье рассказал о том, что пришлось ему пережить после запрещения работать. На своем примере он убедился в том, как тягостна вынужденная праздность. Она ничего общего не имеет с добровольной праздностью ради отдыха. Быть оторванным от всякой работы, да еще на неопределенный, быть может, очень длительный срок! Ничего не может быть страшнее и мучительнее. И только то доброе есть в этом угнетающем состоянии, что оно дало Пьеру возможность и время тщательно размыслить о своем тяжком недуге и хорошо понять его.

Каждый читатель пытался поставить себя на место Мерсье. И тогда ему казалось, что он попал в тесное замкнутое помещение, не ограниченное ни стенами, ни крышей, но из которого тем не менее нет выхода, и даже биться головой о стену нельзя, так как нет стены. А де-ваться тоже некуда.

Но вот работа над книгой кончена. Пьер почувствовал себя опустошенным, погрузился в апатию. До него смутно, как из другого мира, доходили отклики на его исповедь. Словно в полусне, он разговаривал с женой и дочерью, подчас невпопад отвечал им. Анна, прочитав книгу в один присест, прилетела к родителям, возбужденная, полная желаний сейчас же высказаться. Но, увидев отца, сразу поняла, что сейчас не следует говорить с ним об этом.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы такое самочувствие Пьера, если бы не произошло нечто совершенно неожиданное. Его вызвали по теле. В комнате появился Олег Маслаков.

— Пьер Мерсье,— назвал он по имени и фамилии, как было принято при официальных обращениях,— мне необходимо поговорить с тобой.

Председатель Мирового Совета говорил очень сдержанно, но Пьер заметил в его взгляде уже знакомое отечески заботливое выражение.

— Я слушаю тебя,— тихо сказал он.

— Нет, это очень важный разговор. Если можешь, прилети, буду ждать.

Глава шестнадцатая. *ПО ЗНАКОМОЙ ТРАССЕ*

Казалось бы, нынешние средства связи почти совершенны. Человек, находящийся даже на другом земном полушарии, во время разговора как бы присутствует возле тебя, ты видишь его во весь рост, объемно. Правда, не можешь пожать ему руку или обнять его. Но изобретатели работают над передачей осязательных ощущений. Первые опыты уже дали обнадеживающие результаты. Среди электромагнитных волн передатчика выделены такие, которые передают ощущение прикосновения. В приемнике заложены рецепторы, моделирующие кожные осязательные тельца. Прикасаясь к объемному изображению сколь угодно удаленного предмета, вы ощущаете сопротивление. Но пока — и только. Рецепторы еще не дифференцированы настолько, чтобы различать ощущение прикосновения к неодушевленному предмету или к живому телу, к чему-либо твердому или жидкому. Они не различают ни характер, ни силу ощущения и к тому же ненадежны в работе — часто отказывают. Поэтому их еще не вводят в серийные приемники. Но изобретатели

не сомневаются в конечном успехе: они знают, какими младенчески беспомощными были первые шаги телефона, радио, телевидения. Впрочем, теле не всегда могло заметить личное общение.

Но какой же будет разговор?

Пьер всю дорогу думал об этом. Он догадывался... Но гнал прочь неясную догадку, боясь ошибиться.

И вот, опустив плечи, он сидит против Маслакова, смотрит в глубоко запавшие карие глаза.

Время председателя Мирового Совета насыщено до предела. Он не может тратить его на подготовительные фразы. И, стараясь внешне безразличным тоном смягчить впечатление, говорит:

— Пьер Мерсье, ты должен работать.

Пьеру кажется, что он не совсем расслышал. И все же он задает ненужный, пожалуй, вопрос:

— Ты прочел мою книгу?

— Да.

— У тебя для этого нашлось время?

— Я теперь мало читаю. Но эту книгу невозможно не прочесть.

После короткой паузы Пьер спросил:

— Какого мнения другие члены Совета?

— Такого же.

— Но... как отнесутся все люди к такому решению Совета?

— Подавляющее большинство одобрит.

— Откуда ты знаешь?

— Мы знаем общее настроение — иначе каким бы мы были Мировым Советом? Прости меня, Пьер (неофициальное обращение радостно взволновало Мерсье), я так занят. Где ты хотел бы работать?

Не раздумывая, Мерсье ответил:

— Там!

— Думаю, ты прав.

Пьер вышел выпрямившись, словно сбросив тяжкий груз.

Вернувшись домой, он застал жену и рассказал ей о происшедшем. Ольга ни на минуту не усомнилась, что ему следует отправиться *туда*. За какую бы работу он ни взялся на Земле, все его помыслы будут *там*. Здесь, на Земле, теперь никакая работа не даст ему полного удовлетворения. Но... предстоит разлука, неопределенно долгая. И конечно, опасности.

Нет, она вовсе не подумала отговаривать его. Но они так привязаны друг к другу!

Анна прилетела проститься с отцом. Зная ее порывистый характер, Пьер боялся сильных проявлений огорчения из-за предстоящего расставания. Но этого не было. Анна наполнила квартиру быстрыми движениями, веселым, безотчетным смехом, бравурными музыкальными импровизациями.

Но в последние минуты перед расставанием она, несмотря на предостерегающие взгляды матери, упала головой на плечо отца и разразилась рыданиями, бурными, как весенний грозовой ливень перед тем как вспыхнет многоцветная радуга.

Межпланетный корабль стартовал с искусственного спутника Земли. Сюда Пьера и несколько десятков молодых людей доставила ракета промежуточного сообщения.

И вот Пьер и его спутники заняли места в просторной каюте, в креслах, мгновенно принявших формы их тел.

Для путешественников не был знаком вид каюты: они неоднократно проходили тренировку в ее макете. Все прониклось важностью момента: впервые они прощаются с Землей. И как прощаются! На неопределенный срок, может быть, и на очень долгий. А иные — кто знает? — возможно, и навсегда. Все они — энтузиасты освоения Венеры и намерены стать ее постоянными жителями. Когда-нибудь их назовут на Венере старожилками. Но у всех ли хватит выдержки устроить там для себя новую жизнь? Сил и энергии для преодоления трудностей и опасностей наверняка хватит, ведь это все специально отобранные люди, сами решившие в корне изменить свою жизнь. Но преодолеют ли они властное влечение к милой, старой Земле, своей родине? И если справятся с этим влечением, то ценой каких душевных усилий?

Так думал Мерсье о своих спутниках, молча вглядываясь в их лица — в каждое в отдельности.

Уже через минуту с небольшим после старта голубое небо стало угольно-черным. Звезды перестали мерцать, превратились в неподвижные слабые точки. Но их было много больше, чем видно с Земли сквозь толщу атмосферы.

За всеми думами и переживаниями не так уж сильно дало знать о себе ускорение. Вторично пришлось почув-

ствовать его при старте со спутника, когда большая венерианская ракета ринулась в пространство, оставив за собой кратковременный, но мощный огненный след.

Пьер смотрел на покинутую Землю. Огромный зелено-голубой шар — объемный, как в стереоскопе — висит в пространстве. Медленно-медленно поворачивается он. Облака попеременно закрывают различные его части. Звездочкой блеснуло в их разрыве отраженное океаном Солнце. А вот смутные очертания Европы. Еще можно различить центральную ее часть. Пьеру кажется: он видит, как блестят снежные вершины. Вон там, наверно, Альпы, Монблан, Салев. И совсем близко оттуда Женевское озеро. Нет, сколько ни напрягай зрение, озера не различишь. Но каким-то другим, внутренним зрением Пьер видит и побережье, и тот маленький домик... Наверно, в этот момент сидят они там вдвоем — Ольга и Анна. Конечно, Анна в такой час не оставила мать одну. Они говорят о нем... А может быть, не говорят, сидят в молчании, сердцем чувствуя друг друга.

Возможно, в первый раз в жизни он так отчетливо осознал, как ему дороги обе эти оставленные на Земле женщины, такие сходные и так непохожие одна на другую.

И как долго он их не увидит? Кто знает, какие впереди неожиданности?

Людам давно уже трудно представить себе, что значит такая разлука. Самое большее три-четыре часа нужно, чтобы перенестись в любой наиболее отдаленный пункт Земли. И нет такого места на Земле, с которым нельзя было бы связаться по теле.

Но чтобы добраться с Земли на Венеру или обратно, требуется около тридцати земных суток. Пьеру приходилось и значительно дольше путешествовать в космосе, но для подавляющего большинства людей это неслыханно долгий срок пребывания в пути.

К тому же корабли ходят не регулярно, а по мере необходимости. Расписания рейсов еще нет. Если захочешь вернуться на Землю...

Вернуться до окончания грандиозных работ на Венере? О нет, ни при каких условиях!

Связь с Землей по теле впоследствии станет доступна всем. Но сейчас она существует только между Мировым Советом и Штабом Освоения Венеры.

Он полностью оторван от своих близких. Что же, так и должно быть.

Как всегда, не очень приятны были первые минуты невесомости. Но затем непрерывное ускорение создало искусственную тяжесть. Условия жизни на корабле приблизились к земным.

Путь оказался весьма полезным и приятным для молодежи. Как и было намечено, Мерсье знакомил молодых друзей с историей исследования планеты, с данными предварительных экспедиций. Они об этом читали, готовясь к отправлению. Но одно дело читать, даже видеть происходящее на Венере, записанное на пленку, а другое — слушать живой рассказ участника экспедиций. И какого участника! Одного из главных инициаторов и энтузиастов освоения планет. Самого Мерсье — их спутника и отныне — будущего земляка! Не удивительно, что беседы воспринимались слушателями с напряженным и восторженным вниманием. А для Пьера они были источником непрерывной радости. Никогда еще он не общался с людьми с таким ощущением взаимной дружбы. И он подмечал в себе нечто новое: ему не только было приятно делиться знаниями — это-то было всегда, но еще приятнее было следить за тем, как усваиваются знания каждым слушателем в отдельности. Эти молодые люди придут на Венеру, вооруженные не только предварительной полученной ими подготовкой, но и тем, чем он обогатил их в пути.

Прошел положенный срок, и Земля превратилась в обычную звезду, только очень яркую, ровно сияющую в черной бездне... внизу иливерху? Не разберешь. Светло-голубой шар Венеры стал приближаться, увеличиваться с каждым часом, заслоняя соседние звезды. Наконец планета возникла в пространстве таким же объемным, медленно вращающимся шаром, каким раньше была Земля. Только сверкает она много ярче и не видно на ней никаких очертаний поверхности — они скрыты толщей облаков, ослепительно отражающих солнечный свет.

Блеск планеты становился все сильнее, и вот уже она закрыла чуть не полнеба.

Корабль вошел в неимоверно плотную атмосферу Венеры почти по горизонтали. Виток за витком, все более замедляя скорость, обходил он планету. Трение об атмосферу тормозило его. Наконец корабль медленно, плавно стал опускаться. Теперь перегрузка почувствовалась сильнее. Но до нее ли было! Начинался новый, крупнейшей важности этап в жизни каждого из прибывших!

О том, что с последней ракетой прибудет Мерсье, Штабу Освоения Венеры не сообщили: ведь Пьер отправлялся на Венеру как рядовой работник экспедиции.

Увидев прибывшего в его распоряжение Мерсье, дежурный член штаба, которым в эту смену оказался Сергей Костров, в первый момент смутился: он хорошо знал, что и его собственные и других членов штаба знания и опыт ничтожны по сравнению с теми, какими обладал Мерсье.

Вторым чувством Сергея была огромная радость: Пьеру разрешено работать!

И вот Мерсье сидит перед ним и спрашивает, за какую работу взяться. Но разве он, Сергей, должен указывать это? Или кто-нибудь другой? Если уж Мерсье оказался на Венере, то самым подходящим для него было бы стать во главе Штаба Освоения.

Однако Пьер отклонил эту мысль при первом же намеке: после всего, что ему пришлось пережить, он не чувствует себя способным к организационной деятельности. Ему сейчас трудно охватить гигантское предприятие во всем масштабе. Он просит дать ему более ограниченный участок работы.

Сергей до сих пор не встречался с Мерсье, но хорошо знал его по выступлениям. Он видел, как изменился Пьер: не было прежней бурной порывистости, движений, речь стали сдержаннее, ровнее.

— Как обстоит дело с покорением недр? — спросил Мерсье.

— Ты хотел бы по этой части работать?

— Это же моя основная специальность.

— Да. Но там тебе почти нечего делать. Правда, искусственных вулканов придется заложить еще немало, но тут уже все налажено. Вот если б ты был вначале... Когда еще было множество неожиданностей. Но уже и тогда Жан Тэн и Герда Лагерлеф отлично справлялись.

— Еще бы! Мои лучшие ученики!

— Они уже давно не ученики, — сказал Сергей, — сами многих выучили.

Что-то похожее на ревность шевельнулось в душе Мерсье. Ведь это он мог бы... И вместе с тем — радость, гордость за этих молодых людей.

— Хочешь работать на воздухоочистительной станции? — предложил Сергей. — Нужен сотрудник на первую такую станцию.

— Почему бы и нет? — ответил Пьер. — Устройство этих станций входит в план покорения Венеры, разработанный на Земле... при моем участии.

— Тогда ты знаешь, что таких станций постепенно будет построено много.

Мерсье еще не представлял себе наглядно, как выглядят в натуре эти установки, до сих пор они были ему знакомы только по чертежам и макетам. Он нетерпеливо спросил:

— Когда же мне можно туда отправиться?

— Когда хочешь. Но ты бы сначала отдохнул с дороги.

— От чего же отдыхать? — возразил Пьер. — От безделья на Земле плюс безделье в межпланетном корабле?

Сергей пожалел, что невольно затронул болезненное место.

— Ну, пожалуйста. Пилот хоть сейчас доставит тебя.

— Зачем же пилот? Разве я сам не доведу машину?

— Наверно, доведешь, хотя здесь условия, как ты знаешь, не похожи на земные. Но главное — машин у нас мало, самолет надо тотчас же вернуть.

Надев скафандр и простившись с Сергеем, Мерсье вышел из помещения. За время их беседы давящие тучи еще сгустились и низко надвинулись, стало заметно темнее.

Пилот — маленькая худощавая девушка с лицом монгольского типа показалась Пьеру знакомой, но он не стал напрягаться, чтобы вспомнить, где видел ее: уж очень был взволнован ожиданием *первой* работы после того, что пришлось пережить. Он попросил девушку лететь не быстро и не очень высоко: ему хотелось посмотреть, как выглядит сейчас Венера. Но на пути не увидел ничего для себя нового. Такою же наблюдал он эту планету во время прежних экспедиций. Да, здесь предстоит еще очень много дела.

Самолет долго шел невысоко над каменистой то желтовато-бурой, то красноватой пустыней, погруженной в безжизненную тишину: ни птицы, ни зверя. Над головой, в обратную движению самолета сторону, шли густые тучи.

Внимание Пьера привлек ровный гул — сначала слабый, а затем все усиливающийся: очевидно, самолет приближался к источнику шума.

— Что это?

— Это и есть воздухоочистительная станция,— сказала девушка.

Вскоре на горизонте появился ряд широких труб. По мере приближения трубы росли. Они оказались широкими и высокими. Оттуда и шел этот гул; и он все усиливался, наконец превратился в мощный рев. Трубы-башни господствовали над равниной и своими точными геометрическими формами, мощным гулом убедительно говорили о власти человека над слепой природой.

Едва самолет опустился неподалеку от башен, к Пьеру подошел подтянутый, сухощавый молодой человек со смугло-желтым цветом лица и сердечно приветствовал его. Из-за гула разговаривать было трудно, Пьеру с не привычки пришлось сильно напрягать слух.

— Меня зовут Шютиш Дотто,— представился юноша,— я заведующий этой станцией. Очень рад, что ты, Пьер Мерсье, будешь работать со мной. Меня известили, я ждал тебя. Хочешь отдохнуть?

— Мне не от чего отдыхать,— сердито отозвался Мерсье.

— Тогда пойдем, покажу станцию.

Они подошли к башням. Пьер внимательно осмотрел ближайшую. Почти у самого основания к ней были подведены две широкие трубы, устья их входили в ее стену.

Присмотревшись, Мерсье увидел, что башни спарены. Каждая пара стояла поодаль от других, а вверху обе башни соединялись рядом толстых труб.

Вдруг стало тише: башня смолкла. Но другие продолжали гудеть, и разговаривать было трудно.

— Войдем в помещение,— сказал Шютиш.

Вблизи башен стояло на рессорах небольшое строение парусной формы, напомнившее Пьеру постройки на острове, где работала Анна.

Приятно было, войдя в здание и миновав воздушный шлюз, снять скафандр, отдохнуть от рева. Внутренность помещения походила не столько на жилую комнату, сколько на походный шатер, какие Пьеру довелось видеть в Историческом музее: не было привычного земного комфорта, все просто, даже примитивно. Да, собственно говоря, и тут люди в трудном походе — против стихий, с которыми предстоит долгая и тяжелая борьба.

Мерсье охотно принял предложение Шютиша закусить с ним. На Венере, конечно, еще не было автоматической доставки готовой пищи. Поели синтетических консервов.

По аромату и вкусу они показались бы человеку двадцатого века изысканным деликатесом. Но их нужно было достать из шкафа, вскрыть банки старинным консервным ключом, разложить на пленочной посуде одноразового пользования. На Земле уже давно отвыкли от такого приятия.

— Отчего же башни перестали работать,— спросил Пьер,— и вообще, как они устроены?

Шотиш усмехнулся, его белые зубы сверкнули на желтовато-смуглом фоне лица.

— Ты задал только два вопроса, но чтобы ответить на них, надо напомнить весь принцип устройства станции. Но ведь ты участвовал в проектировании... Впрочем, я, конечно, готов рассказать: это приятно, хотя вряд ли скажу что-нибудь новое для тебя.

— Ты забываешь,— возразил Мерсье,— что одному человеку трудно охватить все. Да, я участвовал в разработке плана покорения Венеры, но каждый агрегат проектировали специалисты. Я знаю все только в самых общих чертах.

— Через одну из нижних труб,— начал Шотиш,— в башню подается водный раствор синтетической щелочи, жадно поглощающей углекислый газ. Когда раствора загружено достаточно, приводятся в действие насосы, создающие в башнях глубокий вакуум. И тогда окружающий воздух... или, точнее сказать, атмосфера... с огромной силой устремляется в трубу, тем более что атмосферное давление здесь во много раз выше, чем на Земле. По широким трубам она из первой башни идет в соседнюю. Там, при помощи очень сильного компрессора, охлаждается до минус сорока градусов. Вот из этой башни освобожденные от углекислого газа кислород и азот (его, правда, очень мало) выпускаются обратно в атмосферу.

— Но ведь эта башня герметически закрыта.

— Когда очередная порция атмосферы осушена, работа второй башни, а также подача холода и поступление новых порций атмосферы из первой автоматически прекращаются на тот короткий промежуток времени, который нужен для выпуска освобожденных кислорода и азота.

— А как же отделяется от них углекислый газ?

— Как более тяжелый, он остается внизу, а другие газы...

— Выходят самотеком? — с преувеличенной серьезностью спросил Мерсье.

Шотиш опять улыбнулся:

— Самотеком не пойдут. Наружная атмосфера, содержащая в избытке углекислоту, тяжелее кислорода. Но тут вступает в действие другой компрессор и выгоняет его наружу.

В недалеком будущем появится много таких станций. С каждой новой станцией процесс очистки атмосферы будет ускоряться. И работа в целом пойдет непрерывно.

А останавливается башня автоматически: как только она начинает засасывать снизу влагу сверх определенного максимума, точный измерительный прибор дает команду приспособлению, захлопывающему крышку.

— А почему сейчас остановилась башня?

— В ней израсходовался весь раствор щелочи, он превратился в растворимую угольную соль. Тотчас же командовал прибор, сработал автомат, соль пошла наружу по другой трубе — внизу башни. Этих труб две. По одной уходит соль, по другой подается свежий раствор.

Все спаренные агрегаты работают последовательно — когда останавливается один, продолжают действовать другие.

— В общем, — сказал Пьер, — ясно: работа очистительных станций будет способствовать тому, что атмосфера Венеры по своему составу приблизится к земной. Насчет азота тоже ясно: он будет добываться из азотнокислых солей различных минералов, геологи предварительных экспедиций нашли такие минералы на больших глубинах. Но ты ведь не думаешь, что одни очистительные установки могут в короткий срок довести количество кислорода в атмосфере Венеры до земной нормы?

— А электролиз ювенильных вод? — воскликнул Шотиш. — Мы же их добываем не только для питья и других потребностей. Электролизных установок будет не меньше, чем очистных. Из воды — кислород, водород. Комплекс!

— Итак, — заключил Мерсье, — человек создает на Венере искусственный круговорот веществ. Здесь будет вторая Земля!

Глава восемнадцатая.

АТМОСФЕРА — ДЕЛО РУК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Когда-то на Земле строители крупных плотин, электростанций, заводов, шахт были кочевыми людьми. Кончалась одна стройка, они — кто в одиночку, кто семьями — переезжали на другую, начинали все сначала. Час-

то прибывали на совсем еще не освоенные места, и первый их труд был — создать хотя бы элементарные условия для своей жизни.

Не то же ли самое происходит сейчас на Венере?

Примерно то, да не совсем.

Главное различие не в том, что стройки здесь пограндиознее. На Земле люди и тогда, когда не было нынешних совершенных способов связи, могли общаться с оставленными друзьями и близкими по почте, телефону, телеграфу. У здешних строителей близкие на Земле, и связываться с ними пока почти невозможно. И как ни увлекателен нелегкий и опасный труд покорения планеты, нередко охватывает тоска... Поэтому особенно сильно привязываешься к друзьям, с кем свел совместный труд на очередном строительстве. И особенно грустно с ними расставаться.

А разлучаться с новыми друзьями приходится часто, потому что здесь в первый период освоения то и дело надо менять места работы.

Не так уж трудно оказалось для Мерсье освоиться с новой для него работой: все процессы были автоматизированы. Декада по земному времяисчислению прошла незаметно. А затем Шотишу было дано новое поручение: наладить первый электролизный завод. Пьер остался один управлять механизмами воздухоочистительной установки и связанного с ней химического завода. Оставшись в одиночестве, он сильнее почувствовал тоску по жене и дочери. Так хочется увидеть Ольгу, ее мягкое и вместе энергичное лицо, светлые волосы, голубые глаза, полные улыбочивые губы. Почувствовать на плече ее ласковую, ободряющую руку. Увидеть Анну, услышать ее стремительную походку, ее бурную музыкальную импровизацию. Вся — порыв, ураган мыслей, чувств. Сколько она проявила углубленного внимания к отцу в тяжелое для него время. Правда, она гораздо реже стала бывать у родителей. Но какое это имело значение на Земле? Из любого места в любой момент с каждым человеком там можно разговаривать, видеть его рядом с собой. Пьеру теперь было досадно, что он ни разу как следует не побеседовал с дочерью в те лихорадочные дни, когда, запершись, иступленно работал над книгой.

Мерсье вышел проводить Шотиша. Того ждал уже маленький самолет и пилот — та самая девушка, которая доставила Мерсье на воздухоочистительную станцию.

Часа через два самолет опустился на пустынное плато. Унылый пейзаж оживлялся сводчатым пленочным домом. Из него выбежали четверо молодых людей — новые помощники Шотиша. И ему стало весело. Чуждая планета, все близкие остались на Земле, связи с ними нет, тусклая равнина, мутная толща нескончаемых туч, а люди эти до краев полны радости.

И как не радоваться? Первая из необитаемых планет Солнечной системы уже попала в руки человека, и он творит на ней дела, какие раньше лишь грезились фантастам.

Он видел своих новых друзей в первый раз и вдруг услышал знакомый голос:

— Добрый день, Шотиш!

Перед ним стояла невысокая плотная девушка.

— Герда! Ты здесь?

Удивление его было вполне понятно: он знал Герду как крупного вулканолога.

Герда смутилась.

— Ты считаешь... мне здесь не место?

Шотиш ответил:

— Просто я удивлен. Тут работа очень простая, несложный монтаж. А для руководства работой с вулканами нужны опытные специалисты.

Герда возразила:

— Теперь таких специалистов много. Меня и Жана Тэна направили в другие... в разные места.

Строительство и монтаж электролизного завода в самом деле были сравнительно несложны. Основной агрегат — ванны для электролиза. Они, правда, очень велики и протянулись длинными рядами. На Земле их можно было бы поместить под открытым небом. Но здесь, где пока еще часто бушуют грозы, бури, пришлось возвести над ними длинное невысокое строение, создать в нем нужную температуру, нормальные земной состав и давление воздуха. К зданию подвели невидимые провода от энергетической станции. Проще было бы поместить электролизный завод глубоко под поверхностью планеты, поближе к выявленному здесь скрытому морю. Тогда не пришлось бы тратить такое большое количество энергии на подачу воды вверх. Но на беду именно в этом районе затаялось озеро магмы, угрожавшее серьезными неожиданностями. И на поверхности приходится все время быть начеку. А уж глубоко внизу...

Проводка воды уже подготовлена. Насосы подают ее из глубины в холодильные бассейны, а оттуда в огромные электролизные ванны.

Конечно, и этот завод не может существовать изолированно. Как и все предприятия, он станет составной частью производственного комбината.

Каждая ванна разделена посередине непроницаемой для воды перегородкой. В ваннах раствор, хорошо проводящий ток.

Кислород, выделяющийся на аноде, компрессоры будут выталкивать через высокие трубы в атмосферу. А водород, освобождающийся на катоде, по другим трубам пойдет на химический завод. Туда же по особому трубопроводу сжатый мощными компрессорами газ будет гнать отходы очистки атмосферы — измельченную щелочь со связанной ею углекислотой. С помощью водорода углекислота будет восстанавливаться и послужит сырьем для химического завода.

Итак, очистительная станция связана не только с химическим заводом, но и с электролизной установкой и, конечно, с энергетической. Энергетическая станция дает жизнь этим предприятиям и строительству искусственных вулканов (на первых порах оно пользовалось энергией доставлявшихся с Земли аккумуляторов). Готовые вулканы сами вырабатывают энергию. Позже будет создано, как и на Земле, единое всепланетное высоковольтное кольцо. Вот он, комплекс в действии!

Вскоре монтаж был закончен и новые порции кислорода пошли в атмосферу.

Теперь строители уйдут отсюда туда, куда их направит Штаб Освоения. Здесь никого не останется, завод будет действовать автоматически.

И вот опять надо расставаться. Двойственное чувство владеет Шотишем. Недавно разлучился он с Мерсье, с которым быстро подружился. А тут он успел уже подружиться с помощниками по строительству завода — и опять нужно уходить в разные стороны.

Грустно?

Но его охватывает радостное предчувствие нового, ожидание участия в новых предприятиях по освоению планеты. Даль пространства и даль времени! Все это раскрыто перед ним, раскрыто перед человечеством, которого он неотъемлемая частица. Что-то сулит завтрашний день?

Они сидели друг против друга, сухощавый, но атлетически сложенный Шотиш и русоволосый, светлоглазый, светлолицый Сергей.

— Так как же, Шотиш,— спросил Сергей, ласково коснувшись его руки,— согласен ты со мной?..

— Постой-ка,— перебил Шотиш,— прежде всего я хотел бы знать, почему тебе разрешили...

— Не так уж обязательно мне быть членом Штаба Освоения,— сказал Сергей.— Правда, мне удалось там быть кое-чем полезным. Но масштаб работ растет с каждым днем. Нашлись люди с большими организаторскими способностями.

— Понимаю. Конечно, я заранее согласен. Хотя ты еще не сказал мне, куда зовешь.

— А если и не скажу,— озорным тоном сказал Сергей,— поверишь ты мне на слово, что это особенно интересно?

— Почему же не поверить? Не интересного здесь я не видел.

— А это особенно интересно,— подчеркнул Сергей.— Я должен подобрать себе помощников. Ну, Жан. А он указал еще на тебя.

Уединенная, высоко поднятая скала среди необозримой равнины — будущий остров будущего моря.

Не случайно выбрано это место для нового грандиозного сооружения. По сведениям вулканологов, теперь недра под прилегающим обширным пространством сравнительно спокойны.

Недавно отбушевал здесь искусственный вулкан. Из вскрытого кратера выползла и потянулась по заранее проложенной дороге сверкающая огненная змея. Пар и дым поднялись к облакам. И презрительно, уверенно смотрела на буйство стихий из домика с пультом молодая девушка, управлявшая буром.

Когда подземный котел опустел, геологи проверили прочность породы над ним. Осадка почвы оказалась небольшой. На месте вулкана остался холм из выброшенных им камней и пепла.

Однажды, на заре долгого венерианского дня, к этому месту подошел воздушный корабль.

Заря на Венере не похожа на земную. Светает медленно, на тучах ни малейшего отсвета солнечных лучей: не пробиться им сквозь тяжкую гущину. И все же есть что-то отрадное, бодрящее в медлительной, но неуклонной победе света над долгой ночной тьмой. Над этой пустынной областью не зажигали электрическое солнце, и венерианский рассвет можно было наблюдать во всей его дикой прелести. Сперва чуть-чуть прояснились контуры уже намеченной береговой линии, затем из черноты стали проступать охряные оттенки бесплодных скал — рыжие, светло- и темно-желтые, бурые, оранжевые, красные. Все больше и больше стали они отделяться друг от друга. Даль стала шире, потом необъятной.

Утро было редкое на Венере: спокойное.

Жан, Шотиш и Сергей сошли с корабля и с волнением оглядывали неказистый холм. Здесь возникнет новое звено цепи, в которую земное человечество закует Венеру.

Началась выгрузка. Доставленные детали нового сооружения грандиозны, но довольно просты, и монтаж будет несложным. Предстоит собрать вакуум-насос и башню, очень похожую на башни воздухоочистительной станции, но несравненно большую.

Насос громаден, однако прибывшим он кажется не таким уж колоссальным по сравнению с тем, какой объем работы предстоит ему выполнять.

С выгрузкой спешили: на этой планете все нужно делать быстро, никогда не знаешь, какой сюрприз она может преподнести в любой момент.

Недалеко от холма стоял пленочный домик, в котором раньше находился пульт искусственного вулкана. Возле домика сложили части насоса и трубы. Затем стали собирать насос. Смонтировали трубу. Ее секции и аппаратура были присланы с Земли, а теперь, доставленные сюда, собраны с помощью крана, прибывшего на том же корабле, который привез и людей.

И вот рядом с насосом встала цилиндрическая башня с автоматически захлопывающейся крышкой. Установка готова. Воздушный корабль ушел, увозя большую часть работающих. Скоро домик опустеет. Пока же в нем ненадолго остались только Сергей, Жан и Шотиш. Им предстоит произвести первое испытание установки. Все рассчитано заранее, но уж очень необычен размах этого сооружения.

Тихо в домике. Глубокая тишина вокруг.словно планета, уже неоднократно испытывавшая ломающее стихии

вмешательство человека, замерла в ожидании нового, еще более могущественного вторжения в ее жизнь.

Все узлы агрегата увязаны. Стоит только повернуть пускатель. Потом вся установка будет сама себя регулировать.

У рубильника Шотиш. Можно сидеть. Но он стоит. Так когда-то стояли часовые на посту перед воинским знаменем.

Перед ним на стене часы. Одна за другой вспыхивают и гаснут цифры, отмечающие секунды.

Полминуты осталось до момента, назначенного Штабом Освоения. Теперь в разных местах Венеры, работая или отдыхая, люди застыли в напряженном ожидании. И на Земле, конечно, ждут сообщения...

Последняя секунда!

На экране появилось лицо дежурного члена штаба. Он говорит:

— Напоминаю: будьте осторожны! Ни в коем случае не выходить!

Сделал паузу, подчеркивая значительность предупреждения. Затем:

— Пуск!

Шотиш повернул пускатель.

Тишина.

Но уже заработал вакуум-насос.

Сперва еле слышно, потом громче, затем с оглушительным ревом стал втягиваться атмосферный газ.

Все большие и большие газовые массы вовлекаются в движение. Чем разреженнее становится газ в башне, тем яростнее врывается в нее окружающий. Его замещает газ, присасываемый низким давлением из все более и более дальних мест. Так без конца одни слои газа уступают место другим. Втягиваясь в широкий раструб башни сверху, газ стремительно выходит снизу — башня стоит на твердом, но с большими промежутками основании из плит. Искусственный вихрь будет проноситься над долинами и горами, над уже возникшими на планете сооружениями людей. Он пройдет высоко над ними и не причинит им вреда.

Прибор показывает, что вакуум достиг заданного предела. Ураган ревет как бешеный. В нем многие миллиарды эргов. Противостоять ему невозможно. Если бы человек оказался на его пути...

Разве есть в мире сила, которая могла бы остановить это страшное стремление атмосферных масс?

Конечно есть.

Стоит легким движением повернуть пускатель.

Отключится ток. Насос остановится. Побушевав еще по инерции, умрет ураган. Умолкнет башня.

Но сейчас это не нужно. Пусть перемешивается атмосфера над планетой. Высокие слои атмосферы с нижними. Кислород, выпускаемый людьми в атмосферу, станет равномерно распределяться в ней. Эта башня — огромная мешалка, которою человечество размешивает газовый океан над планетой.

Мягче станет климат Венеры. Очистительные станции уменьшат содержание углекислоты и увеличат процент кислорода в атмосфере. Им помогут электролизные установки. Меньше станет углекислого газа — больше тепла уйдет в мировое пространство. Уменьшится количество облаков, меньше будет атмосферного электричества. Реже и слабее станут грозы.

Трое подходят к прозрачной стене.

Они видят: тучи низко спускаются над серединой острова. Чудовищная тяга мчит их в зев башни. Полета газовых масс, конечно, не видно. Но он почти осязается в сопровождающем его немолчном реве. Как эта буря не подхватит маленький домик?

Все рассчитано. Дом закреплен так, что может выдержать и вдвое сильнейший напор. Он и не шелохнется.

Однако рев уже невозможно переносить. Он страшно бьет по нервам. И Шотиш поворачивает рукоятку, увеличивая звукоизоляцию. Она не может полностью поглотить рев, но все же стало легче.

— Что это? — вскрикнул Шотиш.

Другие увидели одновременно с ним.

В воздухе над побережьем летел какой-то предмет. Самолет? Нет, слишком мал. Не разберешь.

Несомый вихрем, непонятный предмет с огромной силой влетел в разверстый зев трубы, грохнулся о пружинную решетку. Грохота, правда, не слышно: он поглощен ревом искусственного урагана.

На телеэкране показалась девушка из Штаба Освоения. Ее голос, усиленный мощным рупором, едва можно было слышать:

— Вижу дублированные показания ваших приборов. Механизмы работают исправно. Достигнут максимальный вакуум. Колебания его ничтожны. Скорость движения газа тысяча километров в час.

Она исчезла.

Испытатели замкнуты в домике. Выйти нельзя. Они продолжают смотреть сквозь прозрачные стены. Невидимые, но каменно-плотные массы газа за тысячи километров мчатся в башню. Смерчем втягиваются в нее тучи.

Если выйдешь...

Подхватит и унесет вырывающийся из-под башни вихрь.

Три часа отведено на опробование установки. Потом ее работу надо будет временно прервать: за испытателями придет самолет.

Напор несущихся газов так силен, что, несмотря на звукоизоляцию, выдержать три часа очень трудно. Кажется, от мощных звуковых волн, передающихся через стены, потолок и пол дома, вдавливаются внутрь барабанные перепонки.

И, как часто бывает, когда напряженно ждешь чего-нибудь, оно наступает внезапно. Часы отметили: срок испытания кончился.

В то же мгновение на экране появилась девушка из штаба. Она весело сказала:

— Замучились? Останавливайте.

Сергей повернул пускатель.

Прошло несколько долгих минут, пока рев стал ослабевать. Он перешел в ровное гудение и наконец смолк.

Отрадно было услышать полную тишину.

Итак, агрегат отлично выдержал испытание, работает исправно. Отныне он сам будет включаться и выключаться в назначенные сроки. Следить за установкой будут на расстоянии. Тысяча километров не помеха. На экране пульта все видно, приборы непрерывно отмечают скорость движения газовых масс, количество кубических метров газа, проходящих через трубу в каждую секунду. Счетчик будет подытоживать цифры по минутам, часам, суткам. Автоматы станут сигнализировать о каждом изменении режима работы, о малейшей неисправности.

Штаб Освоения уже выработал расписание дней и часов, когда будет перемешиваться атмосфера. Точно определен радиус окружности, внутри которой во время действия искусственного урагана строгойше запрещено находиться и передвигаться кому бы то ни было.

Сергей первым направляется к выходу, друзья — за ним. Лифт мгновенно поднял их к верху башни. С нетерпением заглядывают они на пружинную решетку.

Там ничего нет! Но не обмануло же их зрение!

Вернувшись вниз, Сергей вызвал штаб:

— Какой-то предмет попал на пружину и исчез... Что это может быть?

— Сейчас покажу запись нашего визолокатора. Замедленный показ,— ответила девушка.

На экране в увеличенном виде изображение, отпечатавшееся на ленте. Это громадная коряга. Нижняя часть огромного дерева, вырванного где-то с корнями. Где ее захватил ураган?

— Возможно, где-нибудь в горах вырвал и сломал дерево, не так ли? — предположил Жан.

— Куда же девалась остальная часть дерева? — спросил Сергей.

— Может быть, ее разорвало на куски,— заметил Шотиш.

— Что ж тут думать о другой части,— возразил Жан,— когда эта вот, которую мы дважды видели своими глазами — в натуре и в записи,— исчезла, как будто ее и не было! В пыль, в неощутимую пыль ее стерло, смололо спрессованными, мчащимися слоями воздуха, как чувовищами жерновыми!

Глава двадцатая. **В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ**

Сергея, Жана и Шотиша вызвали в Штаб Освоения Венеры.

Председателем штаба в это время был Ральф Шоу — неторопливый, вдумчивый человек лет пятидесяти.

— Друзья! — сказал он.— Работы по освоению планеты идут полным ходом, но никак нельзя сказать, что мы уже полностью ее изучили. Наши предки медленно изучали родную планету. В середине двадцатого века еще не были исследованы огромные пространства в Южной Америке, Азии. Очень слабо знали Арктику, еще меньше Антарктику. В разных местах земного шара еще находили незнакомые виды животных, а кое-где даже неизвестные племена людей.

О Венере мы знаем уже немало. Нам известны ее атмосфера, состав коры. Есть общая карта поверхности планеты. Большие успехи сделаны в изучении недр. Но тут еще предстоит узнать очень многое.

Растительный мир этой планеты скуден, но своеобразен. Нам пока мало известно о нем. Необходимо изучить его подробнее. Мы даже не знаем, что собой представляют те грибы, по-видимому хищные, ядовитые. Животные

они или растения? А другие животные? На одно из них наткнулись Жан и Панайт. Есть ли еще животные? Только такие же или, может быть, еще иные? В каких условиях они живут? Все это еще надо выяснить.

Преыдушие экспедиции и наша, Большая, взяли уже сотни тысяч проб в разных местах атмосферы и литосферы. Брать и изучать эти пробы надо все время. Тут непрерывная работа для геологов, химиков, бактериологов.

Теперь уже пора браться за более основательное изучение планеты. На первый раз Штаб Освоения решил направить три отраслевые экспедиции, а руководителями их назначить вас троих. Сергей уже проявил организационные способности, а Жан и Шотиш прибыли сюда в первом большом корабле и знают обстановку лучше новичков.

Жан, внимательно слушавший, но в то же время пристально вглядывавшийся в председателя штаба, неожиданно воскликнул:

— Наконец-то я вспомнил, где видел тебя, Ральф Шоу!

Тот удивленно возразил:

— Я-то тебя давно знал, Жан Тэн. Еще с Земли. Видел твои скульптуры. Особенно люблю ту, что украшает Площадь Завоевателей Вселенной в Москве: памятник первым высадившимся на Луну космонавтам. Но мне кажется, мы с тобой еще никогда не встречались.

— Один раз встретились,— заметил Жан,— я стоял у входа в больницу, когда тебя доставили в числе внезапно заболевших. Ты шел странным ритмичным шагом, подпрыгивал и словно ничего перед собой не видел.

— Ну, тогда не удивительно, что я тебя сейчас не узнал,— сказал Шоу.— У меня никакого воспоминания не сохранилось об этом. Я пришел в сознание только через декаду.

Затем он продолжал:

— Штабу известно, что все вы люди смелые, решительные, но я должен предупредить, что вам почти наверняка придется встретиться с большими трудностями и опасностями.

— Мы это знали, отправляясь на Венеру,— спокойно заметил Сергей.— Но мы хотим просить дать нам работу вместе. Мы привыкли друг к другу...

— К сожалению, это не получается,— возразил Шоу.— Итак, каждый из вас получит назначение и должен будет подобрать себе группу. Пусть каждый продумает

мает характер поручения, которое ему дадут, и в зависимости от этого определит состав своей группы. Она должна состоять из двух, трех, самое большее четырех человек, включая руководителя: людей на Венере, сами знаете, еще в обрез.

Он встал:

— Должен проститься с вами, друзья, времени тоже в обрез. Успешной работы!

Шотишу предложили исследовать пещерный лабиринт, случайно обнаруженный Жаном и Панаитом: геофизическая разведка показала, что пещера, куда они попали в результате обвала, состоит из множества ходов и залов. Раз там было обнаружено крупное животное, то можно предполагать наличие в глубинах развитой фауны. Как выяснили еще предшествовавшие экспедиции, в некоторых пустотах планетной коры, изолированных и удаленных от скоплений магмы, температура значительно ниже, чем на поверхности. Правда, кислорода и там ничтожно мало. Но вот именно это и представляло наибольший интерес: как живут и чем питаются там животные? То существо, которое убил Жан, так и не удалось изучить: в суматохе, вызванной тяжелым состоянием Панаита, о нем забыли, а когда спохватились, оно исчезло бесследно. Куда же оно девалось? Уйти оно не могло, так как было мертво. Неужели труп пожрали какие-нибудь животные? Но правдоподобнее казалось другое предположение: эти существа не приспособлены к высокой температуре, господствующей на поверхности планеты. И когда эта температура проникла внутрь пещеры, труп не то что сгорел (сгореть он вряд ли мог при столь малом содержании кислорода), а просто разложился на элементы, испарился, что ли.

Шотишу предоставили небольшой вездеход, оборудованный специально для глубинных исследований. Вместе с машиной прибыл и ее конструктор Платон Исаев, широкоплечий, крепкого сложения человек лет тридцати. Третьим участником группы Шотиша стал спелеолог Василий Тесленко, двадцатипятилетний весельчак.

Задача группы Жана состояла в обследовании огромного леса, начинавшегося в нескольких десятках километров от того места, где находился Штаб Освоения. Было известно, что этот лес тянется на несколько сот километров в длину сравнительно узкой полосой (не больше пяти-

десяти километров в самом широком месте) и труднопроходим. Надо было углубиться в лес как можно дальше, взять пробы атмосферы, пород и вообще узнать о нем по возможности больше.

Подбирая себе группу, Жан прежде всего вспомнил о Герде. Ведь он уже основательно сработался с ней. Но, кроме того, ему и не хотелось лишаться ее общества.

Штаб Освоения прислал для группы Жана юную пару американцев — девушку Эйлин Спрингфилд и негра Джека Айвора. Это действительно была пара, они не скрывали своей счастливой влюбленности. Подружились молодые люди на Земле, еще в детском городе.

Сергею с его группой поручили изучить большой горный массив и найти на нем подходящее место для установки в будущем зональной станции озонирования воздуха. Эта группа должна была отправиться на небольшом самолете. Пилотировал его Карл Холмквист. Сергей, впервые увидев молодого пилота, залюбовался им. Такими Сергей представлял себе древних викингов: широкогрудая, широкоплечая фигура, русые, почти белокурые волосы, глаза синие, как льды Скандинавии, и совсем не ледяная улыбка открытого, дышащего рыцарской отвагой и доброжелательством лица.

Кроме Сергея и Карла в группу вошла альпинистка Милдрэд Шинуэлл, светловолосая и светлоглазая, очень сильная и выносливая.

Поблизости от большого пленочного дома, в котором находился Штаб Освоения Венеры, был построен второй, такой же, только поменьше — подсобное помещение. Впоследствии здесь появятся новые дома, а потом, быть может, и город.

В этом-то небольшом доме в самом начале долгого венерианского дня собрались все три группы. Ральф Шоу пришел их напутствовать.

Сюда было доставлено все необходимое для двух экспедиций: несколько складных переносных пленочных палаток со всем необходимым оборудованием, в том числе портативными кондиционерами, концентрированные пищевые продукты, лекарства и медицинские инструменты для первой помощи, оружие — лучевые пистолеты, аккумуляторные механизмы, приборы, телеаппараты для связи в пределах планеты.

Сквозь прозрачные стены дома видны были окрестности: все та же унылая, ухабистая желтовато-бурая камен-

ная равнина. С одной стороны она замыкалась горным хребтом. Вершины уходили в далекую высь, терялись и словно таяли в тучах, но не было на них снежной белизны, как на высоких земных горах.

Неожиданно дневное освещение изменилось, стало гораздо ярче. Широкая полоса света легла на пол. Подбежав к стене, Эйлин воскликнула:

— Друзья, смотрите!

На небольшом участке небо освободилось от туч. На фоне очень светлой голубизны, казавшейся еще светлее от облегавших ее густых облаков, сверкало большое, раза в полтора больше, чем видимое с Земли, Солнце. Люди мгновенно инстинктивно отвели глаза: так нестерпимо ярко оно было. словно отблеск светила, сияли восхищением их лица при виде этого явления, столь еще редкого на Венере.

Но оно оказалось очень кратковременным. Тучи сомкнулись, надвинулась хмурая муть.

Глава двадцать первая.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОНЧАЮТСЯ ПО-РАЗНОМУ

Шотиш был приятно изумлен: вместо мрачной норы, о которой он слышал от Жана, он увидел расширенный и расчищенный вход, плавно понижающуюся дорогу, коридор, озаренный электрическим светом солнечного спектра.

— Да тут куда уютнее, чем на поверхности! — воскликнул он.

Ему казалось, что Платон уж чересчур осторожно ведет вездеход по этой удобной дороге. Однако не следовало забывать, где они находятся.

С любопытством осматривались глубинные путешественники. Здесь все выглядело по-иному, чем на поверхности. Над головой не было туч. Вместо них очень низкая неровная кровля. Сверху, снизу и с боков скучный бурожелтый, иногда красноватый камень. Порой казалось, что по стенам ползут как будто струйки воды. Но нет, то просто жилые прослойки.

Временами пол коридора вздрагивал, и дрожь передавалась вездеходу. Может быть, это тоже только кажется? Или отголоски дальних сейсмических сотрясений?

А если дальние станут близкими? Если их тут засыплет обвал или зальет внезапно прорвавшейся магмой?

Правда, материал вездехода максимально жаростоек, но за все ручаться невозможно.

Однако ведь эти угрюмые стены прозрачны для лазерного локатора. Он непрестанно прощупывает каменные породы и сверху, и снизу, и с боков на большое расстояние.

А если магма готова прорваться из-за предела досягаемости локатора?

Чувствуя овладевшее друзьями тревожное раздумье, Василий весело воскликнул:

— Смелей, смелей! Я по опыту знаю, что чрево Земли не страшно, а почему же чрево Венеры может быть страшнее?

Логики в этом сравнении не было никакой, но друзья в самом деле оживились: иной раз бодрый тон действует не хуже, чем слова.

На сей раз это оказалось тем более ко времени, что освещенная часть дороги уже кончилась. Машина пошла еще медленнее. Может быть, осторожность ведущего ее Платона была и излишней: машина сама почувствует препятствие, если оно появится, обойдет его или в случае надобности остановится.

Вездеход продолжал идти, прощупывая локатором дорогу и все окружающее. Вот, следуя изгибу коридора, он повернул почти под прямым углом. Отблеск света исчез, вокруг сомкнулась тьма, такая плотная, что, казалось, в нее можно погрузить руку, как в черную жидкость. Включились фары. Их дневной свет резал тьму на длинные густые полосы. Впереди тот же каменистый коридор с неровными стенами, полом и кровлей. Амортизаторы машины не давали почувствовать резкие выбоины и ухабы дороги, машина шла по-прежнему ровно.

Неожиданный человеческий голос заставил вздрогнуть путешественников, но тут же они поняли, что штаб спрашивает, все ли в порядке.

— Все, все,— ответил Шотиш.

Казалось, они едут уже очень долго. На самом деле по часам прошло около сорока минут с того момента, как машина спустилась в расчищенный вход углубления.

Еще несколько поворотов — и она внезапно остановилась.

— Зачем так резко тормозишь? — удивленно спросил Шотиш Платона.

— Не я. Она сама.

Значит, машина почувствовала какое-то препятствие.

Однако сильный свет фар его не показывал. Здесь коридор уходил вдаль почти по прямой линии. На пути не было ничего.

— Напутала твоя машина! — заметил Василий.

— Она не ошибается, — спокойно возразил Платон.

Он стал придвигать все ближе и ближе лучи фар, ощупывая пространство. И вдруг... луч под тупым углом ушел вниз. Машина стояла едва в метре от обрыва.

Путь был разорван на расстоянии не более трех метров. На худой конец машина могла бы перескочить их. Надо ли? Провал, может быть, более интересный объект для исследования, чем продолжение коридора.

Однако как его обследовать? Будь это на Земле, Василий не задумался бы спуститься туда. Но здесь нельзя предпринимать никаких рискованных шагов без разрешения Штаба Освоения. Стало быть, и перепрыгивать через провал тоже не следует.

Шотиш и Василий вышли из машины и осторожно приблизились к провалу. Платон остался в вездеходе для связи со штабом.

— Выключи-ка фары, — попросил Василий.

Наступила непроглядная темнота. Стали вглядываться вниз. Там та же тьма, ничего не видно.

Вдруг Василий зашатался. Шотиш подхватил его и инстинктивно отодвинул от провала. Но тут же почувствовал, что и сам еле держится на ногах. Преодолевая внезапную слабость и затемнение сознания, он втянул Василия в машину. Тягостное ощущение не проходило.

— Мне плохо, — глухо сказал Платон, — не пойму...

— Обратнo! — с трудом выговорил Шотиш и потерял сознание.

Группа Сергея летела над горной местностью в маленьком, хорошо оборудованном исследовательском самолете, снабженном защитным футляром из прочного жаростойкого материала. Вел его Карл Холмквист.

Бросались в глаза резкие, острые очертания. Уступы, нагромождения скал выглядели своеобразной лестницей, ступени которой не соединялись между собой. У самого края равнины возвышался почти правильный ряд невысоких конусообразных скал. Дальше, через несколько десятков метров, еще скалы такой же формы, но гораздо более высокие. И опять ровное место — десятки или сотни метров, а за ними снова скалы, но уже не меньше полу-

километра высотой. И так, чередуясь с ровными участками, шли конусы, каждая гряда выше предшествующей. Вершины самых дальних терялись в облаках.

Карл остановил машину, она повисла неподвижно: лететь дальше было незачем. Вершина каждого конуса представляла собой небольшую скалистую площадку. Оставалось только выбрать достаточно ровную и просторную и не слишком высокую, спуститься на нее и тщательно обследовать.

— Сядем... хотя бы вон на тот конус,— сказал Сергей,— мне кажется, там есть кое-что подходящее.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что задача не так проста. Конусы стояли почти ровными линиями, и не только между самими рядами, но и между возвышениями каждого ряда были большие разрывы. Склоны очень круты. Намеченная было площадка оказалась узкой. Машину на нее кое-как посадить можно, но тогда останется слишком мало свободного места, людям удержаться будет трудно.

— А ведь это вовсе и не страшно, друзья,— сказала Милдрэд.— Здесь нет ни льда, ни снега. Страховать на склонах можно.

Она вопросительно взглянула на Сергея.

Но прежде чем он успел ответить, произошло то, чего всегда можно было ожидать на Венере и что всегда происходило неожиданно.

Внизу, глубоко под почвой, загудело, потом загрохотало, на глазах ошеломленных участников экспедиции один из конусов обвалился, за ним другой... Грохот обвала и подземный гул слились в оглушительный гром. Густое облако пыли, словно дым, поднялось над местом обвала. Карл отвел и немного выше поднял машину. Казалось бы, уже можно было привыкнуть к разгулу стихий на этой планете, и все же люди с изумлением и даже страхом смотрели, как тут же на их глазах меняется пейзаж.

Между двумя еще уцелевшими горными конусами вспучилась бурая поверхность низменности, затем вдруг взорвалась, словно туда попала бомба. Раскрылась воронка, она росла с неопишуемой быстротой и скоро превратилась в кратер, изрыгающий пламя и раскаленные камни.

Карл начал отводить машину. Однако сделать это было непросто. Камни летели во все стороны, красное облако раскаленных газов стремительно расширялось. По-

жалуй, можно было не опасаться, что тысячи градусов охватившего машину огненного облака повредят ее оболочку. Но камни! Если даже один из миллиона летит с силой, способной пробить ее...

Хоть кабина и прозрачна, но видимости нет: машина потонула в пылающем багровом тумане. Это не страшно: приборы видят много лучше человеческого глаза. Страдает слух! Камни градом бьют в корпус машины, и каждый удар болезненно отражается в ушах людей, тяжело бьет по нервам.

Скорей бы выбраться из опасной зоны! Машина сама идет осторожно, автоматически обходя еще уцелевшие горные пики.

Наконец опасное облако осталось позади.

Что там творится! Число конусов заметно уменьшилось. Не один, а несколько кратеров зияют между ними. Вон тот, самый большой, — наверно, «старший», возникший первым. Внизу дым и ослепительное сияние, из кратеров текут огненные реки.

Доживут ли остальные конусы хотя бы до завтра?

— Жаль, — сказала Милдрэд, — так и не довелось...

— Не жалея, — возразил Сергей, — еще доведется и не раз. Только, пожалуй, не здесь...

Как бы в подтверждение его слов еще два конуса обрушились, грохоча. Пурпуровое облако раскаленных газов все расширялось. Но машина была уже за пределами его досягаемости и продолжала уходить, заметно ускорив движение.

А грохот продолжался. Вдруг раздался один короткий страшный удар. И тотчас же повторился с еще большей силой, а затем удары слились в непрерывный грохот. И, как ни странно, чем дальше машина уходила от нового естественного вулканического очага, тем грохот раздавался все сильнее.

Мгновенно вспыхнувший мертвенно-бледный и в то же время ослепительный блеск разъяснил, в чем дело: началась гроза. Блеск не слабел, молнии загорались одна за другой без перерывов, и беспрерывно грохотал гром, куда более грозный в этой плотной атмосфере, чем в земной. Облака нависли еще ниже, самолет шел уже в их гуще и весь был окутан дрожащим, неугасающим фиолетовым светом, словно плыл в море огня, смешанного с густым туманом. Сергей поглядел на своих спутников. Они реагировали по-разному. Карл сосредоточенно следил за навигационными приборами, за автоштурманом, поклады-

вающим на карте трассу движения машины, за приемником маячного луча. Девушка тоже молчала, но тревожно озиралась. В первый раз в жизни она попала в такую переделку. Подземная и атмосферная стихии объединились, чтобы дать потрясающий спектакль.

Все-таки звукоизоляция помогала, в какой-то мере она смягчала грохот. Перекрикивая его, Сергей обратился к Милдрэд:

— Не забывай, что электромагнитное поле надежно защищает машину от молний.

Но и самому Сергею было жутковато: одно дело — трезвое понимание происходящего, а другое — его эмоциональное восприятие. Картина была такая, что могла бы вывести из равновесия самого твердого человека.

Настроение у Сергея, как и у обоих его спутников, было далеко не блестящее: их группе так и не пришлось выполнить задание. Местность оказалась явно не подходящей для станции озонирования. Здесь не только разыгрались бешеные вулканические силы, но, возможно, не осталось ни одной из вершин, которые они ранее вытолкнули на поверхность.

В течение следующего земного дня от Жана поступали в штаб успокоительные сообщения.

И вдруг на третий день прозвучал тревожный звонок, на экране показался Жан. Лицо его было так страшно, что дежурная радистка сразу поняла: произошло несчастье. И только спросила сдавленным голосом:

— Кто?

— Герда. Срочно самолет, ее надо в больницу, и лучшего хирурга.

Что же произошло в лесу?

Едва группа Жана отошла на несколько шагов от опушки в глубь леса, как сразу же убедилась, что дальше пути нет: деревья стояли почти сплошной стеной. Стволы были идеально прямые, почти все одинаковой толщины и высоты — примерно полметра в обхвате, высотой метров тридцать.

Как ни трудно давалось продвижение вперед, никто и не подумал об отступлении. У лесных путешественников были круглые аккумуляторные алмазные пилы. Даже они с трудом прорезали стальной твердости корку, покрывающую стволы. С древесиной, хотя тоже очень твердой, было уже куда легче, но от корки пилы быстро тупились.

— Если так будет дальше, то хватит ли у нас алмазных насадок да и аккумуляторов? — забеспокоился Джек.

— Думаю, хватит, — отозвался Жан. — А не хватит — тоже не беда, кто-нибудь по готовому проходу вернется в дом за добавочными, не так ли?

Прошло несколько часов прежде чем удалось заметно углубиться в лес.

Станный и жуткий то был лес: беззвучный, безжизненный, мрачный. Куда ни глянешь, все те же зеленоватые столбообразные деревья, с редкими, причудливо изогнутыми ветками, покрытые прозрачной коркой. Ни куста, ни травы, ни опавшей листвы (да и откуда ей взяться?), под ногами не почва, а камень или слежавшийся твердый крупный песок. Ни звука, ни движения. Ни птицы, ни насекомого. Под деревьями — ни муравьиных куч, ни каких-нибудь нор. Ни тропинок. Сами деревья казались неживыми. Через несколько часов путешественники почувствовали сильнейшую усталость: удручающе действовали однообразие всего окружающего и вынужденная медленность продвижения. Решили сделать привал.

Раскинули герметическую палатку. В ней, как и в пленных домах, были нормальные атмосферные условия. Тесно, но уютно. Закусили. Усталость быстро прошла.

Отдохнув, группа Жана продолжила движение в глубь леса. Опять непрестанная, упорная борьба с деревьями. С оглушительным треском валится перепиленный ствол. Нужна большая осторожность, чтобы какое-нибудь дерево не обрушилось на людей. Но недаром же Штаб Освоения включил в группу Эйлин и Джека, которые прошли специальную подготовку. Они инструктируют также Герду и Жана с веселым смехом, с ласковой доброжелательностью, вносят большое оживление. А Эйлин к тому же и врач, в экспедиции это может быть полезным.

Жан внимательно оглядывался: не встретятся ли опять хищные грибы. Но их нигде не было видно.

Во время следующей паузы в походе (из-за трудности продвижения по лесу отдыхать приходилось чаще, чем хотелось бы) едва все вошли в палатку, как ослепительно сверкнула молния и одновременно с ней грянул гром — без раскатов, без треска, один сконцентрированный удар. Жан почувствовал такую сильную боль в плече, что не удержался от стога и упал на колени.

Он оглянулся. Ближайший угол палатки был смят и прижат к полу. Ясно: сраженное молнией дерево обру-

шилось на палатку. Но прочная упругая ткань не разорвалась. Она и не распрямилась: этому, очевидно, мешало лежавшее на ней дерево.

К Жану подбежала Эйлин и притронулась к ушибленному плечу — очень осторожно, но он вскрикнул от боли. Эйлин растегнула его одежду и стала ощупывать плечо. Жан изо всех сил сдерживался, чтобы не застонать. Хорошенькое личико Эйлин нахмурилось. Придерживая левой рукой плечо Жана, она сильно потянула своей правой его руку. Жан опять вскрикнул, но тотчас же почувствовал облегчение.

— Ну вот и все,— звонко сказала Эйлин, и веселая улыбка вернулась на ее лицо.— Я боялась перелома, но, оказывается, простой вывих.

Джек с восхищением смотрел на свою подругу. Жан уже улыбался.

Гроза между тем продолжалась. Однако на этот раз она была не такой сильной. Не было обычного чудовищного буйства. Молнии метались в тучах, но не ударили в поверхность планеты, даже в деревья не били.

И все же исследователи были глубоко огорчены: только, собственно, начали работу... Правда, и в палатке страшновато пережидать грозу. Но есть строжайшее распоряжение штаба: во время грозы ни в коем случае не находиться под открытым небом, тем более в лесу. Палатку от ударов молнии охраняет электромагнитное поле.

Гроза прекратилась только через четыре часа.

Зато теперь судьба, видно, решила побаловать путешественников. Едва они пробились в чащу еще метров на тридцать, как деревья расступились. Перед ними была неширокая, но длинная поляна, подобие просеки, протянувшейся метров на сто по направлению их движения. Поляна так четко отделялась со всех сторон от окружающего леса, что казалась искусственной.

— А может быть,— высказала предположение Эйлин,— когда-то на Венере обитали разумные существа...

— Разве ты, собираясь сюда, не знакомилась с историей планеты? — улыбаясь, спросил Жан.

— Знакомилась, конечно,— ответила девушка,— ну, а вдруг не все еще точно известно, что было миллионы лет назад...

— И ты думаешь, вырубка с тех пор не могла вырасти?

Тут Эйлин от души расхохоталась:

— А правда, как я не сообразила?

— Во всяком случае,— заметил Жан,— не мешает обследовать эту поляну.

Памятуя о возможных неожиданностях, он вооружился лучевым пистолетом и, предложив друзьям подождать его на месте, медленно обошел поляну по периметру, тщательно разглядывая все вокруг и под ногами. Везде все те же одинаковые, покрытые зеленоватой коркой стволы.

Осмотрев всю просеку и не найдя на ней ничего примечательного, Жан предложил идти дальше. Опять началась надоевшая борьба с деревьями — они были все такие же, ничто не менялось.

Скоро деревья снова расступились. Жан по-прежнему шел впереди, вооруженный. Шли опять довольно быстро, так как никаких помех в пути не было. Казалось, экспедиция, если ничего выдающегося и не обнаружит, то по крайней мере закончится благополучно.

Но кто поручится за бешеную планету?

На этот раз гроза налетела так внезапно, что застигнутая ею горсточка людей была оглушена громом и ослеплена молниями прежде, чем осознала, что происходит. Раскинуть затем палатку было делом нескольких минут. Джек и Эйлин быстро вошли поодиночке в узкую дверь воздушного шлюза. Герда и Жан следовали за ними. Вдруг глаза Жана сомкнулись от мгновенного резкого блеска, грохот сотряс весь мир, и, как только он стих, раздался крик, такой мучительный, что Жан стремительно обернулся. Герда лежала лицом вверх. Жан бросился к ней. В то же мгновение из шлюзового тамбура выбежала еще не успевшая снять скафандр Эйлин и, не обращая внимания на бушевавшую грозу, подбежала к Герде. Они увидели, что сбитое молнией дерево лежит на вытянутой руке девушки.

— Опять дерево! Опять рука! — в ужасе воскликнул Жан.

Вместе с Эйлин он попытался освободить руку Герды, но это оказалось им не под силу. Из шлюза выбежал Джек — он тоже еще был в скафандре. Общими усилиями удалось оттащить тяжелый ствол. Теперь наконец стало возможно внимательно осмотреть Герду. При блеске ежесекундно вспыхивающих молний лицо ее казалось совершенно мертвым. Или оно в самом деле было таким? А рука...

Увидев эту руку, Жан инстинктивно бросил взгляд в сторону врача, которому сейчас должна была принадлежать главная роль. Выдержит ли это зрелище юная де-

вушка, не выйдет ли из строя пусть кратковременно, но, может быть, тут секунды решают...

Однако Эйлин, по-видимому, сохраняла полное хладнокровие, хотя лицо ее было такое же бледное и неподвижное, как у Герды.

Руки, собственно, не было. Была совершенно разможенная масса — от плеча до кончиков пальцев.

Жива ли Герда?

— Здесь мы ничего не сделаем,— быстро, в паузе между громами, проговорила Эйлин,— в палатку...

Неподвижное тело Герды оказалось очень тяжелым. Втроем бережно приподняли ее, внесли в тамбур, затем в палатку и положили прямо на пол, так как еще не успели выдвинуть складные койки. Быстро освободили Герду от скафандра и сбросили свои.

Джек и Жан расступились, давая место Эйлин. Став на колени, она крепко сжала пальцами с обеих сторон уцелевшую часть плеча и коротко сказала:

— Жгут!

Полосы эластичной пленки, служившие для самых разнообразных надобностей, всегда были под рукой. Жан тотчас подал ей одну. Она умело, быстро наложила тугой жгут. Кровотечение постепенно прекратилось.

— Все же много крови потеряно,— сказала Эйлин, внимательно осматривая Герду.

— Она жива? — спросил Жан таким голосом, словно ему сжимали горло.

— Жива. Но положение очень тяжелое. Вызови самолет.

Голос Эйлин звучал властно. Жан с удивлением и восхищением смотрел на эту маленькую девушку. Она сразу повзрослела.

Пока Жан связывался со штабом, Джек установил койку. В это же время Эйлин сделала Герде впрыскивание, дезинфицирующее, обезболивающее и усыпляющее.

Герда слабо простонала. Жан стремительно нагнулся к ней.

— Она стонет сквозь сон,— сказала Эйлин.— Теперь уложите ее на койку.

Пока Жан и Джек очень бережно выполняли распоряжение врача, Эйлин готовила материал для перевязки.

— Нам удалось устранить непосредственную опасность для жизни,— сказала Эйлин.

— Что же теперь нужно делать? — спросил Жан вполголоса.

— Очень многое,— так же тихо ответила Эйлин, заканчивая перевязку.— Во-первых, переливание крови, во-вторых, ампутация руки. А затем длительное лечение...

— Ампутация! — горестно воскликнул Жан.— Значит, она навсегда инвалид!

Эйлин пристально взглянула на него и, чуточку помедлив, сказала:

— Не обязательно.

Глава двадцать вторая. *НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ*

На очередном заседании Мирового Совета подводились итоги пережитого и сделанного на Венере в последнее время. Большинство населения Земли во время заседаний Совета сидело возле телеаппаратов. Остальные могли в любое время просмотреть и прослушать запись.

Смотрели и слушали эту передачу и на Венере, в помещении Штаба Освоения. Другие помещения еще не имели непосредственной связи с Землей, но штаб транслировал передачу оттуда.

Мерсье был, конечно, в числе зрителей и слушателей. Как он смотрел, как слушал! Да, он рядовой участник освоения, но это его идеи воплощаются в жизнь!

— Послушаем,— сказал Маслаков,— что могут сказать ученые-специалисты о загадках, которые Венера заставляет разгадывать.

Ну, о растительности вы уже знаете. Собственно, никаких растений, кроме некоторых видов деревьев, на Венере до сих пор не обнаружено. И не удивительно. С тех пор как советская межпланетная станция впервые совершила мягкую посадку на Венеру, стало ясно, что там не может быть растительной и животной жизни в привычных нам формах.

Эти деревья известны были уже и прежним экспедициям. Группа Жана, обследовавшая лес, больше не нашла в нем ни растений, ни животных. Что же касается хищных грибов, обнаруженных ранее, то о них разговор впереди.

Деревья Венеры только потому могут выдержать невероятно высокую температуру, что покрыты исключительно прочной защитной коркой. Листьев у них нет. Зеленоватый цвет стволов и ветвей говорит о том, что фотосинтез все же происходит. Но в испарении влаги эти

деревья не нуждаются. Наоборот, им важно добыть и сохранить ее как можно больше. Откуда же они ее берут?

Экспедиция Жана не могла заняться изучением корневой системы этих деревьев. Но кое-что выяснили предыдущие экспедиции. Необычайно разветвленные корни уходят в совершенно невероятную глубину, в дальнейшем еще предстоит исследовать их до конца. Корни высасывают глубоко скрытые подземные воды. Есть предположение, что на своих крайних окончаниях они имеют сильные пневматические устройства, позволяющие высасывать даже ту воду, до которой они непосредственно не доходят, доставать ее на значительном расстоянии.

О животных же сейчас расскажет биолог Жанна Родионова.

Сидевшая за круглым столом вместе с другими учеными и членами Мирового Совета молодая женщина встала. Вся она была словно матовая: неяркий цвет кожи лица, открытой шеи, рук, пепельно-серые волосы и глаза. И одежда под стать: гладкая, темно-серая, без украшений. Но голос неожиданно звучный, свежий, богатый интонациями.

При виде Жанны Мерсье удвоил внимание: она славилась своими смелыми, подчас парадоксальными гипотезами и выводами. А где еще эта ее черта может оказаться более уместной, чем при обсуждении наблюдений, сделанных на планете, уже поставившей в тупик многих исследователей своими необычайными загадками?

— Начну с грибов, — сказала Жанна. — Животные они или растения? Вопрос-то этот в общем чисто теоретический. Я бы причислила их скорее к животным. Дело не в форме, а в их сущности. Они произвольно передвигаются, охотятся. Правда, и на Земле есть хищные растения. Но они неподвижны. Правда и то, что мы еще не знаем, как эти грибы размножаются.

А вот на кого они охотятся? Они напали на Жана. Но ведь не людьми же они питаются. Прежние экспедиции не встречали этих грибов. Да и теперь они только раз встретились. По-видимому, их вообще немного, наверно потому, что и пищи для них мало.

Но какова же все-таки эта пища? Вряд ли растительная — ведь они хищники. Да и какими растениями они могли бы питаться? Деревьями, что ли, покрытыми такой твердой коркой, которую с трудом прорезают алмазные пилы? Значит, животными? А какие там есть животные? За все время попало на глаза только одно, кото-

рое гипнотизировало Жана и Панаита в подземелье. Но раз есть одно, должны быть и другие. Может быть, и не такие крупные — с такими грибам, пожалуй, и не справиться.

Но тогда возникает новый вопрос: а те животные, чем же они могут питаться? Если и они хищные, то на какой-то более низкой ступени должны быть и питающиеся растениями. И где? Очевидно, только в глубинах. А там никаких растений, наверно, не может быть. Разве со временем мы их там станем разводить при искусственном освещении. Но со временем — пока не скажу каким — мы и на поверхности планеты создадим такие условия, что там смогут жить и растения, и животные, и в первую очередь люди без скафандров.

И наконец, чем дышат животные? Ведь и в глубинах не больше кислорода, чем в атмосфере над поверхностью планеты.

Но давайте пофантазируем.

Они не питаются и не дышат.

Мерсье напряг внимание. Если б это говорил кто другой... Но Жанна, при всей парадоксальности своих предположений, умела логически обосновывать их.

Она продолжала:

— Вспомним, что и в атмосфере Венеры найдены многочисленные микроорганизмы, приспособившиеся к очень высокой температуре. Чем они живут? Они разлагают углекислоту на углерод и кислород, а также используют имеющийся в атмосфере в небольшом количестве азот. Этих газов им достаточно для жизни и размножения.

Может быть, низшее звено живущих в подземельях животных — те, которые соответствуют земным травоядным, — пользуется такими же микробами. Симбиоз. Эти микробы, живя в теле животных, не только сами усваивают продукты разлагаемой ими атмосферы, но и снабжают ими животных. Правда, на Земле животные белки состоят не только из углерода, кислорода и азота, в их состав входят еще водород, сера, иногда также фосфор и железо. Мы не знаем, откуда эти животные берут водород, серу. Но может быть, и ниоткуда не берут. Почему мы должны предполагать, что венерианские организмы непременно живут и развиваются по той же схеме, что и земные? Быть может, у них совсем иной химизм? Может быть, у них вовсе нет ни сердца, ни легких, ни органов кровообращения и пищеварения и они совсем иначе, чем

земные, усваивают нужные им вещества, производимые для них микробами? Иначе и размножаются?

Впрочем, и на Земле можно найти аналогию таким предполагаемым животным. Имею в виду глистов. Может быть, эти венерианские животные, так сказать, паразиты наоборот? То есть паразитируют на живущих в них микробах.

Если же это симбиоз, то он предполагает взаимную пользу. Но мне пока неясно, чем эти животные могут быть полезными работающим на них микробам.

Вот такие соображения я хотела высказать относительно животных, соответствующих земным травоядным по тому месту, которое они занимают в этой лестнице. А те, которые ими питаются, возможно, ближе к земным по своему устройству. Их способность гипнотизировать, наверно, служит им средством нападения. Экспедицию группы Шотиша прервало, возможно, такое же животное, какое обнаружили Жан и Панаит. Вы знаете, что, уже теряя сознание, Платон дал команду вездеходу повторить пройденный путь в обратном направлении задним ходом. Только когда он выбрался на поверхность, действие гипноза прекратилось. Так что можно предположить, что животное их преследовало.

На этом Жанна закончила.

Затем опять встал Маслаков:

— Вы все уже знаете, что случилось с Панайтом. Записанная на пленку его речь была передана на Землю и заложена в переводную машину. Но машина не произнесла ни звука: в ее памяти такого языка не оказалось. Тогда пленку вложили в историко-лингвистическую машину, и она дала заключение: это наречие маленького племени индейцев, обитавшего в лесах Амазонки и окончательно вымершего около четырехсот лет назад. Машина и перевела запись, но полученный текст не представляет ничего интересного — бессвязные фразы. Теперь еще предстоит выяснить, почему Панаит заговорил на этом языке, а главное — как его вылечить. Его учат французскому. Он уже удовлетворительно овладел этим языком. Но ничего не помнит из своей прежней жизни до того момента, как случилась травма. Да и не только из своей: он лишился всех знаний о мире и сейчас начинает их воспринимать заново. Но это страшно затрудняется тем, что утеряны все прошлые ассоциации.

Ну вот пока и все, что мы могли сообщить человечеству о делах Большой Экспедиции. Прибавлю еще, что

состояние Герды Лагерлеф тяжелое, но есть кое-какие надежды.

И опять Пьер как бы заново пережил все, что мучило и волновало его до сих пор, все, кроме вынужденного безделья, которое окончательно ушло в прошлое.

Воронка, похоронившая первый дом и девятерых молодых людей. О, он теперь по-новому переживал их гибель — сильнее, страшнее. То зрелище ожило в нем со всей ужасающей силой.

А Герда, а Панаит! Что будет с ними? Станут ли они вновь когда-нибудь полноценными работниками?

И порой Пьер с удивлением ловил себя на том, что тягостные размышления об участи этих двух молодых людей вытесняют из его сознания мысли о дальнейшей работе по обузданию Венеры.

Глава двадцать третья. **ПЛАНТАЦИЯ**

Первый электролизный завод Венеры работает. Последним уйдет из него Пьер Мерсье. Как и другие технические сооружения, завод будет действовать автоматически и контролироваться с центрального пункта Штаба Освоения.

Итак, ожидается новое назначение.

Пьер один. Медленно прохаживается он вдоль бесконечно длинного коридора, где рядами стоят электролизные ванны. Завод работает бесшумно. Ровными струями, с еле слышным журчанием вливается по широким трубам в ванны вода. Кислород уходит в атмосферу, водород отводится по трубам на химический завод. Всего этого, конечно, не видно, и все же здесь как-то острее чувствуешь процесс созидания новой атмосферы.

Наслаждаясь этим гордым сознанием власти человека над природой, Пьер в то же время был погружен в свои переживания. За время монтажа установки он отвлекся от них, теперь они нахлынули с новой силой. Острота разлуки с близкими как будто притупилась за это время... Но нет! Он думал о том, что не увидит Ольгу и Анну очень долго... кто знает... может быть, никогда!

Конечно, все может измениться, но пока еще люди не бессмертны, хотя длительность жизни за последние два века намного возросла.

Когда человечество прочно овладеет межпланетной телевязью, можно будет видеть отдаленных расстоянием в десятки миллионов километров рядом с собой, слышать их и, возможно, ощущать их прикосновение. Пусть даже диалог будет происходить с паузами в несколько минут.

Но как ни больно быть оторванным от жены и дочери, Пьер все же не чувствует себя одиноким. Плечом к плечу чувствует он рядом с собой людей, сотружеников, чьими мыслями и чувствами живет, как своими.

Пожалуй, так, по-новому он ощутил свою близость к людям с того момента, как вошел в межпланетный корабль, доставивший его в последний раз на Венеру. Потом работа, Шотиш...

С кем ему предстоит работать теперь?

Монтаж в нынешних условиях — дело несложное, он им овладел. Но сейчас ему предложили совсем другую работу. Правда, начать надо опять с монтажа, однако он на этот раз еще проще. Новая работа тоже интересная: это первая на Венере плантация хлореллы.

Уже знакомая девушка с узкими, косо поставленными глазами — пилот Штаба Освоения — должна была доставить его в местность недалеко от Северного полюса. На Земле в тот период, когда он был особенно увлечен идеей освоения планет как один из инициаторов и организаторов этого дела, вряд ли заинтересовался бы он лично и судьбой этой скромной девушки.

Сейчас он внимательно присмотрелся к ней, разговорился. На Земле она оставила родителей, брата и... девушка замаялась... еще одного человека.

— И ты принесла в жертву свое чувство ради освоения Венеры? — спросил Пьер.

Она потупилась:

— Нет, я не героиня... но... словом, мне показалось, что я ему не так нужна, как он мне...

— Показалось? А может быть, ты ошиблась?

— Собственно, я в этом уверена.

Она встряхнула головой.

— Он очень хороший. Ну что ж! Не всегда так складывается, как хочешь. Зато я здесь!

Пьер с новой силой почувствовал: нет, он не одинок. Надо только всегда ощущать людей возле себя. Его спутница тоже перенесла горе. Может быть, не такое ужасное, как он... Впрочем, кто может сказать это с уверенностью? Каждый переживает горе, как и радость, по-своему. Да и

разве не несчастье — неудача в серьезной любви? А по-видимому, здесь именно серьезная.

И тут по какой-то неясной ему ассоциации он вновь вспомнил о Герде. Собственно, он ни на минуту не забывал о своей любимой ученице с того момента, как узнал о приключившейся с нею беде. Это тревожило бы его и в том случае, если бы произошло до его собственной трагедии, но теперь Мерсье еще сильнее переживал ее боль. Может быть, физической боли у нее уже нет. Но остается душевная: Герда — инвалид. Разумеется, работа для нее всегда найдется, любая, интересная. Но на Венере ей делать больше нечего. Здесь нужны люди полностью трудоспособные.

Чем дальше, тем все с большими удобствами устраивались люди на Венере. Теперь уже, прежде чем доставить к хлорелловой плантации ее строителей (они же будущие ее работники), для них и рабочих химического завода приготовили хороший дом почти с полным земным комфортом.

Когда Пьер прибыл на новое место, наступила длинная венерианская ночь. Вспыхнуло электрическое солнце и залило сиянием поверхность планеты.

Ночной свет был много приятнее мрачного дневного венерианского света. Ночь определенно повышала настроение, хотя, если взглянуть вверх, ни звезд, ни луны (да у Венеры ее и нет), только тяжело плывущие облака без малейшего намека на проблеск.

Вблизи жилого дома предстояло возвести строение для плантации. На первых порах хлореллу приходится разводить в закрытом помещении: наружная температура слишком высока, да и без прямого света днем фотосинтез будет идти слишком медленно.

Двое юношей и одна девушка — новые помощники Пьера — встретили его при посадке. Девушка-пилот отправилась обратно в штаб. Пьер простился с ней сочувственным взглядом.

После обеда и короткого отдыха приступили к постройке производственного корпуса. Когда он был закончен, внутри здания зажгли электрическое солнце, подобное тем, которые уже озаряли венерианские ночи, только соответственно поменьше и послабее. Затем установили бассейны. В каждый из них по одним трубам накачивается глубинная вода, по другим сжатым газом подаются питательные соли с химического завода. В бассейны заложил

ли доставленные с Земли колонии хлореллы — зеленые клетки размерами в 5—20 микрон.

Что собой представляют эти горсточки растительного вещества в масштабе планеты?

Однако, зная их неукротимую жизненную силу, нельзя было сомневаться, что они разрастутся быстро и, если их пересадят в будущие венерианские моря, покроют огромные водные пространства изумрудными коврами, станут одним из мощных средств преобразования планетной природы.

Пока же хлорелла должна размножаться в этих бассейнах, внутри помещения, в котором созданы обычный состав земной атмосферы и нормальное давление. В водном растворе поддерживается оптимальная для этой водоросли температура +25° Цельсия.

Очень немного времени прошло, и уже поверхность воды в бассейне покрылась зеленой корочкой. В искусственном свете солнечного спектра эта зелень выглядела празднично, нарядно. Она не была неподвижна. Легкие лопасти с едва слышным шумом перемешивали раствор, он пузырился и пенился, одни скопления водорослей погружались вглубь, другие всплывали, и все поочередно получали нужную им порцию света. Автомат продувал раствор, подавая углекислый газ. Хлорелла поглощала его и выделяла кислород.

Газовый анализатор выделял накапливающийся в воздухе помещения кислород и подавал его по трубам компрессорами наружу. Земная хлорелла уже начала обогащать атмосферу Венеры кислородом. В каком количестве? Капля в море. Но это лишь начало. Плантаций будет много. А пока здесь, в бассейне, можно, подолгу не меняя раствора, ежедневно снимать урожай хлореллы для синтеза пищи.

К концу венерианской ночи плантация работала полным ходом. Из новых друзей Пьера на ней остался один юноша. Основную часть работы выполняют автоматы: снимают урожай, подают его в пневматические трубы, идущие на химический завод, выпускают наружу кислород, засасывают оттуда атмосферу, изобилующую углекислотой.

Но уже не так одиноко, не так оторванно чувствует себя остающийся здесь: теле связывает его с основными пунктами человеческой деятельности на Венере, несколько раз в день передают из штаба важнейшие известия о жизни на Земле и на Венере.

Глава двадцать четвертая.
СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

После того как срочно вызванный Жаном самолет унес Герду в больницу, оставшиеся друзья с глубокой тревогой думали о ней, и Жан, пожалуй, больше других. Самое страшное не боль, с ней врачи умело справляются. Но душевные муки! Остаться без руки! Правда, Эйлин о чем-то смутно намекнула тогда. Может быть, она просто хотела утешить? Юный врач больше не говорила об этом, на вопросы отвечала уклончиво.

Несмотря на происшедшее несчастье, группа решила продолжить продвижение. Сообщили об этом штабу. Оттуда ответили, что, если они не чувствуют себя выбитыми из колеи, пусть продвигаются дальше.

Люди с трудом приспособлялись к длинным венерианским суткам. Правда, им это давалось легче, чем давалось бы людям прежних веков: режим сна и бодрствования был иной, так как, благодаря новым достижениям химии, физиологии и медицины, ежедневный восстановительный сон отнимал сравнительно немного времени. Но все же не так уж просто было вносить в венерианские сутки земной ритм. Разумеется, он соблюдался и в путешествии. Оно могло происходить только в том полушарии, где в это время был день: электрические солнца зажигали только в обжитых местах.

В течение длинного дня приходилось через определенные промежутки времени делать привалы для сна.

Вот и очередной привал. Уснули. Вернее, забылись. Жан часто просыпался.

Что это, показалось ему? Гул. Очень отдаленный. В этом глухом безмолвии он заставил вздрогнуть, насторожиться.

Гул приближается, усиливается.

Все вскочили.

Гул перешел в рев. Раздался громовой удар.

Жан даже вздохнул облегченно: опять гроза. Все-таки нечто уже привычное.

Нет. Рев словно из-под ног идет. Вот когда стало по-настоящему страшно. В глубине леса, вдали от людей, поверхность планеты бушевала, словно океан. Она ходила ходуном, под палаткой пробегали волны, она вздымалась на них и опускалась.

А самое тяжелое — то, что сделать ничего нельзя. Сиди и жди, пока, чего доброго, поглотит разверзшаяся

трещина или завалят деревья. Слышно, как они трещат и падают.

Сообщать в штаб не стоит. Что они сделают?

Остается переждать.

Землетрясение продолжалось и, кажется, усиливалось. А что, если здесь лопнет кора планеты и вырвется лава?

Забывшись, Жан незаметно для себя проговорил это вслух.

— Там видно будет, — неопределенно отозвался Джек.

Лишь через несколько часов землетрясение прекратилось, чувствовались только редкие несильные толчки. Все трое вышли наружу.

Они не узнали местность.

Когда разбили палатку, она стояла на ровном месте, а теперь она на крошечном пригорке, довольно высоком и с крутыми, обрывистыми краями. Лес вокруг повален. Деревья лежат вершинами в разные стороны. Некоторые стволы прорезаны сквозными продольными трещинами. Но, помня, какой густоты был прежде лес, люди удивились: поваленных деревьев было совсем немного. Присмотревшись, увидели: сломанные деревья сморщиваются и словно тают у них на глазах. Разорванная защитная корка уже не ограждала деревья от действия высокой температуры. Они не горели, даже не обугливались, а просто постепенно исчезали. Лес на большом пространстве страшно поредел. Остались только те изогнутые деревья, на которых не была повреждена корка.

— Ведь такие землетрясения здесь часты, не так ли? — сказал Жан. — Какова же жизненная сила этих странных растений! Лес, значит, неоднократно возобновлялся!

Вокруг была весьма внушительная картина разрушения. Все прилегающее пространство напоминало замерзшее торосистое море: бугры, ямы, овраги, холмы.

Вдруг Джек сильно дернул Жана за руку. Жан обернулся. Ничего не мог вымолвить, лицо его было напряжено. Он молча указывал вдаль. Жан последовал взглядом за его жестом.

Грибы! Те самые. Или такие же!

Стали сосредоточенно наблюдать за грибами.

Они явно не обращали внимания на людей, стояли неподвижно. Но Эйлин через несколько минут заявила:

— Они движутся!

И добавила:

— Следите вон за тем искривленным деревом.

Она указала на один из немногих уцелевших стволов метрах в двухстах от них.

Грибы по-прежнему казались неподвижными. Однако вот один поравнялся с этим стволом. Еще немного — уже продвинулся дальше, миновав его.

Несколько минут — и второй миновал дерево.

Грибы удалялись.

Теперь, когда стоящих деревьев-гигантов осталось мало, грибы выглядели особенно большими. Пожалуй, все они были в рост человека. Но в остальном грибы как грибы и казались вполне безобидными. Однако Жан помнил все пережитое им в свое время. Надо быть настороже. Но и упустить их нельзя: так мало пока о них известно.

— Вот что, друзья,— сказал он,— надо нам идти за ними, не так ли?

Жан, Эйлин и Джек спустились с пригорка.

Двигаться по ухабистой местности было трудно, но все же легче, чем прорубаться через нетронутый лес. Однако продвижение было очень медленным. Хорошо, что грибы двигались не быстрее.

Но и приближаться к ним не следовало.

Куда же они направляются? Есть ли у них постоянное место обитания?

— Ну,— сказал Жан,— кто знает, сколько нам придется идти за ними, не так ли?

Он нащупал лучевой пистолет, с которым теперь уже не расставался в путешествии.

— Вернитесь-ка вы, друзья, за палаткой, а я их постерегу.

Задача оказалась нелегкой. Жану пришлось все время тревожиться, не уйдет ли он слишком далеко, успеют ли Эйлин и Джек догнать его.

Да и они беспокоились: Жан там один, хотя и вооруженный.

Они вернулись через полчаса.

Прошло еще не менее часа, пока, следуя за грибами, трое людей должны были остановиться, так как грибы задержались на месте. Затем грибы медленно перестроились. Движение их немного ускорилось. Они вытянулись в цепочку, сохраняя небольшие интервалы. Впереди шел самый высокий. Вожак, что ли?

Невольная медлительность преследования в течение долгого времени утомила людей. Джек чуть поспешил, обогнал Жана, шедшего впереди его и Эйлин, и оказался

заметно ближе прежнего к последнему из грибов. Внезапно он обернулся, и Жан увидел его разом побледневшее лицо, остановившиеся глаза. Жан подбежал к нему, схватил за руку и рывком оттянул назад. Джек облегченно улыбнулся:

— Прошло!

Они стали двигаться еще осторожнее, стараясь не переступать опасную грань.

Грибы остановились и опять стали перестраиваться. Они образовали вытянутый полукруг. Жан и его друзья остановились далеко позади грибов и надели очки-бинокли.

Грибы замерли, словно в ожидании чего-то. Шли долгие, тягучие минуты.

— Сколько же нам здесь торчать по их милости? — нетерпеливо воскликнул Джек.

— Тише! — прошептал Жан. — Смотрите!

Вожак приблизился к какой-то точке местности и вдруг исчез из виду.

— Провалился, не так ли? — опять почему-то шепотом сказал Жан.

— Да нет, смотри-ка! — тоже шепотом возразила Эйлин.

Вряд ли люди думали, что грибы их слышат. Инстинктивная осторожность заставляла притаиться.

Присмотревшись, увидели: грибы, один за другим, спускаются куда-то вниз. Вскоре ни одного из них не осталось на виду.

— Что же теперь делать? — растерянно произнес Джек.

— Ждать! — коротко ответил Жан.

Легко сказать: после такого томительно медленного преследования теперь уже стоять неподвижно, и кто знает сколько времени.

Джек сделал было несколько шагов вперед, но Эйлин схватила его за руку, и он послушно остановился.

Они стояли неподвижно, казалось бесконечно долго, на самом деле около получаса. Наконец остроглазая Эйлин взволнованно шепнула:

— Смотрите, смотрите же!

Грибы стали как бы вырастать из-под поверхности, явно выходя откуда-то снизу в обратном порядке. Последним появился вождь. Вглядывавшиеся в них люди увидели: каждый появлявшийся гриб вытаскивал, держа в выпущенных непомерно длинных щупальцах, тельце ка-

кого-то зверька. Насколько можно было рассмотреть, это были странные зверьки величиной с белку, но без признаков шерсти, без глаз, ушей, даже без рта. Зверьки не подавали ни малейших признаков жизни. Они были так сплюснены, что можно было предположить: пока их тащили, из них высасывали соки.

Вытащив зверька и втянув щупальца, каждый гриб оставлял тушку на произвол судьбы, и она быстро исчезала, словно растворялась в воздухе.

Жана передернуло от мысли, что могло произойти с ним при первой встрече с грибами.

Насытившиеся грибы застыли в неподвижности. Люди ждали. Ничто не менялось.

Очевидно, приходилось еще запастись терпением.

Ожидание все больше затягивалось.

Прошел еще час. Грибы стояли неподвижно.

Бездейственное стояние становилось уже невыносимым для людей. Что будет дальше? Уйдут ли грибы куда-нибудь?

— Вот что, — предложил Жан, — очевидно, придется здесь ждать. Но чтобы не терять грибы из виду да и для безопасности, будем поочередно дежурить.

Разбили палатку. Включили теле. Сообщили в штаб об увиденном.

Разумеется, сообщение о зверьках и охоте на них грибов было принято с огромным интересом.

Справились о Герде. Ответила находившаяся как раз в дежурной врач:

— Перемен пока нет, и это уже хорошо.

Глава двадцать пятая. **ПОСЛАНИЕ ОТТУДА**

Ольга, в который уже раз, прослушивала первое полученное ею письмо от Пьера.

Письмо! Слово это в современных словарях сопровождалось пометкой «устар.» — устарелое. Но оно обрело новую жизнь с тех пор, как вернулась на Землю ракета, доставившая на Венеру первую группу Большой Экспедиции.

Слово «письмо» действительно устарело, как и «рукопись». Писать незачем. То была магнитная запись. Голос Пьера — так давно она не слышала его! — радовал и волновал Ольгу. Низкий, чуть приглушенный, он напомнил

ей все прожитые вместе годы с их радостями, трудностями и огорчениями. Она пыталась по звукам голоса угадать состояние Пьера. Ей казалось, голос звучит бодрее, чем тогда, в день расставания. А когда она увидит, не только услышит Пьера? И увидит ли? Конечно, он должен быть бодрее. Он вернулся к труду, да еще такому увлекательному, как завоевание новой планеты.

Но между строк Ольга прочла то, о чем в письме не говорилось: Пьер тяжело переживает разлуку с близкими.

Семья Мерсье распадалась. Впервые они расстались на неопределенно долгий срок.

Раньше Ольга и Пьер много путешествовали — и вместе, и порознь. Но и путешествия врозь нельзя было считать разлукой: самое дальнее из них было не более сложным, чем некогда поездка в пределах одной небольшой страны.

Совсем иное дело исследовательские полеты на другие планеты, в которых Пьер в свое время принимал участие. Они порой были очень опасны. Ну что ж, Ольга знала, кого выбрала в спутники жизни.

А теперь...

Надо взглянуть правде в глаза: Пьер не захочет вернуться на Землю, он счастлив, что может участвовать в осуществлении своей идеи, в особенности после того, что ему довелось пережить.

«А как же с Анной? — думает Ольга. — Сейчас она реже бывает у меня. Здесь нет ничего ни удивительного, ни плохого: Анна уже вполне взрослый человек, у нее своя, самостоятельная жизнь. Так бывает, так должно быть. А Пьер одинок.

Нет, он, конечно, не одинок. Его одиночество кончилось в тот день, как он снова вошел в трудовой строй. Он там среди новых друзей. Но разлука с близкими тягостна для него.

А если бы даже я когда-нибудь смогла оказаться там, возле Пьера, тогда, значит, для меня неизбежна разлука с Анной.

Однако Анне я меньше нужна.

Так что же, бросить любимую работу и обратиться в Мировой Совет: «Здесь я делаю нужное дело, а на Венере неизвестно, что смогу делать, но я соскучилась по мужу». Как будто у большинства отправившихся туда не остались на Земле близкие...

Да, но ведь никто не пережил того, что Пьер.

А работа, которую я выполняю на заводе,— разве мало найдется химиков, которые могут меня заменить?

Но вот с Историческим музеем я, пожалуй, не могла бы расстаться...»

В последние годы Ольга увлекалась историей еще больше, чем раньше, и много часов проводила в Центральном историческом музее. То был грандиозный памятник, воздвигнутый людьми своему прошлому, отражающий все этапы развития человечества. Музей находился на одном из островов Тихого океана. Трудно было бы перечислить все его отделы.

Здесь был отдел возникновения и развития жизни на Земле — от первых органических соединений до *homo sapiens*.

Имелся зал, где можно было наблюдать смоделированными все виды микроорганизмов, населявших когда бы то ни было Землю, как полезных для человека животных и растений, так и патогенных.

В отделе техники посетитель знакомился со всевозможными орудиями, с помощью которых человек постепенно усиливал свою власть над природой, от самых примитивных деревянных, каменных, костяных до изумительных автоматов, хранящих в своей памяти всевозможную информацию, передающих и перерабатывающих ее в любом предугаданном направлении.

Отдел транспорта показывал его развитие от вьючных и верховых животных до детально разработанного проекта первого межзвездного фотонного корабля, который уже готовились строить.

Истории связи от гонцов, звуковой и световой сигнализации до самых совершенных телеаппаратов также был посвящен специальный отдел.

Все экспозиции музея были подчинены одной общей цели: показать, что будущее человечества создается его настоящим, а настоящее создано минувшим.

По мере того как историческая наука обогащалась новыми знаниями о судьбах человечества, эти знания находили отражение в новых экспозициях. Можно было проводить в музее многие дни и каждый раз находить новое для себя — так был он велик и многообразен.

Два отдела особенно интересовали Ольгу.

История химии, которой был посвящен один из них, уже давно увлекала ее. Она даже опубликовала несколько работ на эту тему.

В последнее же время, под несомненным влиянием книги Пьера, ее пристальное внимание стал привлекать отдел развития человеческого общества. Взаимоотношения людей между собой и человека с коллективом. Первобытное стадо. Племена и роды. Рабовладельческое, феодальное, капиталистическое общество. Освободительные войны, революции, борьба за построение социализма и коммунизма.

Одна из основных целей человечества — уничтожить страдания. Никто не должен страдать! Таков лейтмотив книги Пьера, таково же было и убеждение Ольги.

Глава двадцать шестая.
«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!»

Герда пришла в себя. Она не чувствовала боли. Но попыталась пошевелиться и не смогла — такая слабость.

Над ней склонилось привлекательное лицо молодой женщины с детским обликом, с мягким взглядом серых глаз. Неожиданно твердым, уверенным, но ласковым, чуть хрипловатым голосом женщина сказала:

— Не говори, не двигайся. Тебе надо беречь силы.

Можно было бы и не предупреждать: когда Герда попыталась повернуть к ней голову, она почувствовала, что не в состоянии сделать это. Попробовала вымолвить хоть одно слово, но язык еле шевельнулся.

Она вспомнила, как во время внезапно разразившейся грозы ее пронизала невероятная, ни с чем не сравнимая боль в руке, такая, какой, не испытав, и вообразить нельзя. К счастью, это длилось, как ей теперь кажется, не дольше, чем вспышка молнии. Дальше — ничего. Очевидно, она потеряла сознание.

Значит, ранена.

Герда до сих пор никогда не бывала в операционной, но сразу поняла, где находится. Ослепительная чистота, белизна, мягкий (очевидно, искусственный) дневной свет, глубокая тишина. Еще кто-то рядом с женщиной. Заметив, что Герда силится его рассмотреть, человек пододвинулся так, чтобы быть в поле ее зрения. Это очень высокий мужчина лет тридцати с черными волосами, чуть виднеющимися из-под белой шапочки, черными глазами и очень смуглым, почти до черноты, лицом, но с чертами европейского типа. Он и женщина внимательно смотрят на Герду.

«Врачи», — сообразила она.

Герда опять вспомнила ту мгновенную адскую боль в руке.

«Наверно, рана серьезная».

Посмотрела вдоль своих вытянутых рук.

Левой нет.

Вместо нее культя, забинтованная, оканчивающаяся у самого плеча.

Нет руки. Навсегда изуродована.

Ну что ж... Другие и жизнь потеряли в борьбе за покорение новой планеты!

Но в двадцать два года стать безнадежным инвалидом!

Высокий человек придвигается ближе. Теперь Герда отчетливо видит его лицо: крепко сжатые губы, глубокие черные глаза. В них сочетание сильной, почти жесткой воли и затаившейся ласки.

— Я ампутировал тебе руку, — говорит он, — сохранить ее было невозможно: вся разможена.

Герда хочет что-то сказать, но нет сил произнести хоть звук.

Хирург низко наклоняется к ней, говорит:

— Скажи шепотом... если уж так хочется.

Герда шепчет, еле шевеля губами.

— Без руки...

Это все, что ей удалось сказать. Но он понял. Он говорит очень тихо, но четко:

— Слушай внимательно. Мы оказали тебе первую помощь. Сделали переливание. Обезопасили от заражения. Больше ничего на Венере сделать нельзя. Завтра отправим тебя на Землю.

— На Землю... — повторяет Герда едва слышным шепотом, — здесь ничего... без руки...

На висках ее выступил пот: такого напряжения стоили ей эти несколько слов.

И опять он понял. Он говорит:

— Больше тебе разговаривать нельзя. Но выслушай, что я скажу. Дело не только в том, что ты пока не можешь работать. Придет время — поработаешь еще вволю. Сейчас тебе предстоит длительное лечение. Отправим тебя в город Марсаков, к Рашкову.

Давно мечтала она повидать этот удивительный город недалеко от Москвы, да так и не собралась. Сначала все откладывала: казалось, еще успеет. Потом захватила идея освоения Венеры. Она добилась отправки сюда по

рекомендации своего учителя, Мерсье. И Марсаков отодвинулся для нее в неопределенное будущее.

И вот неожиданно мечта осуществляется. Но при каких трагических обстоятельствах!

Да, на Венере она больше не нужна.

Рашков — знаменитый врач и физиолог. Он возглавляет Институт комплексной медицины. Там тоже, конечно, очень интересно побывать.

Ею овладела еще бóльшая слабость. Выслушав несколько фраз хирурга, она исчерпала свои силы. Веки ее опустились. Но вдруг она вздрогнула — врач сказал:

— Надеюсь, Рашков вернет тебе руку.

Однако даже столь поразительное сообщение лишь смутно дошло до ее сознания. Она погрузилась в глубокий сон.

Молодые девушки в белоснежных одеждах взяли Герду на свое попечение. Она чувствовала себя лучше, но была очень слаба. Ее поместили в прозрачную маленькую комнатку вроде большого шкафа. Неподвижно сидела она в удобном кресле. Невидимые глаза и уши машины выслушивали и разглядывали ее. У человека пять чувств, а у аналитико-диагностической машины — десятки. Притом чувства машины много острее, чем у человека или любого животного. Она различает сотни цветов и их оттенков, тысячи запахов. Ей доступны ультра- и инфразвуки. Она видит и слышит, как движутся по сосудам кровь, лимфа, как выходят и всасываются выделения желез. Она подмечает малейшие подробности изменений дыхания, кровообращения, работы сердца и всех других органов тела. Осязание у нее такое, что она без прикосновения прощупывает все органы сквозь кожный покров и лежащие над ними ткани. Она фиксирует процесс пищеварения на всех его стадиях, точно устанавливает состав крови, лимфы, желудочного сока, желчи и всех других инкретов, толщину и степень упругости стенок сосудов, колебания температуры в пределах десятых долей секунды и сотых долей градуса. Она дает точную картину работы мозга и периферической нервной системы, безошибочно определяет степень остроты зрения, слуха, осязания, обоняния, упругости всех мышц. Она не нуждается ни в зондах, ни в аппаратах для измерения кровяного давления, емкости легких и так далее.

Через десять минут все было кончено. Дежурный врач держала в руке выданный машиной свернутый рулон

пленки. На нем в цифрах, буквах и условных знаках — подробнейшие результаты обследования.

Над рабочим столом Рашкова висел его портрет. Так показалось Герде. На самом деле это была отличная репродукция портрета одного из его предков, выполненного в 1981 году. Предок, тоже Николай Рашков, в свое время сделал выдающиеся открытия в области внутренней секреции. Игра природы создала через ряд поколений весьма близкое совпадение внешности этих двух людей. Современный Николай Рашков, человек несколько озорной по натуре, немного бравировал этим сходством.

Рашков был полон, но полнота скрадывалась высоким ростом. Выражение лица живое, чуть насмешливое. Быстрые, хотя и не порывистые, движения. Волосы русые, а глаза темно-коричневые, как и на портрете, и в глубине их, когда его что-нибудь волновало, вспыхивали мимолетные яркие искорки.

Приветствуя Герду, вошедшую в его врачебный кабинет, Рашков так весело посмотрел на нее, таким легким, изящным движением пододвинул ей кресло, что она подумала: «А говорят, ему пятьдесят. Он выглядит по крайней мере на двадцать моложе».

Сходство двух Николаев Рашковых не ограничивалось внешностью и чертами характера. В большой мере совпадали и их научные интересы, только у нынешнего диапазон был значительно обширнее — ведь за это время сильно расширились горизонты науки. Уже стало невозможно быть физиологом, не будучи одновременно врачом, и невозможно лечить, не будучи физиологом, не зная многого из химии и физики.

— Ну что же, Герда Лагерлеф, — сказал Рашков, держа развернутый рулон с выкладками аналитико-диагностической машины, — здоровье у тебя отличное по всем пунктам. Твой организм сравнительно легко справляется с последствиями травмы. Есть еще некоторая слабость — результат шока и большой потери крови. Но скоро ты будешь в полной норме... насколько это возможно при утрате конечности.

— Значит, скоро покину вас?

Рашков взглянул на нее серьезно, а в глазах его заиграла лукавая усмешка.

— Нет, Герда, — сказал он, — тебе придется пробыть у нас долго.

— Долго? — растерянно спросила Герда. — Но почему?

— Потому, что ты вернулась с Венеры не для того, чтобы уйти от нас с одной рукой.

— Да, припоминаю... мне говорили. Но разве изгот-
вить протез... так долго?

— Протез? Нет! Мы должны отрастить тебе руку.

Герда с недоумением взглянула на него. Но озорная усмешка исчезла из его глаз. И, вдруг исполнившись захватывающей надежды и в то же время боясь разувериться, она спросила прерывающимся голосом:

— Неужели... возможно? И ты гарантируешь — у меня будет... вторая живая рука?

Лицо Рашкова стало совсем серьезным.

— Полной гарантии не даю, — сказал он, — это дело еще новое. Однако...

Он включил теле, набрал индекс. В комнате очутилась молодая девушка. Она дружески поздоровалась с обоими, бросив украдкой участливый взгляд на Герду. Но та заметила этот взгляд. «Теперь редко встречаются такие инвалиды, — подумала Герда, — все удивляются и жалуют».

— Что сейчас по расписанию у вас в детском городе для среднего возраста? — спросил Рашков.

— Свободный час.

— Ого, это удачно! Вызови, пожалуйста, к теле Марину Колоскову.

Через несколько минут вприпрыжку вбежала девчушка лет десяти, весело поздоровалась с врачом и смущенно — с Гердой, на мгновение уставившись на ее забинтованную культю.

— Ты хотел меня видеть, — обратилась она к Рашкову.

— Я хотел, — сказал Рашков, — показать тебя этой девушке (он кивнул в сторону Герды), чтоб она не очень расстраивалась.

— Ей совсем не надо расстраиваться, — серьезно, как взрослая, сказала Марина, — у нее все будет хорошо.

Герда улыбнулась ей.

— Ты что сейчас делала, Марина? — спросил Рашков.

— Мы играем в пятнашки! — воскликнула девочка. — И я только-только догнала Таю...

— Как вдруг я тебе помешал!

— Помешал, — призналась Марина, но тут же добавила:

— Но я так рада тебя видеть! Я по тебе соскучилась.

— Ну иди, играй!

Девочка наскоро простилась и выбежала, повернувшись на одной ножке.

— Ты заметила, на какой ножке она повернулась? — спросил Рашков, включив теле.

— Нет... А разве имеет значение?

— Имеет. Это была правая нога. Как раз та, которую ей ампутировали три года назад.

— Не может быть!

Рашков расхохотался:

— Я вспомнил анекдот, который прочитал в какой-то старинной книге. Одна женщина, впервые увидев жи-рафа, воскликнула: «Не может быть!»

Герда улыбнулась:

— Но это так невероятно. А почему ей отняли ногу? Теперь это редко...

— Тут были не совсем обычные обстоятельства. Родители Марины, гляциологи, работали тогда в Антарктиде. Они очень соскучились по дочке и взяли ее на время из детского города к себе. Она много резвилась, бегала. Не досмотрели, упала со склона крутого снежного холма на твердый, как сталь, лед и сломала ножку, да так неудачно, что часть костей ниже коленной чашки была совершенно раздроблена. Ее доставили к нам, мы посоветовались с хирургами. Нogu можно было сохранить, но пришлось бы укоротить на несколько сантиметров. Марина осталась бы на всю жизнь хромой. Ну, и решили: ампутировать.

Герда с ужасом смотрела на Рашкова: как можно было принять такое отчаянно смелое решение?

А он улыбнулся:

— Ребятишки играют в пятнашки. Как сто и триста лет назад!

Глава двадцать седьмая. **НАБЛЮДЕНИЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ**

Дежурил Жан. Пост установили на крыше палатки, чтобы лучше видеть вдаль.

Приняв таблетку от утомления (на Венере их приходилось принимать часто), Жан в бинокль рассматривал грибы. Но рассматривать, собственно, было нечего: они продолжали стоять неподвижно, утратив, казалось, вся-

кую способность к движению. Почему это? Переваривают пищу, что ли? Как удав кролика?

В бинокль все отчетливо видно. А грибы, наверно, не видят Жана. Есть ли у них вообще органы зрения? А может быть, есть, и гораздо более совершенные, чем наши? Но, как бы то ни было, они ничем не реагируют на близкое присутствие людей. И ни на что, по-видимому, сейчас не реагируют. Как мертвые.

Или они в самом деле умерли? Тогда и излучения не должно быть.

Ничто не меняется. Утомительно однообразное зрелище. Жан невольно прикрыл на мгновение глаза. Нет, нельзя это делать! Часовой должен быть бдительным.

То, что он неожиданно увидел, ему показалось было обманом зрения. Гриб-вожак внезапно рассыпался. Слово беззвучно взорвался. Там, где он только что стоял, пустое место.

Второй.

Третий!

Жан сильно постучал в крышу палатки. Вряд ли друзья крепко спали: слишком напряженным было ожидание. Может быть, они даже оставались в скафандрах? Во всяком случае, что-то уж очень быстро миновали шлюз, стремглав взобрались на крышу. Приставив к глазам бинокли, они еще успели увидеть, как рассыпались последние грибы.

Теперь надо, не теряя времени, посмотреть, что же осталось от них. Но и об осторожности забывать не следует. Потихоньку стали подбираться туда, где еще так недавно стояли опасные грибы.

Излучения не чувствуется. Это понятно: грибов-то нет уже.

Итак, грибы насытились и тут же прекратили свое существование? Странно!

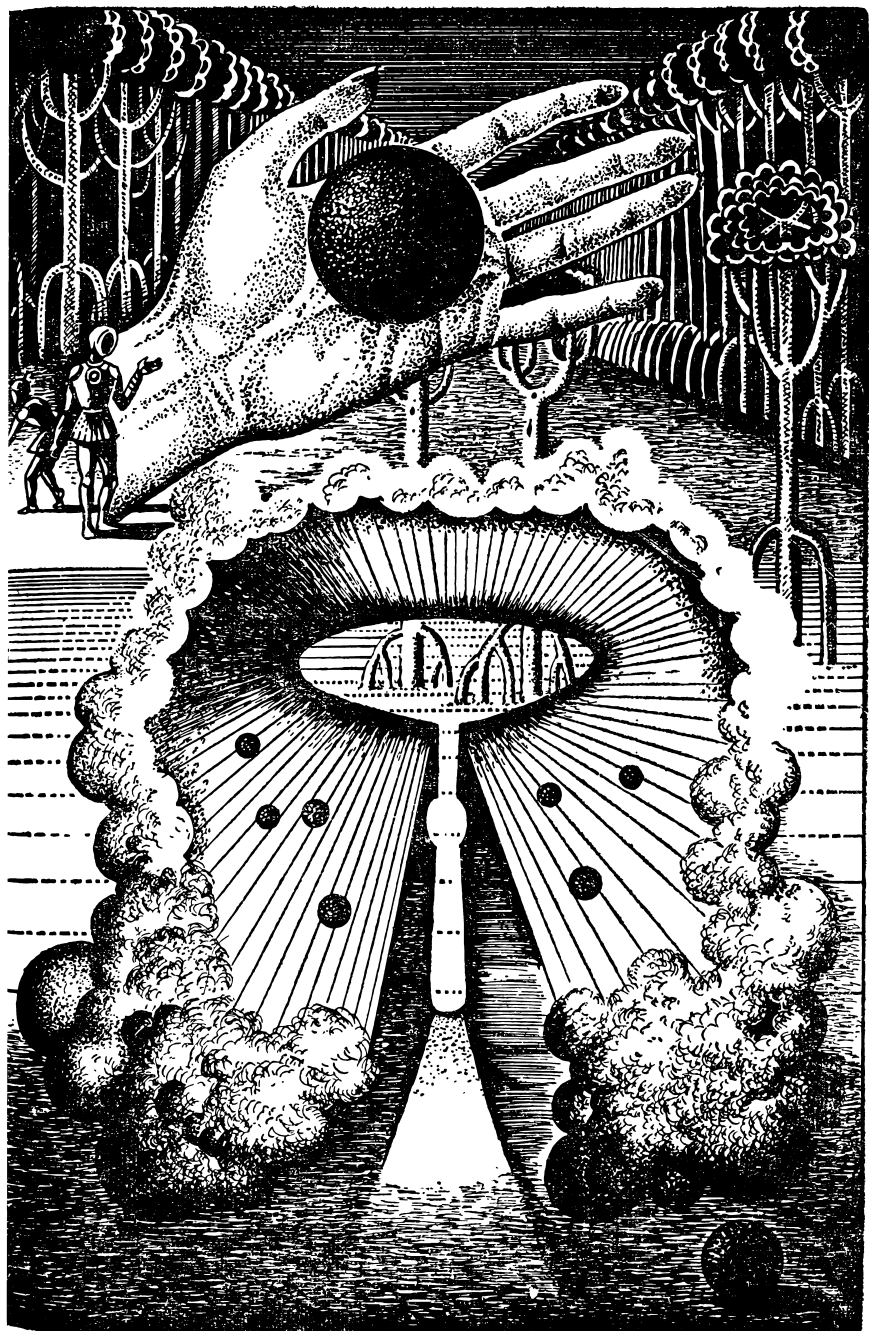
Собрались уже было восвояси, как вдруг Жан, упорно глядевший под ноги, быстро нагнулся и поднял какой-то черный шарик. Он тотчас узнал: такие же видел между перекладами шляпки, когда лежал под грибом...

— Это спора гриба! — уверенно заявил он.

— Но с ними самими что же случилось? — спросила Эйлин.

Жан только плечами пожал.

После дальнейших настойчивых поисков нашли еще несколько десятков спор. Все они были покрыты прочной,

но почти незаметной из-за своей прозрачности пленкой, как и деревья. Эти трофеи следовало бережно сохранить и доставить в штаб.

Когда в Штабе Освоения подводили итоги первых трех отраслевых экспедиций, то наибольший интерес вызвало открытие группы Жана. Разумеется, более подробно разузнать о грибах можно будет лишь после того, как удастся разыскать еще такие же и по возможности тщательно обследовать их. Пока же биологи предположили, что грибы, насытившись, заканчивают основной цикл своего развития. Они переваривают или как-то иначе усваивают пищу, в это время созревают их споры или семена. На Земле есть растения, которые как бы выстреливают свои споры на довольно большое расстояние. Хищные грибы Венеры взрываются целиком. Пока еще невозможно сказать, только ли спорами они размножаются или также семенами. Доставленные шарики — это гигантские споры, как и предполагали Жан и другие участники его группы.

Может быть, микроскопически мелкие частицы, на которые рассыпается тело гриба и которых путешественники не смогли найти, тоже дают начало новым грибам?

Что касается излучения грибов, то, возможно, оно аналогично или сходно с излучением других венерианских организмов.

Глава двадцать восьмая. **НЕВОЗМОЖНО? НЕТ, ВЫПОЛНИМО!**

Человечество имело в своем распоряжении достаточно энергетических ресурсов, чтобы регулировать климат. Теперь уже не было свирепых зим в Арктике и Антарктиде, не было «полюсов холода», огромных безжизненных пустынь, джунглей и раскаленных пространств в тропиках. Все это существовало лишь в малых масштабах в виде заповедников. Бураны, метели, штормы центральное бюро погоды давало лишь для спортсменов и туристов по заказам экскурсионного бюро в заранее обусловленное время — в тех же заповедниках.

Но были сохранены прекрасные ровные зимы на севере и юге Земли. Они привлекали многих туристов из экваториальной полосы. Герда рада была, что попала в институт в ясное, прозрачное, морозное время года. Ин-

ститут комплексной медицины находился не в самом Марсакове, а далеко за городом, в густом хвойном лесу.

У себя на родине она, бывало, с большим удовольствием ходила на лыжах. Теперь это ее не привлекало. Можно было бы научиться обходиться одной рукой. Но зачем? После того как Рашков объяснил ей принцип лечения, она уже верила, что рука восстановится.

Она полюбила просто гулять в лесу.

Деревья стоят в величественной неподвижности. Пушистые клочья снега отяжелили их ветви. По временам снег срывается, и облегченная ветвь вытягивается. Темная или голубоватая зелень хвои перемешана с белизной. На устилающем землю снегу треугольные следы птиц, пятнистый след зайца. Порой птицы перекликаются. Грузный ворон пролетит, гулко каркнет, сядет на сук. Сук пригнется и, стремясь сбросить хоть часть лишней тяжести, стряхнет немного снега. Белка перепрыгнет с дерева на дерево, станет на задние лапки, замрет, прислушиваясь.

И все это тонет в океане тишины, которую неторопливые, спокойные птичьи голоса не нарушают, а лишь оттеняют.

Сейчас синее небо почти безоблачно. Только одно легкое перистое облачко затерялось на востоке, недалеко от горизонта. Полдень, но солнце стоит невысоко. Лучи его проникают сквозь хвою и ложатся на пышный, свежесвыпавший снег прихотливо бесформенными бликами. Местами он отсвечивает вспыхивающими и гаснущими алыми, синими искорками.

Герда медленно идет слабо протоптанной, без конца извивающейся тропкой. Она прислушивается к своей отсутствующей руке. Вначале рука болела — и как раз там, где ничего нет, — в локте, кисти, пальцах. Приходилось принимать болеутоляющее. Теперь нигде не болит. Но рука... Нет, не рука, а культя... какая-то странная. В ней что-то происходит, а что — Герда не может себе объяснить. Какие-то смутные, глубоко затаенные жизненные процессы.

Герда вспоминает разговоры с Рашковым, особенно вчерашний, подробный.

Они сидели в его кабинете. Рашков говорил:

— Было время, когда врачи гордились совершенными протезами конечностей. Эти протезы не только по внешнему виду нельзя было отличить от настоящих рук и ног, но они к тому же были так удобны, что человек по-

рой забывал о них. Однако совсем забыть нельзя было: их надо было снимать, мыть, чистить, менять износившиеся.

Позднее стали приживлять больному потерянную конечность. Иногда его собственную, если она, отделенная от туловища, оставалась более или менее целой, — разумеется, это случалось очень редко. Иногда брали руку или ногу от трупа человека, погибшего из-за несчастного случая. Но таких случаев становилось все меньше.

Мы пошли другим путем. Используем в полной мере регенерацию.

Регенерация. Знаешь ли ты, какая это могучая сила?

Герда не отвечала: вопрос был явно риторический.

— На низших ступенях жизни регенерация почти беспредельна, — продолжал Рашков, — был бы только материал для постройки новых клеток. Живой одноклеточный организм делится пополам, обе дочерние клетки постепенно вырастают, и этот процесс может длиться практически вечно.

На более высоких ступенях развития регенерация как бы ослабевает. Но если вдуматься, то даже естественная регенерация у наиболее высокоорганизованного существа — человека — исключительно велика. Быстро пополняется потеря крови. Срастаются кости. Давно научились добиваться полного восстановления мышечной ткани. Хорошо и быстро восстанавливается кожа. Теперь зубные врачи очень удивились бы, если бы кто-нибудь попросил сделать искусственный зуб. Еще двести лет назад в лунку от испорченного и вырванного зуба вставляли осколок зубного вещества, и вырастал целый зуб. Тогда это дело только начиналось, шли ощупью. А теперь — обычная вещь. Сейчас при помощи гормона-стимулятора можно управлять процессом восстановления, ускорять его.

А вот подходим к главному. Еще в двадцатом веке делали такие опыты. У собаки ампутировали лапу, но культю не давали заживать, а все время раздражали окончания нервов на месте отреза.

— Чувствующих? — вздрогнув, спросила Герда.

— К сожалению, и чувствующих. Тогда еще не умели отделять при таком эксперименте чувствующие от двигательных. Да пожалуй, и ни к чему было: здесь, по-видимому, основную роль играют как раз чувствующие.

— Значит, собака должна была долго страдать?

— К сожалению, да.

— Это жестоко! — воскликнула Герда.

— Да. А что же было делать? Тогда еще не была открыта избирательная анестезия. Ну, а позже удалось добиться регенерации нервной ткани, когда открыли гормон-стимулятор и научились в добавочных дозах вводить его в организм. Стало возможно управлять восстановлением и ростом нервных клеток. Без этого, разумеется, нельзя восстановить утерянную конечность. Зачем она нужна, если не сможет ни чувствовать, ни двигаться?

— А все-таки ужасно жаль тех собак!

— Если б тогда не мучили этих собак,— возразил Рашков,— не бегала бы маленькая Марина на обеих вполне здоровых ножках, и твоя рука...

Да, теперь Герда уже верила. Как же не верить?

Странные, волнующие вещи творились с ее рукой.

Ныне имеется препарат избирательной анестезии, парализующий только болевые нервные окончания. Боли не было. Но что-то чувствовалось там, у плеча. Порой покалывало, порой слегка жгло. Рана не заживала. Мощное воздействие токов ультравысокой частоты бредило клетки, возбуждало их жизнедеятельность. Бесперывно размножались клетки костной, мышечной, эпителиальной, нервной тканей. Порой вырывалась кровь, ее останавливали.

Герда внимательно посмотрела на забинтованную культю — нет ли кровотечения? Ей строго-настрого велено: если начнет промокать бинт, сейчас же являться к хирургической сестре.

Нет, ничего.

Но так же строго велено не уходить далеко одной. А она, кажется, слишком удалилась от института.

Вздыхнув, поворачивает обратно.

О чем вздох?

Не от огорчения же, что прогулка идет к концу?

Нет, конечно. Таких прогулок впереди много. И всего много.

Жизнь впереди. У нее будут две целые живые руки. Она вернется на Венеру. И еще какие-то смутные, неопределенные, но радостные предчувствия...

А рука чувствуется. Не болит, но и не дает забывать о себе, как та, здоровая. Той не замечаешь, пока ею не надо что-нибудь делать, с ней все обычно. А эта в становлении. Она растет.

Герда пока не видит ее роста, но вчера измерительный аппарат показал: на первые доли миллиметра удли-

нилась кость. И облегающие ее мышцы со всеми атрибутами: нервными стволами, их ответвлениями, сосудами, кожей.

Она тогда спросила Рашкова:

— Что же было с теми собаками?

— Это были первые, но для своего времени изумительные опыты,— сказал он.— Что ж, тогда работали почти наугад, и все же кость удлинялась...

— Как у меня! — воскликнула Герда.

— О нет, далеко еще не так. Теперь процесс идет регулярно и комплексно. И мы можем управлять его ходом. Тогда не знали гормона-стимулятора и выделяющих его желез. Были известны лишь немногие крупные железы внутренней секреции и немногие гормоны. Сейчас мы знаем сотни гормонов. Знаем множество микроскопических желез, рассеянных в разных частях организма. К их числу относятся и железы гормона-стимулятора. Их известно уже несколько сот. Мы умеем усиливать и ослаблять их деятельность, изменять в нужном направлении состав гормона, а также вырабатывать его синтетически.

Тогда шли эмпирическим путем. Раздражали культу — и все. Но это была, пожалуй, гениальная идея. Немного удлинялась кость. Мышцы не нарастали. Сосуды и нервы не удлинялись. Процесс быстро прекращался, и дальнейшим раздражением возобновить его не удавалось.

— Только-то? — удивленно промолвила Герда.

Рашков засмеялся:

— Очень возможно, что так же воскликнул кто-нибудь из присутствовавших при первом полете реактивного самолета в 1928 году. Самолет поднялся на тридцать метров, продержался в воздухе одну минуту и пролетел полтора километра. А теперь ты в ракетном корабле прилетела на Венеру и вернулась обратно. И это далеко не предел...

Он положил свою большую белую руку на ее здоровую ладонь, лежавшую на столе. Герде стало горячо, радостно и неловко. Она было сделала движение убрать свою руку. Нет, не убрала...

— Ну, вот и все,— сказал Рашков.— Не буду рассказывать тебе подробно. Если захочешь, прочтешь. Трудились поколения хирургов и физиологов, накапливали опыт и знания. Твоя рука будет такой же, как была. Впрочем, не совсем такой, ибо ничто в мире не повторяется в точности, кроме разве мельчайших частиц материи. Но ты не почувствуешь различия — оно ничтожно.

Придет время...

Голос его принял мечтательный оттенок.

— ...И оно не за горами. Не мы, так следующие поколения врачей. Будем восстанавливать, если понадобится, и внутренние органы: сердце, легкие, печень, почки, железы. Сейчас легкие, почки мы делаем искусственные, а тогда они будут вырастать в организме, как растет твоя рука...

Он убрал свою ладонь, но ощущение чего-то горячего, радостного не покинуло Герду. Наверно, оно и есть источник неопределенного, но сильного предчувствия счастья.

Глава двадцать девятая. **ЗАМКНУТЫЕ КРИВЫЕ**

— Итак, тебе хочется побывать в Марсакове? — сказал Рашков Герде через три месяца после ее прибытия в институт.

— Конечно! Но ведь мне запрещено отлучаться... кроме коротких прогулок.

— Да, ты должна быть все время под наблюдением. Мы отправимся вместе.

Накинув поверх одежды теплоизолирующие плащи, они сели в двухместную амфибию — самолет. Вместо того чтобы наметить схему маршрута для автопилота, Рашков взял рукоятку управления.

— Мы полетим медленно. Я буду показывать.

Машина шла на небольшой высоте над лесом.

Хорошо, что они надели дымчатые очки. Снег ослепительно блестел под солнцем. Мелкое кружево заснеженных ветвей казалось вырезанным из белого мрамора искусным камнерезом. Хотелось дышать без конца, воздух предельно чист и чуть-чуть пахнул свежим антоновским яблоком.

— Взгляни вверх! — сказал Рашков.

Но Герда ничего не увидела. С сумасшедшей быстротой беззвучно мелькнуло что-то серебристо блеснувшее под солнцем и тут же пропало за рекой. Затем раздался острый, постепенно затихающий свист рассекаемого воздуха.

— Межконтинентальная баллистическая, только взяла старт, — пояснил Рашков.

Вот и река. Это искусственный канал, окружающий город. Сейчас он покрыт льдом, а поверх — снегом. Но

канал виден сразу: широкая ровная полоса, плавный круг. На нем мелькают черные точки.

Рашков снижает машину. Точки превращаются в лыжников. Блестят под солнцем маслянистые лыжни.

А вот чернеет огромная, расчищенная от снега площадка. Ее кругами обходят конькобежцы. В центре кружатся фигуристы. Движение кажется с высоты медленным.

Герда не завидует им. Она уже твердо знает: все будет ей доступно.

Рука вдруг напомнила о себе: мгновенное покалывание, как бы короткие перемежающиеся спазмы. Там совершается неведомая, неясная ей жизнь. Рука живет. Теперь и на глаз видно: культя стала чуть длиннее.

Весь организм взбудоражен. Бродят соки, кипят неосознанные силы. Понятно: больная рука не изолирована от всего тела, восстановительный процесс охватывает его целиком. Может быть, и от этого душевный подъем, обостренное восприятие жизни. Когда человек выздоравливает, он не пассивно возвращается к исходному положению: мобилизуются все его душевные и физические ресурсы, идет нарастающий, бурный взлет.

За рекой город. Герда жадно смотрит вниз.

Концентрические круги. Сколько их?

Похоже на паутину.

Рашков замедлил ход машины.

Теперь видно отчетливее. Как будто ребристый плоский круг.

Она вглядывается.

Нет, не плоский. В центре круглая площадь. Там каток. Мчатся конькобежцы.

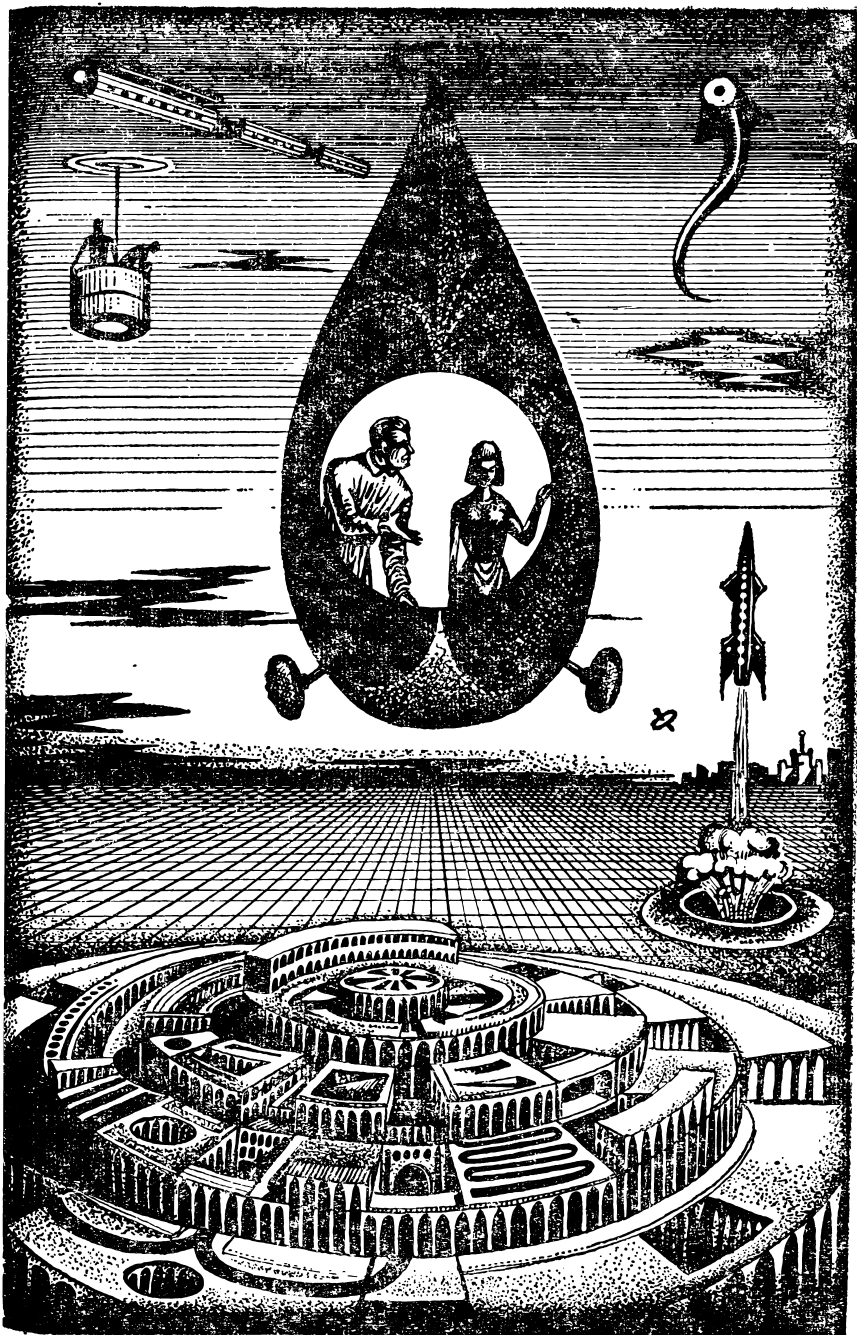
Проследив за направлением ее взгляда, Рашков говорит:

— Летом здесь пруд.

Круги города неодинаковы по высоте. Самый высокий вокруг пруда. По мере удаления от центра они все ниже. Ступенчатость строений разнообразит, оживляет панораму.

Рашков останавливает машину в воздухе и подает Герде бинокль.

Тут очень оживленно. Во всех направлениях проносятся такие же самолеты-амфибии. Следить за ними нечего — столкновения исключены: кибернетический водитель реагирует с неуловимой быстротой. Можно спокойно рассматривать город.

Внутри кольца, образованного каналом, Герда насчитала восемь концентрических кругов.

— До чего же они широки! Я отчетливо вижу стволы берез,— замечает она.— У них другой оттенок белизны, чем у снега.

Вдоль березовой аллеи пробегают электромобили. Их немного, большинство предпочитает индивидуальные полеты в воздухе.

А вот и движущиеся черные точки — пешеходы.

— Весной и летом,— говорит Рашков,— ты увидела бы богатство красок, увидела бы, как цветут деревья. При их посадках садоводы учли периоды цветения, так что от ранней весны до глубокой осени палитра цветов меняет свои оттенки.

— Еще увижу все! — весело отвечает Герда.

Она с увлечением следит за объяснениями Рашкова.

— Привет, Герда Лагерлеф, привет, Николай Рашков! Это прокричал молодой женский голос.

Герда оглянулась. Пролетевший мимо микросамолет был уже далеко. Не удивительно, что узнали Рашкова,— он всем известен. А ее, Герду? Наверно, по отсутствию руки. Но это напоминание сейчас уже не огорчает. Рука будет! Она живет, строится.

— Центральная площадь окружена нешироким, но густым парком,— говорит Рашков,— и каждая концентрическая улица шириной в сто двадцать метров тоже парк. Он и сам состоит из нескольких концентрических аллей, пересеченных редкими поперечными. А теперь посмотри внимательно на радиальные улицы.

В бинокль видно отчетливо. Эти улицы не сходятся в центре, а начинаются за первым кольцом — парком, окружающим стадион.

— Каждая из них,— поясняет Рашков,— доходит до внешнего края последней, самой длинной концентрической улицы. Каждая радиальная улица имеет в длину семь километров без малого, а в ширину сто шестьдесят метров. Это тоже парки с продольными аллеями и пересекающими их переходами. А дома? Тебе хорошо видны дома?

— Я их не очень отчетливо различаю,— призналась Герда,— они как-то сливаются...

— Да так и есть. Смотри.

Он еще немного снизил машину.

— Теперь тебе должно быть ясно видно. Первую улицу за стадионом окружает один шестнадцатизэтажный

дом длиной в несколько километров. В нем живет около ста тысяч человек. Кроме того, в нем находится районный экономический совет. На следующих улицах дома расположены с обеих сторон. Здесь они ниже, сначала по четырнадцать этажей, а затем, постепенно понижаясь, доходят до четырех этажей на самом внешнем кольце.

Отсюда хорошо видно, что город делится на кварталы. Квартал состоит из секции кругового дома между двумя радиальными улицами и домов, расположенных по радиальным улицам. Каждый из них тоже разбит на секции, ограничивающие кварталы. И в каждом квартале примерно одинаковое количество жителей — около семидесяти пяти тысяч. Это очень важно.

— Что важно? Что семьдесят пять тысяч?

— Нет, что одинаковое.

— А почему?

— Скоро узнаешь. А вот там наш институт.

Рашков показал в ту сторону, откуда они прилетели, туда, где за последней, восьмой концентрической улицей, за заснеженным каналом, напоминающим огромную круговую просеку, до белесого от отражения снега горизонта простиралось сверкающее искорками кружево ветвей. Светлые строения едва различались среди снежной близны в глубине заповедника, окружающего город полосой шириной в сто километров.

Рашков посадил машину на пересечении четвертого кольца и одной из радиальных улиц.

— Ну, теперь,— сказал он,— отправим ее в гараж.

Он вложил в прибор автоматического управления печатную карту города и отметил на ней красным карандашом один из общественных гаражей. Затем переключил машину на наземное движение и нажал рычажок «марш». Машина помедлила секунду, выбирая кратчайший маршрут, и небыстро покатила по срединной аллее радиальной улицы, обходя встречных прохожих и электромобили, если ей не успевали уступить дорогу. Вскоре она скрылась, свернув в круговую аллею.

Герда с любопытством озиралась. Середину радиальной улицы занимал тротуар, состоящий из нескольких полос, движущихся с различной скоростью. Скорость возрастает от внешних лент к внутренним.

Они перешли к самой быстрой ленте тротуара и уселись на скамье-диване. Их пронесло вдоль длинных фасадов домов.

— Как странно,— проговорила Герда,— у себя на родине я привыкла к гораздо большему разнообразию жилищ. Здесь дома выглядят одинаково, а все же очень красиво.

— Это потому,— ответил Рашков,— что все они, да и весь город, единое законченное целое. Город организован по системе жестких конвейеров.

— Как, как ты сказал?

— Это звучит немного странно,— улыбнулся Рашков,— но очень скоро ты во всем разберешься.

На одном из пересечений они пересели на движущийся тротуар концентрической улицы и доехали до срединного входа в двенадцатизэтажный дом. Конвейерный лифт поднял их на десятый этаж. Высокий седой человек с добродушным и немного застенчивым взглядом голубых глаз и неторопливыми, но удивительно спорными движениями и жестами приветливо встретил их, с открытым любопытством разглядывал Герду.

— Да, да,— ответил Рашков на его невысказанный вопрос,— это она самая и есть. Та, которой мы обещали восстановить руку.

— Стефан Сковорода,— представился Герде хозяин, вводя гостей в залитую солнечным светом квадратную комнату. Она показалась Герде тесноватой.

— Радуюсь,— сказал Сковорода, и все его лицо, изрезанное сеткой тонких морщин, расплылось в улыбке,— знаю, как ты, Николай, всегда занят...

— Вот и выходит, что ты страшный эгоист,— отозвался Рашков,— знаешь, как я занят, и радуешься, что я оторвался от нужных дел, а они пока стоят.

— Радуюсь,— упрямо повторил Сковорода,— что ты отдыхаешь, а то ведь ты не умеешь отдыхать. И еще радуюсь потому, что ты, хоть и занят, все-таки в кои веки навел меня.

Герда с удовольствием следила за дружеской перепалкой. Она видела, как тепло встретились старые друзья, и поняла, что они крепко любят друг друга. И ей стало так приятно в этой атмосфере дружбы, что она почувствовала невольную улыбку на своем лице.

— Ты неправ, Стефан,— уже серьезно сказал Рашков,— отдыхать я умею. Разве отдых в том, чтобы ничего не делать? Я обычно перехожу от одного занятия к другому и потому чувствую себя отлично. Однако,— добавил он,— соловья баснями не кормят. Мы с Гердой дома не позавтракали.

Оглядывая комнату, Герда видела, что и ее хозяин умеет отдыхать: к одной из стен была прикреплена шведская стенка, с потолка свисали кольца.

Она поняла также, почему комната сразу показалась ей тесной: в разных местах ее стояли три больших стола, и все три были завалены чертежами.

— Это мое рабочее помещение,— сказал Скворода.— А теперь пройдем сюда.

Он ввел гостей в комнату поменьше, но так же весело освещенную. Комната не больше первой, однако выглядела просторнее, потому что в ней не было громоздких столов. Здесь было очень уютно. Не оттого ли, что на специальных подставках стояло в вазонах много живых растений? Среди них Герда с удовольствием увидела только что распустившийся пышный куст белой сирени. На маленьком столике в аквариуме суетились яркие головастые и зубастые обитатели, воздушная машинка тихонько попыхивала, вода пузырилась.

Значит, Скворода — любитель живности!

Герда подошла к сирени, вдохнула ее тонкий аромат, такой неожиданный и радостный в зимний день.

— Ну,— сказал Скворода,— заказывайте завтрак, я заранее присоединяюсь к выбору моих гостей.

Герда нажала кнопку текущего меню на вделанной в стену дощечке цвета слоновой кости. Тотчас проступил столбец отчетливых строк. Рядом с названием каждого блюда и напитка стоял его шифр. Пробежав взглядом список, Герда не стала вызывать следующую серию.

— Здесь как раз все мое любимое. Думаю, и вам понравится.

Пользуясь шифром, она сделала заказ. Через несколько минут внутривитринный конвейер подал на выдвижной столик выбранные ею блюда: розовую массу, которая консистенцией, вкусом и запахом напомнила бы отдаленным предкам самую нежную лососину; паштет; синтетические сливки с фруктовыми соками; душистый хлеб, похожий на тот, каким питались люди двадцатого столетия; и крупные, очень сочные груши с тонкой, чуть жестковатой кожицей.

Мужчины одобрили выбор Герды. Все с аппетитом закусили.

— Ну что ж,— сказал Скворода,— вчера с Николаем я виделся по теле, цель вашего посещения мне известна. Могу начать объяснения хотя бы с пищевых конвейеров,

— Но это же не новость,— заметила Герда.— Где их нет? Разве что на Венере.

— Все дело в том, где и как расположены конвейеры,— возразил Сковорода.— В нашем городе все доставляется в квартиры из своего же дома. Вот посмотри-ка.

Он вышел в первую комнату, гости последовали за ним.

Почти не глядя, Сковорода взял с одного из столов лист с чертежом, развернул его и приложил к стене. Лист повис, удерживаемый присосками.

— Вот разрез нашего города. Независимо от числа этажей полуподвальные и первые этажи всех домов распланированы одинаково. Через полуподвальное кольцо концентрическими кругами идут два грузовых конвейера. Отсюда со складов подается все нужное для магазинов и столовых, те и другие на первом этаже.

— А склады где? — спросила Герда.

— Склады, фабрики пищи, производственные комбинаты — на специальном кольце, оно находится между каналом и внешней парковой зоной — заповедником. А оттуда идут вытянутые эллиптические конвейеры наперерез круговым, примерно так, как орбиты комет пересекают орбиты планетные. В нужном месте груз автоматически переваливается с радиального конвейера на круговой.

Ну, а дальше как во всех городах: в каждом магазине оборудованы, тоже на конвейерах, наклонные полки с товарами, в столовых — с готовыми блюдами. Чтобы получить нужную вещь, пищу, лекарство, достаточно соединиться с магазином, столовой или аптекой и набрать шифр требуемого предмета. Автомат достанет его и через лифт и внутрисстенные транспортеры подаст к месту вызова.

— Но я уже уловила разницу,— заметила Герда,— у вас все дело в круговых конвейерах.

— Вот именно. Хотя у нас есть, как видишь, и эллиптические. Ими оборудованы и дома на радиальных улицах. Эти дома устроены так же, как на круговых улицах. В их подвальных этажах тоже непрерывно движутся конвейеры, только здесь они не круговые, а вытянуто-кольцевые. Они закругляются в обоих концах улицы. Если какой-нибудь груз надо срочно передать с кольцевой улицы на радиальную, то в месте отправления дежурный диспетчер нажимает соответствующую кнопку и груз переходит.

— А почему,— обратилась Герда к Рашкову,— ты сказал: «Важно, чтоб в каждом квартале жило одинаковое количество людей»?

— Это для того,— ответил за него Сковорода,— чтобы можно было спланировать на разные отрезки времени потребность в продуктах, вещах и обслуживании. Это существенно для равномерной работы конвейеров.

— Значит, когда строили город, уже определили, сколько будет жителей?

— Да. Примерно шесть миллионов. Организация пространства,— продолжил свое объяснение Сковорода,— неизбежно совпадает с организацией времени. Жесткие кольцевые конвейеры, идущие через полуподвальные этажи, перевозят не только грузы, но и людей. Вступив на такой конвейер или на уличный движущийся тротуар, заранее с точностью до секунды знаешь, сколько времени займет передвижение до намеченного пункта. Каждый склад, магазин, столовая получают грузы от производственных комбинатов в точно определенное время. Это очень упрощает их работу. Ну, а жителей снабжают в любой момент по требованию.

— А теперь скажи,— неожиданно спросил он Герду,— понравился ли тебе наш город?

Она ответила не сразу:

— Кажется, да. Не успела привыкнуть. Я в таких городах еще не бывала.

И опять, помолчав немного, добавила:

— Его красота своеобразная... Геометрическая. Круги, радиусы. Они правильные. А с ними чудно сочетается капризная прихотливость перепутанных белых линий. Это снежное кружево деревьев, кустов. Оно очаровательно. Получается красота контраста.

Сковорода указал на один из заваленных чертежами столов.

— Такой город мы проектируем для Венеры...

— Для Венеры! — повторила Герда. В ее восклицании слышался восторг. И легкая грусть...

— На Венере,— говорил Сковорода,— еще не скоро вся поверхность будет приспособлена для жизни. И потому на первых порах лучше сосредоточить больше людей в одном месте и там создать наибольшие удобства. А впоследствии, конечно, и на Венере будут самые разные города.

— Это вы хорошо придумали... кольцевой город,— резюмировала Герда.

— Придумали не мы, а русский инженер Георгий Марсаков еще в первой половине двадцатого века. Мы лишь кое-что изменили в применении к современным условиям.

По предложению Сковорода решили проехать по городу.

Движущийся тротуар шел совершенно бесшумно. Да и во всем городе не было слышно шума от транспорта или каких-либо механизмов. Можно было услышать только людские и птичьи голоса. Прикрыв на мгновение глаза, Герда почувствовала себя словно в лесу: такой же чистый и свежий морозный воздух, тот же птичий щебет, пересвист, перещелк, журчание, бульканье, перезвон.

— Приехали! — сказал Сковорода.

Они очутились возле круглого здания.

— Опять круг! — весело воскликнула Герда.

— Кольцевой гараж, — пояснил Сковорода.

Узнав из настенной таблички, что в гараже есть свободные электромобили, он нажал кнопку вызова. Кольцевой конвейер подал машину в коридор, оттуда она своим ходом вышла наружу.

Сковорода сел за руль и повез своих друзей по городу. Они проехали по круговым и радиальным улицам, паркам, вдоль покрытого льдом и снегом кругового канала, пересекли центральную площадь. Машина шла медленно, и сидки обменивались приветствиями со встречными горожанами.

Герда взглянула на Рашкова, у него был как бы отсутствующий взгляд. Она уже достаточно хорошо знала его, чтобы понять: это он отдыхает по-своему — обдумывает какую-то новую идею, не имеющую прямого отношения к его повседневным занятиям.

Пообедали в общественной столовой. Тут, правда, Герда ничего особенно нового не увидела, разве только то, что и столовая была круглой. Удобные столы и стулья медленно двигались на жестких конвейерах по концентрическим кругам. Герда, Рашков и Сковорода заняли места рядом. На круглом столе мимо них на ленте медленно проходили различные блюда. Они снимали те, что им нравились.

На обратном пути Герда искоса поглядывала на Рашкова. Он ласково улыбался ей, но продолжал о чем-то сосредоточенно думать.

Какая новая идея захватила Рашкова, Герда узнала в один из ближайших дней, когда он пригласил ее зайти к нему домой.

— Конечно, если ты свободна, — добавил он.

Герда была свободна. К ее глубокому огорчению, она теперь всегда имела слишком много свободного времени. Правда, она читала, слушала музыку, смотрела спектакли, кинокартины. Заочно посещала музеи. Для всего этого достаточно было включить телеаппаратуру в просмотрной комнате и набрать индекс любого театра, концертного, лекционного зала, музея. Тотчас вы оказывались как бы внутри нужного помещения. Стены просмотрной комнаты исчезали. Вы могли находиться в театре или ходить по залам музея, подходить к картинам, статуям, рассматривать их, слушать лекции как бы в многолюдном обществе. Создавалось полное впечатление присутствия в избранном месте; не было лишь осязательных ощущений. Посещая по теле парк, лес, оранжерею, не только любовались растениями, но и ощущали аромат цветов, живительный запах хвои. Вот только цветок не сорвешь на расстоянии...

Можно было содержательно заполнить все свое время. Но кого может удовлетворить лишь пассивное времяпрепровождение? И не раз Герде приходил на память Мерсье в тот ужасный для него период.

Однако лечение надо же довести до конца! А мысль об успешном лечении неизменно связывалась с обликом Рашкова, и потому его образ становился для Герды все привлекательнее. А может быть, и не только потому?

Странно, Рашков не поднялся ей навстречу со своей широкой радушной улыбкой. Да и сидел он не за столом, а спиной к двери, к Герде, за мультитоном. Улыбка все же была. Она отразилась в зеркале, висевшем перед Рашковым. Но вместе с ней на лице его присутствовало знакомое Герде задумчиво-сосредоточенное выражение.

Герда остановилась в выжидательном молчании, она привыкла, что Рашков, не давая вымолвить слова, весело приветствовал ее первый. Но вместо этого он коротко пробежал пальцами по нескольким клавишам. Звук получился веселый, располагающий, как дружеское приветствие. Герда невольно улыбнулась и ответила:

— Здравствуй, здравствуй!

Рашков и теперь не поднялся с кресла, только полу-обернулся и вновь коротко пробежал по клавишам. Теперь звук был такой же приветливый, но с явно выраженным вопросительным оттенком. О чем же он спрашивает?

Да нет же, она отлично поняла о чем! И ответила: — Хорошо, хорошо, великолепно себя чувствую!

Рашков опять коснулся клавиш. И она опять сразу поняла: он выражает удовольствие по поводу ее хорошего самочувствия.

Потом снова тронул клавиши.

Герду захватила эта игра. Нет, она не переспросит, ей хочется догадаться, о чем он...

Пожалуй, сразу не догадаешься. Она напрягает слух. И внимание. И воображение.

Музыкальные звуки как бы исходят из одного центра. Расходятся кругами. Сквозь них пробиваются птичий щебет и людской говор. Круги — словно по воде от брошенного камня. Смутное движение. Тема движения усиливается. Она пронизывает все. И опять звуки расходятся кругами.

Что это ей напоминает?

Да, чудесный, своеобразный город Марсаков!

И в конце вопросительная нота.

— Да, да, — восклицает она в ответ, — очень понравился!

Но ей недостаточно этого. Она быстро подходит к инструменту, пробегает по клавишам. Это музыкальное «да» отличается от словесного, оно гораздо эмоциональнее.

Рашков наконец встал.

— Мне нравится эта музыкальная игра, — сказала Герда, — оказывается, приятно понимать и говорить без слов.

— Это не игра, — возразил Рашков.

— А что же?

— Пытаюсь создать новый, общечеловеческий язык, — серьезно сказал он.

Герда удивилась:

— Но ведь люди по всей Земле отлично понимают друг друга.

— Но вполне ли мы понимаем друг друга? — спросил Рашков.

— Конечно.

— А я сомневаюсь. Есть такие оттенки...

— Их можно передать только музыкой,— почти машинально продолжила его мысль Герда.

— Вот в том-то и дело.

— Так что же? Дополнять слова мультитоном? Носить его с собой?

— А хотя бы!

— Вот этот?

Рашков улыбнулся:

— Ну почему же непременно этот? Есть ведь портативные. Миниатюрные. Да и почти в каждом помещении имеется инструмент.

— И переговариваться звуками?

— Тебе это кажется странным?

Герда задумалась, потом сказала:

— Что странно — неважно, дело привычки. Но не все можно выразить без слов. Например, отвлеченные понятия.

— Что ж,— возразил Рашков,— значит, будет комбинированная речь. Мы и сейчас многое выражаем интонациями. Одно и то же слово получает разные значения. И все же этого очень мало. Особенно остро всегда чувствовали бедность слова поэты. Вот только из русской поэзии. Один старый поэт в отчаянии воскликнул:

*О, если б без слова
Сказаться душой было можно!*

Другой писал:

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.*

Третий сказал:

Муки нет сильнее муки слова!

«Муки слова» — это стало даже крылатым выражением. Разве каждый из нас не переживает их иногда?

— О да!

И она замолкла, прислушиваясь к самой себе, к своим ощущениям.

Да, можно ли передать словами то, что происходит с ней?

Чем бы она ни была занята, она все время чувствует ту огромную работу, которая происходит в ее организме. А когда ничем не отвлечена — тем более. Иногда ей кажется, она ощущает, как усиленно размножаются

клетки в руке, как подаются сюда кровь, лимфа, выделения желез.

После каждого сеанса электрического раздражителя, после каждого приема питающих ткани препаратов она с новой силой чувствует эту происходящую в ней жизненную игру.

Или это воображение?

Как передать все это словами?

Можно. Но не то, не то. Грубо, примитивно, приблизительно!

Она и не сказала больше ни слова. Подошла к инструменту.

Когда-то музыка была уделом немногих. Далеко не все ее понимали. А еще меньше людей играли на инструментах, пели.

Теперь иначе. Люди усваивают язык звуков одновременно с языком слов и языком рисунка.

Она коснулась клавиш.

Рашков слушал с сияющей улыбкой.

Герда не имела особых способностей к музыке. И все же она сумела сказать звуками гораздо больше, чем словами. Он понял этот подъем, эту радость жизни, которая у выздоравливающего организма всегда полнее, ярче.

— Вот видишь! — сказал он.

— Да, — ответила Герда, — но так вот... музыкой... и теперь каждый может. Что ж тут нового?

— Надо этот способ углубить и усложнить, — сказал Рашков, — так, чтобы все можно было сказать звуками. Чтобы книги печатались не только буквами, но рядом с ними... или сверху, что ли... и нотами, вернее, особыми нотными значками. Насколько точнее, глубже, тоньше тогда будут передаваться мысли и чувства автора, характеры действующих лиц, их переживания!

— Вот это верно!

— А потом, — продолжал Рашков, — уже намечаются полеты к иным солнечным системам. В нашей нет разумных существ, кроме земного человека. Но где-то должны же быть. Как с ними объясняться? Я уверен: если язык музыкальных звуков разработать так, чтобы он передавал малейшие оттенки мыслей и чувств, он будет понятен каждому мыслящему существу, лишь бы только оно имело орган слуха.

— Но, — вспомнила Герда, — я читала, был спор: возможна ли мысль без слов?

— Все дело в том, — ответил Рашков, — что называть

мыслью. Мне хорошо с тобой! — и при этом он так весело смотрел в ее глаза.

«Мне тоже!» — хотела было она радостно воскликнуть, но Рашков спросил:

— Что это — мысль или нет?

— Пожалуй, мысль...

— А можно это выразить музыкой, без слов?

— Наверно, даже лучше! — воскликнула Герда. Потом вдруг рассмеялась и сказала:

— Ну вот... Прилетели на чужую планету. Там мыслящие существа. И какими же музыкальными звуками сказать им: скорость света такая-то? Или атом урана — сколько в нем электронов.

— Ну, это-то легче всего. Тут никаких нот и не надо. Чертеж, цифры, символические знаки.

Герда не сдавалась.

— А как ты скажешь музыкой: смелость мысли — лучшее свойство человеческой натуры?

— Можно сказать. Но я ведь говорил — нужно и слова оставить. Пусть новый язык состоит из слов и музыкальных звуков.

Рашков раскрывался для Герды с новой стороны. Мечтатель, фантазер? Может быть, его идея о словесно-музыкальном языке ошибочна? Может быть, в ней есть здоровое зерно? Скорее всего, есть.

Но если даже он ошибается... Человечество тем и прекрасно, что не идет проторенными путями.

Рашков прервал ее размышления:

— Люди давно мечтали о всеобщем для всей Земли языке. Об этом еще в семнадцатом веке думал философ Декарт. Немного позднее Уилкинс разработал «философский язык», что-то вроде алгебраических знаков. Мысль о всеобщем языке занимала Лейбница, Вольтера и других выдающихся людей. В конце девятнадцатого века Шлейер изобрел волапук, который одно время был довольно широко распространен. Еще большим успехом пользовался придуманный Заменгофом эсперанто. Теперь исключительно словесный всеобщий язык не так уж необходим. Но что касается...

Необычно сильный звонок прервал Рашкова. На экране показался... Мерсье! Он не очутился в комнате Рашкова, как бывает по земному теле. Но и плоскостное его изображение удивило и обрадовало обоих.

— Откуда ты, учитель? — растерянно воскликнула Герда, хотя совсем не трудно было догадаться. Пьер не

отвечал, губы его не шевелились. Герда не сразу сообразила, в чем дело. Наконец поняла и стала нетерпеливо ждать. Но лишь через бесконечные минуты дошел ответ:

— Откуда же, как не с Венеры!

Глава тридцать первая.
ВСТРЕЧА С УЧИТЕЛЕМ

Изумление Герды и Рашкова вполне понятно. Телепередачи с Венеры велись только из Штаба Освоения. На этой планете еще не было такой аппаратуры, которая допускала бы индивидуальную связь при помощи кольца-телефона или через земной Информационный Центр. Хотя штабные телепередачи транслировались на приемники всей Земли, отдельным людям разговаривать с любым человеком на Земле было еще невозможно. Однако Герда, не успевшая еще прийти в себя, воскликнула:

— Значит, уже?..

Герда ждала с нетерпением, Рашков — со спокойной улыбкой.

— Нет, нет,— наконец возразил Мерсье.— Не так просто.

И в самом деле, для того чтобы связаться с жильем Рашкова, Пьеру пришлось преодолеть серьезные трудности. Они были не технического, а морального характера.

Работа на плантации хлореллы была увлекательна, но не так уж сложна и обременительна. Будь это раньше, до той страшной трагедии, он вряд ли удовлетворился бы ею. Вполне сознавая ее необходимость, он, наверно, искал бы чего-нибудь более трудного, стремился бы не задерживаться в таком спокойном месте.

Но Пьер был уже не тот. Быть может, как в затаенных вулканических недрах, в нем где-то глубоко и буйствовали те силы, которые раньше сделали его инициатором и организатором грандиозных замыслов и свершений. Скорее всего, действительно буйствовали. Но всей своей могучей волей он их подавлял, сдерживал. Он был убежден,— справедливо или нет? — что не должен быть руководителем.

Занимаясь своим рядовым, повседневным и, конечно же, очень нужным трудом, он продолжал тревожиться о Герде, беспокоила его участь Панаита.

Как узнать об их судьбе?

Наконец он решился.

Вот тут и начались трудности.

Не было ничего легче, как заменить его на плантации. Это требовало одного человека самое большее на земные сутки. Пожалуй, даже много меньше. И никакой особой квалификации не нужно на этой работе. Но на Венере каждый человек на счету. Выделить работника взамен Пьера даже на такой краткий срок для Штаба Освоения очень не просто.

И еще одна трудность.

Путешествие на микросамолете до штаба должно было продлиться лишь несколько часов. И столько же обратно. Но плантация не имела своего самолета, это еще недоступная здесь роскошь. Значит, надо просить штаб прислать самолет и, конечно, пилота. А штабные пилоты и без того перегружены.

Мерсье не сомневался, что штаб пойдет ему навстречу, однако это-то и останавливало его. За какие заслуги ему должны разрешить нарушить привычный порядок работы?

Нет, он ничем этого не заслужил.

И все же наконец ему стало невозможно. По теле он обратился к Шоу и, смущаясь, спросил, нельзя ли ему связаться с Землей... В штабе его легко поняли и прислали юношу, который ненадолго сменил его.

Мерсье сначала связался с врачебным кабинетом Рашкова, но там ученого не оказалось. Пьер вызвал квартиру Рашкова и застал не только его, но и Герду — радостный сюрприз.

С волнением вглядывалась Герда в хорошо знакомое и все же новое для нее лицо учителя. Она сразу заметила, что Мерсье сильно изменился. Лицо его стало бледнее, как, впрочем, у большинства землян на Венере, движения и жесты более сдержанны. Но все та же яркость, отчетливость выражения. Сейчас его черты выражают напряженность, нетерпение.

— Что же с Гердой, Рашков? — спросил Мерсье. — Я слышал, ты обещаешь полностью восстановить ей руку...

Долгая, долгая пауза.

— Только не один я, — весело ответил Рашков, — нас много, работающих над этим. Но теперь уж могу сказать твердо: рука будет, и не хуже, чем прежняя.

— И скоро? — нетерпеливо спросил Пьер. Но волей-

неволей пришлось умерить нетерпение в ожидании ответа.

— Нет, не скоро. Может быть, со временем такое лечение будет идти быстрее, а пока еще это очень длительный процесс. Но зато — повторяю! — уже никаких сомнений. В конце концов Герда опять станет твоей полноценной помощницей.

— Ну, это... не знаю... — сбивчиво сказал Мерсье, и лицо его омрачилось.

Но тут же он невольно улыбнулся, глядя на открытое улыбающееся лицо Рашкова, на его словно сияющие светлые волосы. И Герда смотрела на Пьера совсем не так печально, как он ждал. Сразу поняв его состояние и не желая огорчить его банальным сочувствием, она сказала:

— Так или иначе... на Венере буду... А там увидим...

— А Панаит? — тревожно спросил Пьер. — Он так давно уже...

Мерсье мучительно дожидался ответа.

Улыбка исчезла с лица Рашкова.

— С Панайтом дело гораздо сложнее, — сказал Рашков, — мы не знаем, как его лечить.

— Все еще не знаете?

И через долгие, долгие минуты ответ:

— Пробуем. Пытаемся. Ищем.

— А найдете ли? (Какой тяжелый в своей медлительности разговор!)

— Хочу надеяться.

Казалось, Пьер пытается осмыслить эту фразу. Но нет, то радиоволны преодолевают миллионы километров.

— Может быть, его надо доставить на Землю?

Волны идут обратно с сумасшедшей быстротой, похожей на удручающую медлительность.

— Незачем. Все, что можно для него сделать, будет сделано в нашем Венерианском филиале. Отправлять Панайта на Землю — большая и ненужная для него ломка. В филиале, у вас там, он уже привык, да и к нему как-то приновились.

Возвращаясь к себе на плантацию, Мерсье был уже спокойнее, бодрее. Но не только в этом дело: Пьер увидел Герду и убедился... нет, не убедился, а почувствовал, что она переживает душевный подъем. Радость выздоровления? Да, во всяком случае, наверно, и это.

Глава тридцать вторая.
ГЕРДА ВКЛЮЧАЕТСЯ В РАБОТУ

Герду бесконечно радовал процесс восстановления ее руки, но время тянулось бы для нее невыносимо медленно, если бы ей пришлось оставаться без дела.

— У тебя нет медицинской подготовки, но ты могла бы работать у нас лаборанткой, — предложил Рашков.

В небольшом одноэтажном здании, среди густой зелени лесопарка, ее встретила быстрая в речи и движениях светловолосая женщина лет тридцати, Дина Швеллер. Она обратилась к Герде так, словно продолжала только недавно прерванный разговор:

— Знакома ты с проблемой сна?

— Очень мало, — созналась Герда.

Дина начала объяснять:

— Раньше спали часов восемь в сутки. Теперь дватри. Но и этих часов страшно жаль. Более двухсот лет назад философ Бергсон сказал: «Спать — это ничем не интересоваться, не уметь и не желать отвечать и быть спрошенным». Значит, прибавлю от себя, не жить, прозябать. Видишь, как волновала необходимость тратить время на сон людей того времени, когда во сне проводили треть жизни. Но и сейчас мы тратим на него, ну, восьмую часть.

— Это ж неизбежно, — заметила Герда.

— Нет. Физиологи давно уже начали искать причину сна, чтобы в конце концов устранить ее. Еще в начале двадцатого века французы Лежандр и Пьерон (они работали вместе) предположили, что после длительного лишения сна изменяются нервные клетки глубоких слоев лобной области мозга. Они считали, что эти изменения быстро исчезают, когда человек или животное выспится. Лежандр и Пьерон впрыскивали нормально отдохнувшим собакам кровь, сыворотку или спинномозговую жидкость подопытных собак, которым по нескольку суток не давали спать, и у нормальных животных появлялась неодолимая сонливость и изменялись клетки лобной доли мозга.

Таковыми исследованиями занимался несколько позже советский ученый Константин Быков.

Однако скоро выяснилось, что дело совсем не так просто. Введение «сонной жидкости» (ее называли гипнотоксином) вызывало у собак не нормальный сон, а просто отравление, потому что им вводили чуждое их орга-

низму вещество. Даже когда вводили кровь или спинномозговую жидкость вполне нормальных собак, то часто получался такой же результат.

Австрийский ученый Экономо предположил, что в головном мозгу есть «центр сна», который регулирует ритм сна и бодрствования.

Но только Иван Павлов по-настоящему объяснил сущность сна. Он точными опытами доказал, что сон — это тормозной процесс и что его можно вызвать искусственно. Павлов писал: «Корковая клетка под влиянием условных раздражений непременно рано или поздно, а при частых повторениях очень быстро, приходит в тормозное состояние». В другом месте он говорит: «Сон и то, что мы называем внутренним торможением, есть один и тот же процесс».

— А торможение отчего? — спросила Герда.

— Ты правильно поставила вопрос, — ответила Дина. — Оказывается, причина не так проста. Во-первых, рефлекс. В течение множества поколений уже выработался определенный ритм смены сна и бодрствования. Затем — отсутствие внешних раздражений. Засыпанию способствуют тишина, темнота, покой.

Потребность во сне можно кое в чем сравнить с потребностью в пище. В определенные часы хочется есть по привычке.

— Но постой, — возразила Герда, — долго не ешь — захочется есть. Не только из-за рефлекса. Нужна же пища восстановить силы?!

— Я и сказала, — подтвердила Дина, — дело не так просто. Конечно, организм нуждается во сне. А почему? Несомненно, нервные клетки, как и мышечные, устают, от длительной работы изменяется и их химический состав.

— Значит, Лежандр и Пьерон все-таки правы?

— Не совсем. Они упрощали дело. Только через много десятилетий нашли состав, восстанавливающий нормальный химизм клеток. Теперь-то мы им широко пользуемся. Но еще пришлось основательно поработать, чтобы устранить рефлекс привычки ко сну. Этим занималось не одно поколение физиологов.

— Так почему все же спим?

— По-видимому, состав несовершенен, — уверенно объяснила Дина. — Но с этим нельзя примириться.

— Нельзя, — повторила Герда.

Дина улыбнулась:

— Значит, будешь вместе с нами бороться?

— Буду.

Сантиметр за сантиметром увеличивалась рука Герды, и в то же время постепенно вырабатывался навык все больше обходиться одной правой.

Опыты на собаках давно уже были закончены. Теперь подопытными были человекообразные. Герда помогала впрыскивать вновь разрабатываемые составы обезьянам, изучать под микроскопом тончайшие срезы мозгового вещества. Она старалась осмыслить полученные данные, делать обобщения, выводы. Черновая работа понемногу перерастала в самостоятельную.

Все чаще ей приходилось обращаться к книгам. Возникал какой-нибудь вопрос — она вызывала Информационный Центр, узнавала, какие новые или старые труды отвечают на этот вопрос. Затем вызывала библиотеку Института комплексной медицины, сообщала автоматическому библиотекарю шифр нужной книги, и через несколько минут транспортер доставлял ее, в стене откидывалась заслонка, лопаточка мягко клала книгу на стол и втягивалась обратно.

Читая книги, работая с препаратом, восстанавливающим химизм нервно-мозговых клеток, Герда постепенно приходила к выводу, что он по своему составу уже является совершенным.

«Но тогда почему ж спим? Разве нельзя полностью отказаться от сна? Все ли дело теперь только в препарате? Может быть, Дина ошибается, есть другая причина, кроме химических изменений... действие этой причины надо преодолеть».

Герда не решалась заговорить с Диной о своих сомнениях. Она справедливо считала себя еще слишком малокомпетентной в этой области по сравнению с теми, кто имеет специальное образование и давно уже работает.

Глава тридцать третья. **ЗАДАЧА РЕШЕНА**

Эти размышления прервал рокочущий басок. Он говорил с мягкой укоризной:

— А ты ведь нарушаешь предписанный тебе режим лечения!

Она вскинула глаза. Улыбающийся Рашков сидел прямо против нее, отделенный только метровой шириной стола.

— Ох! — произнесла она, — не заметила...

Чуть не сказала «как ты вошел», но ведь он в своем кабинете.

Рашков продолжал:

— Забываешь, что ты еще не совсем здорова. Надо помогать восстановительным силам организма. Тебе пока не следует так увлекаться работой. Ты должна соблюдать ритм труда, отдыха, сна.

Сна? А может быть, он и вовсе не нужен.

Она это не сказала, только подумала.

— Пойдем-ка погуляем в лесопарке, — предложил Рашков.

И вот они снова среди этих деревьев и кустов, но теперь совсем иных. Творящим дыханием весны напоена природа. Невидимый за густой зеленью, сгорает закат. Лиловые и белые гирлянды сирени пахнут трепетно и нежно. С утомленным, ровным гудением пролетела одинокая пчела. Еще неуверенно, словно настраиваясь, где-то вблизи и вверх начал свою песню соловей и смолк.

Прихотливая тропинка завела их в глубокую чащу. Кругом ни души, словно ближайший город за тысячу километров.

Они вышли на маленькую поляну. Мощные раскидистые дубы вперемежку с белеющими березами и пирамидальными елями обступили ее.

Закат, верно, совсем сгорел. Прозрачные сумерки начали вытеснять яркий день. Тишина стала еще глубже. Синее безоблачное небо медленно холодело, зеленело. Четче вырезался лунный серп. И там, над лесом, проступила вечерняя звезда.

С незапамятных времен обращало к ней взоры человечество. Вечерняя и утренняя, она радовала его своим блеском и красотой, недаром назвали ее именем богини красоты и любви. Загадочная, веками она пленяла воображение. Когда люди уже почти все знали о Марсе и все о Луне, еще мало было известно о Венере.

Но разуму и воле человека нет преград. Сперва советская «Венера-4» села на таинственную планету. Затем ее облетели снаряды-роботы.

А позже — первые посещения людей.

И вот теперь мощный отряд человечества, вооруженный последними достижениями техники, с огромными

трудностями, с риском для жизни переделывает природу своевольной планеты, готовит ее к заселению. А она, Герда, хотя и занята здесь полезным делом, находится в полной безопасности...

И все же... не только печаль.

Рука растет.

И Рашков...

Он ласково касается сильно удлинившейся культи.

— Только не совсем понимаю,— говорит Герда,— ну, рука удлиняется. Вижу, чувствую. Но почему ее развитие — в строго предопределенных формах? Растут кости. Вырастет запястье, кисть, все мелкие косточки, пальцы, ногти. Все расположится нормально, займет свои места...

— Сомневаешься?

— Теперь уж нет.

— Ну и тем более удивляться не следует. Тебя ведь не удивляет, что из семени развивается то, чего в нем нет. Определенная форма данного вида с характерными для него корнями, стеблем, ветвями, листьями, цветами, с определенным циклом развития. Не удивляет, что из крошечного яйца вырастает полный животный организм со скелетом, мышцами, мозгом, нервами, кожей, волосами, органами пищеварения, внутренней секреции, размножения, с наследственными инстинктами, повадками. А ведь все это гораздо сложнее, чем одна рука.

— Правда,— задумчиво говорит Герда.

Полнота ощущения жизни все более захватывает ее. Наверно, это и оттого, что, хотя Герда вынуждена была вернуться на Землю, она и здесь нашла для себя творческий труд. Здесь, в Институте комплексной медицины, где разрабатываются все новые и новые проблемы. И она начинает приобщаться к разработке их, правда, еще первыми, робкими шагами...

Или все-таки главное сейчас — Рашков?

Он смотрит на нее такими ласковыми, доброжелательными глазами — о нет, не только доброжелательными.

И тут вечернюю тишину прорвали звуки.

Сначала тихие, нестройные.

Это опять попробовал музыкальное горло соловей.

Он настроил свой инструмент и уже уверенно, властно наполнил лес пением. Негромкое, оно казалось необычайно сильным. Короткое щелканье, разливистые рулады, ритмичный щебет, звон тончайших колокольчиков сменяли друг друга. словно произвольно, случайно менялись и переходили друг в друга ноты, звонкость, тембры.

И в то же время было в них что-то неуклонно закономерное, словно подчиненное замыслу композитора.

Тысячи лет назад пели соловьи. Тысячи и сотни лет назад слушали их люди и всегда с замиранием сердца, с восхищением перед великим композитором — природой. И еще через многие тысячи лет вот такими же ароматными вечерами будут слушать эту песню. И на Венере, и на Марсе будут — будут! — петь соловьи.

Поэты и прозаики пытались описать соловьиную песнь. Знатоки делили ее на «колена». Но нет никаких «колен». Есть только мощная, торжествующая, наполняющая весь благоговейно прислушивающийся мир песня любви.

Когда Герда, придя к Дине, стала сбивчиво излагать ей свои соображения относительно антисонного препарата, она с изумлением увидела, что и Дина тоже смущена. От ее авторитетного тона не осталось и следа.

— Да, — сказала она, — наши гипнологи окончательно убедились, что дело не только в препарате.

— Так почему ж спим? И клонит ко сну?

— Знаешь, — сообщила Дина, — они пришли к выводу, что все же не удалось еще окончательно преодолеть рефлекс.

— Что ж, нет выхода? — разочарованно произнесла Герда.

Дина вынула из стенного шкафчика рулон пленки и положила его перед недоумевающей Гердой.

— Что это?

— Запись биотоков коры головного мозга нормально бодрствующего человека.

— И что же?

— Ее подключают к мозгу другого человека или того же самого, когда наступает час его периодической потребности во сне. Подключают после приема антисонного препарата. Одну и ту же запись можно использовать много раз.

— Думаешь, окончательно уничтожит потребность во сне?

— Уничтожает. Уже доказано. Оказывается, в то время как мы работали, пытаясь улучшить состав антигипнотоксина, другая группа физиологов производила на себе эти опыты. Они не спят уже по неделе и больше и чувствуют себя великолепно.

— А это, — спросила Герда, — чьи ж биотоки?

— Мои собственные,— ответила Дина,— я на себе их и испытываю. Впрочем, что же испытывать? Уже ясно. Этот метод скоро начнем широко применять.

— И как токи действуют?

— Они подавляют и заменяют собой те биотоки, которые излучает кора головного мозга в период возникшей потребности во сне. Дело в сущности не новое. Ведь давно уже лечат биотоками здорового человека самые разные заболевания: нервные, сердечные, многих внутренних органов. Больное, аритмичное сердце начинает нормально биться. Больные секреторные железы начинают правильно работать. Особенно благотворно воздействие заимствованными биотоками на центральную нервную систему, да это и не удивительно: мозг командует всеми функциями организма.

— Можно и мне? — спросила Герда, указывая на рулон.

— Нет. Этот метод еще не введен в общее употребление, а Рашков запретил подвергать тебя каким бы то ни было экспериментам, пока не закончено лечение: уж очень оно сложно.

Рашков. Едва Дина назвала это имя, разом исчезло все: и лаборатория, и пленка, и Дина — остались только глубокие глаза Рашкова, почему-то лишенные цвета, темные, как манящая бездна.

«Рашков. Но ведь он намного старше меня.

Ну так что ж? Для кого это имеет значение, кроме Информационного Центра?»

И вот Герда вновь сидит против Рашкова в его кабинете. Его предок, до удивления похожий на него, смотрит со стены с той же приветливой, ободряющей улыбкой. На стол, на пол и противоположную стену легла широкая полоса солнечного света. За окном вьются первые снежные пушинки вновь наступающей зимы. Очень легкие, они нерешительно колеблются в воздухе, прежде чем лечь на землю, на крыши, на деревья.

Обе руки Герды лежат на столе. Нормальные человеческие руки.

— Завтра улетаешь,— сдерживая себя, почти без всякого выражения говорит Рашков.

Герда молчит.

— Ты счастлива?

Теперь в его тоне появилось выражение, как бы оттек нок упрека.

Еще короткое мгновение молчания. И ответ:

— Конечно. Как же иначе? Снова вступаю в строй.

— Разве на Земле нет для тебя дела?

— Как могу не вернуться туда? Будет отступлением.

И не смотри на меня так, не за пределы Солнечной системы улетаю!

Глава тридцать четвертая. **ОЩУТИМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ**

Прошло несколько лет.

По всемирному вещанию было передано важное сообщение: в освоении Венеры сделаны первые значительные успехи. Количество кислорода в атмосфере продолжает увеличиваться, хотя его все еще мало. Содержание водяных паров заметно возросло, а углекислоты — уменьшилось, правда, пока недостаточно.

Шаг за шагом жизнь на Венере приближается к земной. С уменьшением количества углекислого газа медленно понижаются температура и атмосферное давление. Благодаря станциям перемешивания и очистки атмосферы становится меньше водяных паров в верхних слоях. Среди облаков изредка появляются просветы, и ослабевает парниковый эффект.

Очевидно, сравнительно скоро температура и давление уменьшатся настолько, что из облаков хлынут обильные горячие дожди. Они будут сопровождаться усилением гроз, и без того невероятно мощных. Это будет страшный разгул стихий. Но ведь он предусмотрен. Меры принимаются. Жилье и все другие сооружения и аппаратуру обезопасят от наводнений. Стихия в буквальном смысле войдет в берега: уже подготовлены лежа будущих морей, определены их размеры, контуры, глубины. Проложены русла рек.

Постепенно моря станут остывать, в них начнет зарождаться жизнь. Но люди не будут ждать миллиарды лет ее естественного развития. Они сами заселят нужными организмами воды Венеры, ее сушу, ее леса, сады и степи, которые они создадут.

Много еще шагов должны сделать люди для освоения планеты. Но поступь человечества неуклонна.

И Ольге пришлось в голову... Представим себе: на Венере вырастет большая ветвь земного человечества, Постепенно жизнь войдет в норму.

И пожалуй, там заблаговременно нужно начать создавать исторический музей. Как филиал земного. И со своим особым отделом истории завоевания Венеры.

В Мировом Совете эту мысль одобрили и поручили Ольге организацию музея. Поставили условие: она должна отправиться на Венеру, чтобы своими глазами увидеть первый период ее освоения.

Мировой Совет находит, что поселенцы Венеры не должны терять преемственную связь с жизнью Земли. Их будущие поколения станут изучать историю близких и далеких предков на материале нового музея.

О помощниках в строительстве музея, а затем и в работе его позаботятся на месте.

Итак, она будет на одной планете с Пьером!

И все же...

Оставалось еще одно обстоятельство, которое сильно тревожило Ольгу. Расстаться с дочерью — к этому она внутренне себя подготовила. Но как отнесется к этому Анна? Ведь она и с отцом уже рассталась надолго.

Да, Анна огорчилась. Но все же не настолько, как боялась Ольга. Совсем новое чувство захватило Анну.

Ольга внимательно присматривалась к мужу. Он сильно изменился. И не только похудел, не только выглядел утомленным — этого она ждала. Но все эти годы Пьер жил в ее памяти таким, каким был до катастрофы. Короткие письма ничего не меняли в ее представлении о нем. И потому ее болезненно поразила перемена в Пьере — отсутствие прежней стремительности, порывистости, замедленный по сравнению с прежним строй движений, речи, мыслей.

Но они встретились сперва ненадолго: у Пьера своя работа, а Ольге надо было безотлагательно отправиться на строительство музея.

И все-таки она теперь на одной планете с Пьером!

Место для музея было выбрано на высоком плоскогорье. И это плато, и его окрестности выглядели непривлекательно, да и где на Венере можно найти приятный для глаза пейзаж?

Кругом разворошенный, вздыбленный, выбитый из недр вулканическими силами рыжий камень. Недалеко от площадки, где сел доставивший Ольгу микросамолет, плоскогорье круто обрывается, и там, внизу, все то же нагромождение камней, потоки застывшей лавы.

Но здесь уже расчищена площадь для строительства. Тоскливый дневной свет вдруг стал ярче. Ольга подняла голову. Небо было, по обыкновению, закрыто тяжелыми, густыми, низко плывущими облаками. Но на западе открылась чистая глубокая синева. Там засияло солнце. И тотчас же исчезло.

На Земле так часто видят солнце. Пусть не такое большое, как здесь, зато ласковое, доброе, щедрое. А здесь его появление — все еще редкость!

Милая зелень лесов, садов, полей! Аромат земных цветов! Земные растения, животные, птицы, насекомые — все то, что составляет неповторимый колорит Земли, лицо родины и колыбели человечества.

Ну что ж? Разве не для того она и покинула все это, чтобы принять участие в создании здесь новой Земли, быть может, еще более прекрасной?

Ольга вместе со своими новыми друзьями — девушками и юношами — занялась строительством. Хотя первоначальная работа и не требовала особой квалификации, сюда направили тех, кто интересовался по преимуществу историей. Они, по всей вероятности, останутся работать в музее.

Оглядывая внимательно место, назначенное для его постройки, Ольга не могла не оценить удачный выбор. В ее распоряжении уже был план всего комплекса здания и окружающей местности, такой, как она будет выглядеть после завершения реконструкции планеты.

Огромная ровная площадь. Прекрасный вид вниз, на будущие дальний лес и степь. Запроектированная широкая река, которая прорежет их и вольется в море. Берег его будет недалеко. Вокруг музея раскинется парк.

Уже многие дома на Венере, опирающиеся на упругие первые этажи, отлично выдержали сильнейшие землетрясения. Не менее устойчивы и здания на рессорах. Постройки этих типов и будут воздвигнуты на территории музея. Он не должен быть копией земного. Об этом позаботятся зодчие. Им предстоит создать оригинальный и выразительный архитектурный комплекс.

Он будет готов не скоро. Но радость созидания начинается с первого же дня — сегодняшнего.

Ольга подняла голову. Все те же тяжело плывущие грузные, непроницаемые облака...

Шоу вызвал к теле Пьера. Тон председателя Штаба Освоения Венеры был суховат, официален.

— Пьер Мерсье,— сказал он,— удовлетворен ли ты своей работой?

— Да,— ответил Мерсье,— а главным образом тем, что вообще работаю.

Шоу пристально глядел на него.

— А мы не удовлетворены,— сказал он.— Каждый человек должен давать обществу все, на что он способен. А ты на рядовой работе. Мы предлагаем тебе другую.

— Какую? — настороженно спросил Пьер.

— Ты должен войти в Штаб Освоения, стать моим ближайшим помощником. А еще лучше — занять мое место. Ты к этому более способен, и знаний у тебя неизмеримо больше.

— Нет! — вырвалось у Пьера.

— Почему?

— Я не могу... не знаю... но не могу.

Шоу нахмурился.

— Никто не может заставить тебя работать там, где ты не хочешь. Но подумай. Как бы у тебя не возникло чувство неудовлетворенности.

Он отключился.

Пьер долго и мучительно думал.

— Нет,— сказал он самому себе.— Я не тот. И наверно, уже не буду таким, как прежде. Это хорошо, я многое понял. Но не чувствую себя вправе стать руководителем.

Он, пожалуй, не мог бы объяснить себе, почему не вправе, но знал: это так.

Вскоре после разговора с Шоу Пьер принимал у себя дорогую гостью — Ольгу. Они не могли еще на Венере жить вместе. Собственно, почему не могли? Пьер выполнял несложную работу, какую можно было бы найти и вблизи строительства исторического музея. Да, но для этого надо было бы обратиться в Штаб Освоения с просьбой опять перебросить кого-то вместо него на другое место, и притом уже не на короткий срок. Здесь и без того люди не пользуются такой свободой выбора места работы и жительства, как на Земле. Нет, нет! Не нужно ради своего удобства просить лишний раз перебрасывать человека!

А Ольга, его чуткая Ольга, он знал, отлично его понимала, хоть они и ни разу друг с другом не заговорили об этом.

Чтобы от строительства музея добраться до Северного полярного района, Ольге пришлось дожидаться попутного самолета. Затем она пересела на рейсовый самолет местного сообщения.

На этом полушарии несколько часов назад началась долгая венерианская ночь. Машина шла выше облачного слоя. Блестели, медленно мерцая, крупные звезды. В западной части неба все ярче и ярче разгоралось полярное сияние. Оно охватило огромное пространство и было похоже на пелену с разорванными зубчатыми краями. Пелена колебалась, она словно жила и дышала и была так прозрачна, что сквозь нее просвечивали звезды и даже часть Млечного Пути. Сначала пелена была пепельного цвета, потом в ней стало зарождаться голубовато-розовое свечение, сперва в глубине, затем начало выбиваться на поверхность, постепенно усиливаясь и все заметнее окрашивая ее.

А внизу неровные, бугристые слои туч лежали, словно неведомая, пустынная, всхолмленная страна. Нет, не лежали, а двигались в одном направлении — на восток, куда несло их атмосферное течение. Они плыли, плыли нескончаемо. Кое-где в них отражалось полярное сияние, а местами они были темными, мрачными.

Внизу двигалась неровная, то слоистая, то бугристая толща туч, освещаемая перемежающимися бликами, а сверху полярное сияние непрерывно меняло очертания, цвет и размеры, и все это придавало феерическую красоту пейзажу, расположенному в двух плоскостях и непрерывно изменяющемуся.

Встреча с Пьером была для Ольги радостной. И чуть грустной.

Были причины и для радости, и для грусти.

Вот он, рядом с ней, любимый человек, муж, отец ее дочери. Ее неуравновешенный, полный неиссякаемой энергии Пьер. Теперь он уже иной. Лучше, чем был? Да, конечно. Но тяжело травмированный, это все время чувствуется. Будет ли он когда-нибудь вполне счастлив? Кто знает?

И Анна... Как ни наладится жизнь на Венере, очень скоро настанет такое время, когда любой день при желании она сможет провести в родительском доме. Правда, в последнее время и на Земле это бывало редко. Но там все же есть сознание полной возможности.

Ольга и Пьер стояли у раскрытой двери. Искусственный дневной свет озарял все вокруг. Чуждая планета...

Наверно, те, кто пришел с Земли, никогда не забудут ее. Все лучшее на Венере будет напоминать им Землю. Даже когда здесь будет совсем хорошо, эта память полностью не изгладится. От нее будут свободны только те, кто рождается и вырастет здесь, кто будет знать Землю по рассказам других, по книгам, картинам, фильмам, теле. Придет время — они будут видеть Землю и ее жизнь отсюда так же отчетливо, как теперь видят ее с Луны. Мало того, настанет и такое время, когда они смогут посещать Землю как туристы. Возможно, будут и переселенцы с Венеры на Землю. Но родина их будет здесь. И на Земле они станут тосковать по Венере, как земные люди тоскуют здесь по родной планете.

Глава тридцать пятая, ПЕРСПЕКТИВЫ И НАДЕЖДЫ

Сверху кажется, что невысокие, сильно вытянутые здания висят в воздухе, они как бы приподняты над почвой. Как лучи звезды, они сходятся в центре. Их окружает густой хвойный лес. Когда самолет стал медленно подходить и опускаться на маленькую лесную поляну, Жан с наслаждением вдохнул запах хвои.

Это был первый созданный человеческими руками сосновый лес на Венере. Но тот, кто без предупреждения увидел бы его впервые, мог подумать, что этим стройным, высоким деревьям лет по сто. А на самом деле прошло всего пять лет с тех пор, как привезенные с Земли однокрылые семена легли во взрыхленную и удобренную почву сравнительно спокойной в сейсмическом отношении равнины. Выкачали магму, поставили дома на высоких рессорах. Изредка здания все же сотрясали мощные подземные толчки, рессоры сжимались и расправлялись, а внутри зданий почти ничего не чувствовалось.

Живя на Земле, Жан не задумывался о том, как ее покрыли богатыми лесами. Он принимал этот дар не очень отдаленных предков как нечто само собой разумеющееся. Люди обычно живо интересуются тем, что делается в настоящем или намечено сделать в будущем. Но далеко не все задумываются над тем, что застали готовым.

А ведь подавляющая часть земных лесов была создана так, как этот, венерианский. Население Земли слишком долго расточительно обращалось с природой. Мно-

жество лесов свели, погубили. Когда был создан Мировой Совет, одним из первых его мероприятий было восстановление лесов. К тому времени уже были найдены сильные стимуляторы роста.

Жан углубился в лес.

Стройные колонны сосен унесли ввысь небольшие редкие вершины — пучки зеленых и желтеющих раздвоенных игл. На желтую бумагу похожа тонкая облупливающаяся кора, у основания стволов она толстая, внутри красная, а снаружи морщинисто-корявая и покрыта, как сединой, светло-серыми наростами. Кое-где вытекает тягучая янтарноцветная смола и падает вниз удлинненными каплями, за которыми тянутся быстро застывающие смоляные нити. Внизу к стволам крепко присосались каменно-твердые плоские грибы — наросты. Травы нет. Местами на склонах низеньких холмиков алеют крупные ягоды земляники. Конструкторы леса не забыли и о ней. Почва устлана постоянно осыпающейся желтой хвоей. Повсюду разбросаны миллионы коротких растопыренных шишек. Щебечут, чирикают птицы. Вдали торопливо стучит дятел. Со стуком, подпрыгнув, упала шишка. Жан поднял голову: шишку сшибла, очевидно, мелькнувшая в вышине рыжеватая белка.

Вот и ручеек бежит. По берегам его пышно разросся низкий папоротник с широкими резными листьями.

Тихо шелестят кроны деревьев.

Жан идет по узкой тропинке. Шуршит сухая хвоя. Разгребает ее ногами, а под ней желтые грибы — лисички на толстых пузатых стебельках. Шляпки у них узкие, почти одной толщины со стебельками. А вот затаился большой боровик.

У подножия сосны широкий конус муравейника, сложенный из пожелтевшей хвои. Рыжеватые насекомые суеются на нем. Их завезли с Земли: они нужны лесу.

Жан нагнулся, сорвал крупную, почти до черноты созревшую ягоду земляники. Она растаяла под языком и оставила чудесный аромат земной ягоды.

Еще не целиком взята в руки планета. Но можно ли теперь допустить хоть долю сомнения? Вся будет в наших руках!

Однако Жан нерадостен. Не веселые обстоятельства привели его — в который уже раз! — в Венерианский филиал Института комплексной медицины. В вестибюле одного из зданий его встретила Ли. Наряду с прибывшими

с Земли учеными в филиале работают наиболее опытные врачи Венеры.

— Панаит ждет тебя,— сказала она. Детские черты ее лица были очень серьезны.

— Все то же, не так ли? — спросил Жан.

— Почти.

— Почти! Значит, появилась надежда?

— Мы никогда от нее не отказывались.

— Есть ли какой-нибудь новый способ лечения?

Ли чуть замешкалась с ответом:

— Не хочу тебя заранее обнадеживать. Но кое-что испытываем.

— Что, если можно спросить?

— Можно, конечно.

Она еще помолчала.

— Дело это очень сложное. Язык, на котором после травмы заговорил Панаит, как ты уже знаешь, принадлежит давным-давно вымершему американскому племени. Прежде всего надо было узнать, почему, забыв все нынешние языки, он вспомнил этот. Изучал ли он его когда-нибудь? Или мы тут имеем дело со своеобразным проявлением родовой памяти?

— А она существует?

— Вне всякого сомнения. И не только у человека, но и у животных. Что такое инстинкт? Ну, вот так... Выяснить, изучал ли Панаит этот язык, оказалось довольно легко. Не изучал. А вот происходит ли он от того американского племени, доискаться было очень сложно.

— Неужели все-таки доискались?

— Да, но, как видишь, очень нескоро. Дело-то старинное. Этим занимались этнографы, анатомы, физиологи, цитологи, генетики. Изучив строение организма, хромосомы, гены, они с большой долей вероятия нашли, что да, его отдаленные предки принадлежали к этой народности.

— С большой долей вероятия? Не наверняка?

— Этого и не требовалось. Ведь подтверждение — язык. Ну и теперь начинаем лечить.

— И вылечите?

— Не знаю...

— Постой,— спохватился Жан,— я ведь здесь не так уж редко бывал. Но ни ты, ни кто другой не говорили мне об этих исследованиях.

— Собственно, и теперь не следовало бы,— заметила врач,— чтобы не внушать тебе преждевременной надежды.

— Хорошо, не буду надеяться,— не очень искренне сказал Жан,— так что же вы намерены предпринять?

— Видишь ли, еще в двадцатом столетии установили, что носитель памяти — рибонуклеиновая кислота мозговых клеток. Только тогда еще не умели дифференцировать и изменять ее тончайшее строение. Теперь уже известно, что один состав несет в себе индивидуальную память, а другой — родовую. И даже больше: состав дифференцируется в зависимости от количества минувших поколений, только количество это, разумеется, считается не единицами, а десятками и сотнями. Вот почему надо было установить, какой вид памяти у Панаита сохранился, а какой потерян. Теперь начнем лечить препаратом рибонуклеиновой кислоты нужного состава.

— Я читал,— сказал Жан,— что такие случаи, как с ним, бывали и в старину. Не так ли?

— Да, в результате сильной физической или душевной травмы. Лечить тогда почти не умели. Да и сейчас только начинаем. Опыты на животных дали хорошие результаты. Но ведь головной мозг — это то, в чем человек меньше всего схож с животными. Лечить будем, а гарантии, сам понимаешь...

— Если б он только язык забыл,— продолжала Ли.— Но ты же знаешь. Кое-как его удалось обучить французскому. И ты мог убедиться, что он не помнит ничего. Лишился всех накопленных знаний. Ну вот ты всегда рассказываешь ему о его прежней жизни...

— Да, но он слушает так, словно речь идет о ком-то другом. И учиться чему бы то ни было ему страшно трудно, раз утеряны все прежние ассоциации.

Жан вошел в небольшую комфортабельную комнату Панаита. Юноша только что вернулся с прогулки и включил вещание. Передавали всеобщие известия. Панаит с любопытством слушал. Вещание можно было слушать на любом живом языке. А теперь оно было доступно Панаиту и на его языке: приемник сочетали с переводной машиной, куда заложили его наречие. Жан услышал короткие отрывистые фразы, быстрые, стреляющие слова, перемежающиеся громкими придыханиями.

— Здравствуй, Панаит,— сказал Жан.— Почему же ты не слушаешь по-французски?

Юноша смущенно улыбнулся: ему легче было слушать на своем древнем языке. Да и при этом многое не доходило до его понятия.

- Как ты себя чувствуешь, Панайт?
- Хорошо, — сказал юноша, — только скучно.
- Что же ты делаешь?
- Копаю землю. Семена сажаю. Но нет треков.
- Каких треков?
- Ну, таких... Охотиться.

Очевидно, он имел в виду какое-то животное, для которого в современном языке не имелось названия. Ясно было также, что впечатления отдаленнейших предков преобладали в сознании Панайта над впечатлениями окружающей жизни.

Жану показалось, что теперь он может ухватиться за ниточку, чтобы вытянуть из Панайта рассказ о жизни древнего народа, возможно подробности, еще неизвестные историкам. Но у Панайта в памяти опять все спуталось, и он не смог продолжать разговор. Скоро Жан убедился, что хотя они друг друга понимают, но говорить почти не о чем. Он понял и то, что Панайт, хоть и сказал «хорошо», на самом деле страдает от одиночества. Пусть он всегда среди людей, пусть уже до какой-то степени овладел одним из распространенных языков, но общаться ему с людьми трудно.

Все же после этой встречи с Панайтом Жан почувствовал, что за осторожными словами Ли, безусловно, таится надежда.

Он думал о Мерсье, своем любимом учителе.

Думал о Герде.

С каждым годом Жан все более убеждался, что образ Герды постоянно присутствует в его воображении. То первое впечатление, которое она произвела на него там, на Земле, когда он встретился с ней в числе других учеников Мерсье... потом — совместный полет в межпланетном корабле... выгрузка... страшная катастрофа на время стерла зарождавшееся влечение... нет, не стерла, а заглушила... затем работа вместе... ее внимательный взгляд, который, как ему кажется, часто останавливался на нем... ее голос с теплыми, порой даже ласковыми нотками... это на самом деле так или ему кажется?

Может быть, как это иногда бывает, он склонен принимать желаемое за действительность?

Будущее покажет...

А пока ему радостно думать, что, по последним известиям с Земли, она, окончательно выздоровевшая, будет опять здесь.

Панаит! Вот кому тяжело.

Но Институт комплексной медицины уже совершил настоящее чудо с Гердой. Значит, все же можно надеяться!

А вообще, впереди столько захватывающе радостного. Как много уже сделано для укрощения Венеры! И предстоит окончательная победа над ней.

Ну, а потом... очередь за другими планетами!

ЭПИЛОГ

Вот и приходит час моего расставания с далекими нашими потомками. Я смотрю на них через громадную толщу лет, как смотрят с темной улицы через окно в ярко освещенную комнату. Отчетливо вижу их, смотрю им прямо в глаза, а они меня не видят.

Как хотелось нарисовать картину их безоблачного счастья!

В общем они действительно счастливы. Но если быть правдивым, безоблачной картины все же не получается. А без правды и все описание ничего не стоило бы.

У многих из них счастье сложное, беспокойное.

Пьер Мерсье пережил тяжелую душевную травму. Его беда кончилась. Он работает. Но надлом остался — разве может такое пройти бесследно?

Выправится ли Пьер? Зарубцется ли окончательно его душевная рана? По совести говоря, не знаю. Но хочется надеяться, что когда-нибудь это будет. Он еще не стар, всего только седьмой десяток. В двадцатом веке это считалось старостью, а ведь его современники живут сто пятьдесят — двести лет. У него впереди еще десятилетия радостного труда.

И еще одно тревожит его: Анна...

Можно ли назвать вполне счастливой Ольгу?

Счастливой — да. Вполне — нет.

Ее захватила увлекательная работа: исторический музей на Венере. Но не может она не думать неотступно о том, какой след оставила пережитая Пьером трагедия.

И об Анне.

Анна и раньше не часто бывала в уютном домике на берегу Женевского озера, а теперь, когда родители покинули Землю, он и вовсе перестал существовать для нее.

Думала ли она когда-нибудь, что будет жить с отцом и матерью на разных планетах? Как часто взор ее маши-

нально обращается к телеаппарату, но тут же она спохватывается: сейчас уже не вызовешь мать. И отца.

Когда-нибудь связь между Землей и Венерой будет так же проста, как в пределах земного шара. Может быть, это будет и скоро. Но для нее очень нескоро.

Когда Еритомо сказал ей, что он включен в состав экипажа первого межзвездного корабля, она вздрогнула:

— Мы расстанемся?

— Это зависит от тебя, — серьезно сказал Еритомо.

Анна была поражена:

— И ты... ради меня... ради нас... готов отказаться?

Он тут же развеял ее сомнения:

— Когда в Мировом Совете обсуждали состав межзвездной экспедиции, я назвал тебя. Нашли, что это было бы хорошо: может быть, в далеких мирах окажутся такие разумные существа, с которыми можно будет объясняться музыкой. Но может быть, ты предпочла бы отказаться...

— О нет, нет! — ни секунды не размышляя, воскликнула Анна. Ее лицо озарилось радостью и тотчас же омрачилось печалью.

Радость: не расставаться с любимым. И участвовать в новом подвиге человечества. Печаль: на сколько времени придется разлучиться с родными?

Далеко от Земли, на маленьком астероиде, уже монтируют фотонный звездолет. Вблизи Земли он стартовать не может: мощный поток излучения истребил бы все живое на ней.

Для первого полета избрана ближайшая звезда — Альфа Центавра. Путешествие туда и обратно продлится немногим больше четырех лет. Быстрее света лететь нельзя, но и световая скорость — недостижимый предел. Однако скорость фотонного звездолета близка к этому пределу.

На Земле за это время пройдет около девяти лет.

Как это будет тяжело для Ольги и Пьера!

А для нее самой?

Для нее, если правду сказать, легче: она будет с *ним*.

И потом — какое счастье быть в числе первых исследователей неведомого!

— А если когда-нибудь люди доберутся до центра нашей Галактики? — задумчиво проговорила она.

— Не когда-нибудь, а очень скоро! — убежденно воскликнул Еритомо.

— Сколько же на это понадобится времени?

- Не так много, в оба конца двадцать четыре года.
- А... на Земле сколько же пройдет времени?
- Около сорока тысяч лет.

Страшная цифра! Она звучит словно глухой голос из таинственных глубин Вселенной. Кого же найдет на Земле космический путешественник, вернувшийся спустя такой огромный промежуток времени?

Пройдут многие поколения. Никто и понаслышке не будет знать его современников, за исключением тех, что оставили особенно яркий след в науке или искусстве. Все новое, незнакомое.. И пусть эти люди будут еще лучше, еще совершеннее тех, кого он оставил, но как же будет себя чувствовать возвратившийся? Ни родных, ни друзей — никого из тех, с кем свылся, с кем провел детство, молодость. И даже памяти о них не осталось...

— Знаешь, Еритомо,— сказала Анна,— не помню уже, в какой книге мне попалась старинная легенда.

Один монах вышел из своей обители в лес набрать дров. Он услышал пение. Пела невзрачная на вид птица, но голос ее был так обаятелен, что монах невольно заслушался. То была неведомо как залетевшая туда райская птица. Монах слушал, как ему показалось, всего три минуты. Но на самом деле прошло триста лет, так сладостно было пение.

Когда же он вернулся в монастырь, то не нашел никого из прежней братии. И только один глубокий старик припомнил, что ему когда-то рассказывали: давным-давно отлучился в лес какой-то монах, исчез без вести, и больше никто никогда не слышал о нем.

— Хорошая легенда,— сказал Еритомо.— Она говорит о силе красоты.

Будет и такое время, когда фотонная ракета увлечет земных людей к туманности, отстоящей от нашей Солнечной системы на три миллиарда световых лет. Путь туда и обратно со скоростью, близкой к скорости света, займет восемьдесят четыре года — половину человеческой жизни. Но возвратиться на Землю, быть может, и не придется: кто знает, что произойдет с ней за шесть миллиардов лет! Возможно, что ее уже и вовсе не будет.

Он заглянул в потемневшие голубые глаза Анны:

— Тебе страшно об этом думать?

— Об этом-то как раз и не страшно,— неожиданно весело ответила она.— Быть может, тогда уже и наше Солнце потухнет. Но если сейчас земное человечество готовится заселить другие планеты Солнечной системы, то

к тому времени оно сумеет перебраться в миры иных солнц, как предсказывал Циолковский. Он мечтал, что когда-нибудь люди и самую Землю свернут с ее орбиты и на ней, как на гигантском корабле, направятся к какому-нибудь другому солнцу. Не об этом ли говорил русский поэт Валерий Брюсов, обращаясь к земному Человечу:

*Верю, дерзкий! Ты поставишь
Над Землей ряды ветрил.
Ты по прихоти направишь
Бег в пространстве меж светил.
И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!*

Анна внезапно вздохнула:

— Путешествие за три миллиарда световых лет — это еще когда будет! Такая отдаленная перспектива не страшна. Тяжелы ближайшие девять лет. Отец..., Мать...

Такова противоречивая логика человеческих чувств: отдаленное будущее мы воспринимаем точным разумом, а сегодняшний день — биением сердца. И все же...

Человечество славно и тем, что разорвало цепь земного притяжения. А ведь это притяжение не только материальное.

Анна больше не исполняла публично свою сонату. Она считала вещь незаконченной. Не могла примириться с ее трагическим окончанием. После своего музыкального выступления она почувствовала это с особенной остротой. Все в ней протестовало против конца, звучащего поражением. Она стремилась к иному, победному окончанию, но не находила его в себе.

Почему? Разве ее стремление в дали Вселенной, ее предстоящее участие в новом завоевании человеческого разума не звучало в ней победным гимном?

Но глубины творчества не поддаются простому логическому объяснению. Может быть, тут дело в судьбе ее отца? Ведь в основном и вся соната, и ее печальный конец навеяны тем, что произошло с Пьером.

Так счастлива ли Анна?

Она уже сама себе ответила утвердительно на этот вопрос. Но ей предстоит разлука с близкими, она знает, что и им тягостно это расставание. Однако ведь она бу-

дет с любимым. Вместе с ним познает ни с чем не сравнимую радость первооткрывателей неведомых миров.

Счастлива ли Герда? Еще бы!

Однако почему она уж слишком спокойно ответила, когда ее спросил об этом Рашков?

Ее ждут на Венере друзья, желанная работа. Как она все время стремилась туда! Но тут, на Земле, она увлеклась новым интереснейшим трудом. Борьба со сном, вечным похитителем времени, захватила ее. Она уже вошла во вкус научной работы. Остаться на Земле? С Рашковым. Кто знает, когда она с ним встретится, если отправится на Венеру?

Нет, нет! Там трудности и опасности, там друзья, и она вернется к ним.

Итак, борьба с самой собой. А это значит: нет у нее безоблачного счастья. Но есть счастье труда, преодоления стихий!

А Рашков?

Герда сказала ему: «Не за пределы Солнечной системы улетаю».

Но за пределы Земли!

И кто знает, как жизнь сложится дальше? Но как бы то ни было, Рашков — один из счастливейших людей: его научные достижения огромны, он вместе со своими помощниками побеждает болезни, борется не только за счастье всего человечества, но и за здоровье и жизнь отдельных людей. И как отрадно видеть исцеленными каждого из них: и маленькую Марину, и Герду, и многих, многих других. И знать, что это твой труд избавил каждого из них от страданий. Никто не должен страдать!

Вполне ли счастлив Жан?

Работа его радует. Но Герда...

Трагедия неразделенной любви на протяжении всей истории человечества была одним из самых тяжелых, а главное — почти всегда непоправимых несчастий. И чем меньше бед становится у людей, тем острее и больнее остающиеся. И некоторые из них, боюсь, останутся навсегда.

Счастливо человечество в целом: оно идет вперед и вперед. Счастье — в движении. В движении человечества есть и падения, и взлеты, но в целом путь его — вперед и вверх!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава первая. С Земли все видно</i>	9
<i>Глава вторая. «Ты — убийца!»</i>	21
<i>Глава третья. Тяжкий приговор</i>	24
<i>Глава четвертая. Пылающие недра</i>	29
<i>Глава пятая. Настойчивое требование</i>	34
<i>Глава шестая. Твердое решение</i>	39
<i>Глава седьмая. Немного музыки</i>	42
<i>Глава восьмая. Тягостные встречи</i>	48
<i>Глава девятая. Лесной сюрприз</i>	54
<i>Глава десятая. Двойное исчезновение</i>	59
<i>Глава одиннадцатая. Планета обрушивает удар за ударом</i>	64
<i>Глава двенадцатая. Сложные загадки Венеры</i>	67
<i>Глава тринадцатая. Завершающий аккорд</i>	71
<i>Глава четырнадцатая. Комплекс</i>	77
<i>Глава пятнадцатая. Неожиданное приглашение</i>	83
<i>Глава шестнадцатая. По знакомой трассе</i>	89
<i>Глава семнадцатая. «Здесь будет вторая Земля!»</i>	94
<i>Глава восемнадцатая. Атмосфера — дело рук человеческих</i>	98
<i>Глава девятнадцатая. Центр урагана</i>	102
<i>Глава двадцатая. В разные стороны</i>	108
<i>Глава двадцать первая. Приключения кончаются по-разному</i>	112
<i>Глава двадцать вторая. Некоторые итоги</i>	122
<i>Глава двадцать третья. Плантация</i>	126
<i>Глава двадцать четвертая. Старые знакомые</i>	130
<i>Глава двадцать пятая. Послание от туда</i>	135
<i>Глава двадцать шестая. «Не может быть!»</i>	138
<i>Глава двадцать седьмая. Наблюдения и предположения</i>	143
<i>Глава двадцать восьмая. Невозможно? Нет, выполнимо!</i>	146
<i>Глава двадцать девятая. Замкнутые кривые</i>	151
<i>Глава тридцатая. Слова и звуки</i>	161
<i>Глава тридцать первая. Встреча с учителем</i>	166
<i>Глава тридцать вторая. Герда включается в работу</i>	169
<i>Глава тридцать третья. Задача решена</i>	171
<i>Глава тридцать четвертая. Ощутимые результаты</i>	176
<i>Глава тридцать пятая. Перспективы и надежды</i>	181
<i>Эпилог</i>	186

Палей А. Р.

П 14 В простор планетный. Научно-фантастический роман. М., «Мысль», 1968.

191 с. с илл. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

Любителям научной фантастики хорошо известны произведения А. Р. Палея «Планета Ким», «Остров Таусена» и др. Главная тема нового научно-фантастического романа — освоение планеты Венеры и преобразование ее природы, с тем чтобы создать там условия, пригодные для жизни человека, жителя Земли. Немало страниц книги посвящено жизни на Земле в коммунистическом будущем.

7-3-2
228-67

Р 2

Палей, Абрам Рувимович

В ПРОСТОР ПЛАНЕТНЫЙ

Редактор С. Н. Кумжес

Младший редактор Т. А. Игнатенко

Художественный редактор М. Н. Сергеева

Технический редактор Э. Н. Виленская

Корректоры Л. Ф. Селютина, В. Н. Шаньгина

Сдано в набор 8/II 1968 г. Подписано в печать 3/VII 1968 г.
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$, № 2. Усл. печатных листов 10,08.
Учетно-издательских листов 11,34. Тираж 60 000 экз. А01056.
Заказ № 2392. Цена 38 коп.

Издательство «Мысль», Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Глазполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

Москва, Ж-54, Валовая. 28.

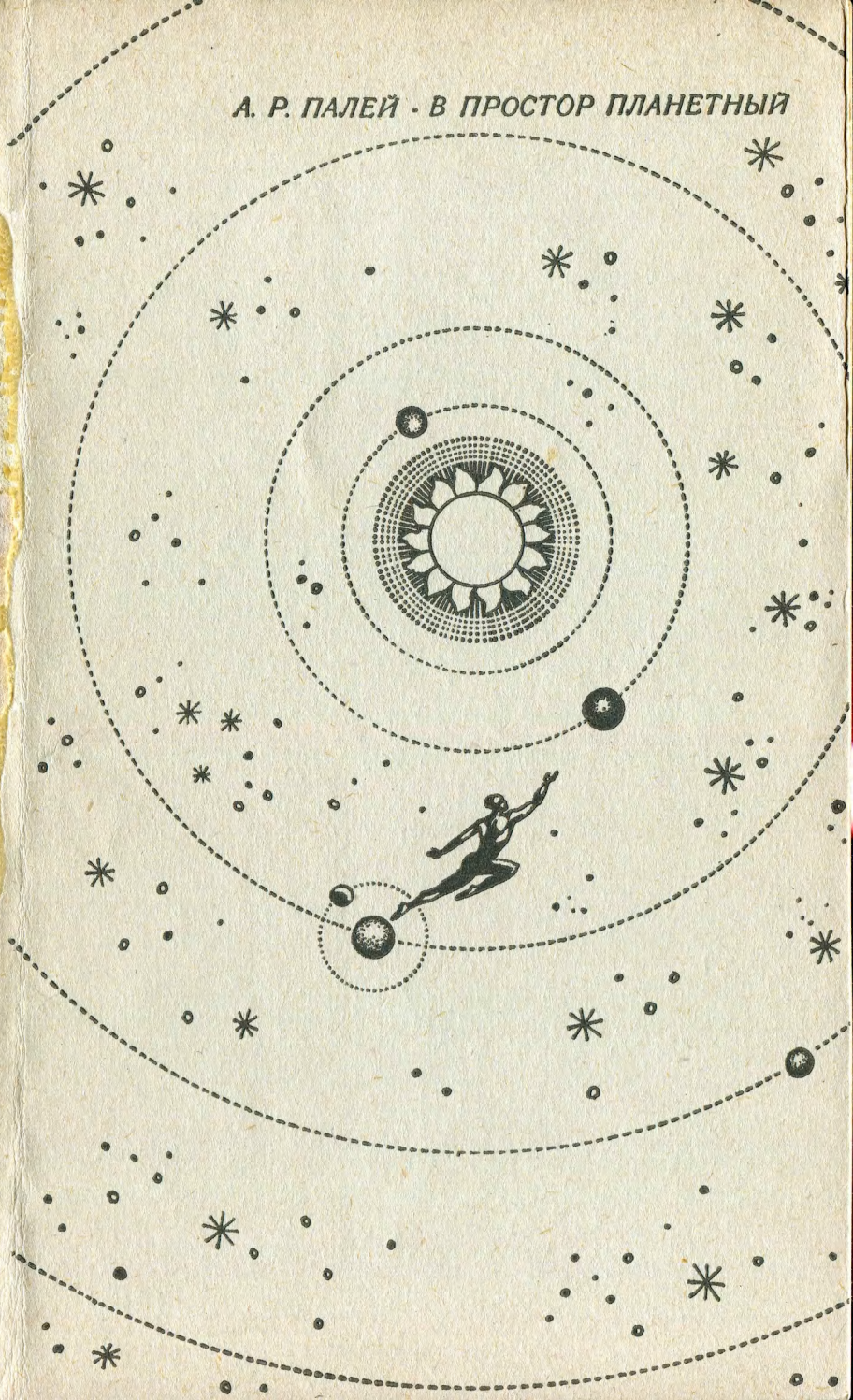
Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

38 коп.

А. Р. ПАЛЕЙ · В ПРОСТОР ПЛАНЕТНЫЙ

38 коп.

150

М
37-38

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

А. Р. ПАЛЕЙ
В ПРОСТОР ПЛАНЕТНЫЙ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1968 г. в издательстве «Мысль» выйдут следующие книги:

Воробьев В. В. и др. МОСКВА—ВЛАДИВОСТОК. Путеводитель. Изд. 2-е, доп. и улучшен.

Забелин И. ЛУННЫЕ ГОРЫ (Африканские повести). Серия «Путешествия. Приключения. Фантастика».

Мурзаев Э. ПУТЕШЕСТВИЕ В ЖАРКУЮ ЗИМУ. Серия «Рассказы о природе».

Стражевский А., Шмелев А. ЛЕНИНГРАД—АСТРАХАНЬ—РОСТОВ-НА-ДОНУ. Путеводитель.

Фридланд В. М. МЕЖДУ ГИМАЛАЯМИ И АРАВИЙСКИМ МОРЕМ.

Шапошникова Л. В. ДОРОГИ ДЖУНГЛЕЙ.